

ГОДЫ ТЕРРОРА

КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Том 2

ООО «Издательский дом
«Типография купца Тарасова»
ПЕРМЬ
2010

ББК 63.3(2) 615-49
Г59

Ответственный за выпуск
А. М. Калих

Редактор
А. М. Калих

Корректоры
Н. Н. Лазько, Т. Н. Назукина

Книга подготовлена Пермским краевым отделением Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Организационная поддержка:
Комиссия по восстановлению прав
реабилитированных жертв политических репрессий
(председатель – И. Г. Шулькин, секретарь – Е. М. Попова)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Пермской краевой администрации

Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий.
Часть 6, том 2. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2010. – 324 с.; илл.

ISBN 978-5-91437-032-6

- © Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»
- © ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2010

К ЧИТАТЕЛЯМ

Очередной том Книги памяти продолжает публикацию воспоминаний тех, уже немногих людей, кто пережил ужасы политических репрессий, кто на собственном опыте познал унижения и лагерное бесправие, страх за себя и близких, кто помнит ядовитую атмосферу подозрительности, стукачества, всепроникающего поиска врага. Сегодня, как никогда прежде, новым поколениям нужны свидетельства очевидцев, правда о прошлом. Потому что искус сталинского «порядка» притягивает к себе все большее количество людей – по неопытности, а чаще по невежеству.

Идущая в стране ползучая реабилитация сталинизма несет в себе немалую долю злого лукавства. Давайте уважим ветеранов, говорят одни. Поставим памятники «вождю народов», развесим его портреты. Что, мол, такого? Давайте признаем его великие заслуги, говорят другие. Да, были ошибки, но кто их не делает? Зато... и далее идут заученные слова об аграрной стране, об индустриализации, о великой Победе, которую Он сотворил.

Не в портретах и не в славословии дело. Это лишь маска. Лукавство заключается в том, что нам постепенно, незаметно навязывают возврат в прошлое. Подмазывают медом возврат к системе, в которой человеческая жизнь и достоинство не стоят и ломанного гроша. Нас убеждают, что дутое могущество, построенное на костях наших отцов и дедов, ценнее и важнее человеческой жизни.

Хочу еще раз повторить слова из вступления к предыдущему тому воспоминаний. По-моему, они не потеряли актуальности и сегодня:

«Мне кажется, слово «воспоминания» не совсем точно отражает смысл и цель наших публикаций в Книге памяти. Это свидетельства. Или, если хотите, личные показания, произнесенные на суде, где рано или поздно получают свой приговор преступления коммунистического режима. Это еще и предупреждение тем, кто под «крышей» официальной пропаганды торопится возродить, замылить, очистить от крови миллионов людей «величие» вождя всех народов и созданной им карательной системы».

Александр Калих

В выпуске этого тома Книги памяти впервые приняла участие группа студентов филологического факультета (кафедра журналистики) Пермского государственного университета. Творческая практика будущих журналистов на базе общества «Мемориал» состоялась по доброй воле декана филфака, профессора Бориса Вадимовича Кондакова и заведующего кафедрой журналистики, профессора Владимира Васильевича Абашева. Редакционная коллегия благодарит руководителей факультета за помощь, за понимание важности нашей работы.

В редактировании и записи воспоминаний репрессированных, в их подготовке к печати приняли участие студентки Александра Гузова, Алеся Галибус, Екатерина Корнева, Ксения Артеменко, Ксения Кузнецова, Мариэтта Оганисян, Снежана Дакибаева, Юлия Кукушкина, Юлия Гусельникова, Яна Мелкозернова, Ярослава Обухова. Спасибо, коллеги, успехов вам в избранной профессии!

Особая благодарность – писателю, краеведу и, что немаловажно, члену общества «Мемориал» Владимиру Федоровичу Гладышеву. Его вклад в создание этого тома, мы уверены, заметят и по достоинству оценят наши читатели.

ПАМЯТЬ О СТАЛИНИЗМЕ

Арсений Рогинский, председатель правления Международного общества «Мемориал».

Проблемы, связанные с памятью о сталинизме в сегодняшней России, болезненны и остры. На прилавках – масса просталинской литературы: художественной, публицистической, квазиисторической. В социологических опросах Сталин неизменно в первой тройке «самых выдающихся деятелей всех времен». В оправдательном духе интерпретируется сталинская политика в новых учебниках истории для школы.

А рядом – безусловные достижения историков и архивистов, сотни посвященных сталинизму фундаментальных томов документов, научных статей и монографий. Но они если и оказывают влияние на массовое сознание, то слишком слабое. Причины тому – и в недостатке практических механизмов такого влияния, и в исторической политике последних лет. Но более всего – в особенностях нынешнего состояния нашей национальной исторической памяти о сталинизме.

Что я понимаю здесь под исторической памятью и что понимаю под сталинизмом? Вполне общепринятые вещи.

Историческая память – это ретроспективная форма коллективного сознания, формирующая коллективную идентичность в ее отношении к значимому для этой идентичности прошлому. Она работает с прошлым, реальным или мнимым, как с материалом: отбирает факты и соответствующим образом их систематизирует, выстраивая из них то, что она готова представить как генеалогию этой идентичности.

Сталинизм же – это система государственного управления, совокупность специфических политических практик сталинского руководства. На всем своем протяжении эта система, во многом эволюционировавшая, сохраняла ряд характерных черт. Но наиболее специфическая характеристика сталинизма, его родовая черта (возникшая с самого начала большевистского правления и со смертью Сталина не исчезнувшая) – **это террор как универсальный инструмент решения любых**

политических и социальных задач. Именно государственное насилие, террор обеспечивал и возможность централизации управления, и разрыв горизонтальных связей, и высокую вертикальную мобильность, и жесткость внедрения идеологии при легкости ее модификации, и большую армию субъектов рабского труда и многое другое.

Отсюда память о сталинизме – это, прежде всего, **память о государственном терроре как о системообразующем факторе эпохи, а также о его связи с разнообразными процессами и событиями того времени.**

Но такова ли Память о сталинизме в современной России?

Скажу несколько слов о ключевых свойствах этой сегодняшней памяти.

Первое: память о сталинизме в России – это почти всегда память о жертвах. О жертвах, но не о преступлении. В качестве памяти о преступлении она не отрефлексирована, на этот счет консенсуса нет.

Дело в немалой степени в том, что в правовом смысле массовому сознанию не на что опереться. Нет никакого государственного правового акта, в котором государственный террор был бы назван преступлением. Двух строк в преамбуле к Закону 1991 г. о реабилитации жертв явно недостаточно. Нет и вызывающих хоть частичное доверие отдельных судебных решений – никаких судебных процессов против участников сталинского террора в новой России не было – ни одного.

Но причины не только в этом.

Любое освоение исторических трагедий массовым сознанием базируется на распределении ролей между Добром и Злом и отождествлении себя с одной из ролей. Легче всего отождествить себя с Добром, то есть с невинной жертвой или, еще лучше, с героической борьбой против Зла. (Кстати, именно поэтому у наших восточноевропейских соседей, от Украины до Польши и Прибалтики нет таких тяжелых проблем с освоением советского периода истории, как в России – они идентифицируют себя с жертвами или борцами, или с теми и другими одновременно; другой вопрос, всегда ли это отождествление находится в согласии с историческим знанием – но мы не о знании говорим, а о памяти). Можно даже отождествить себя со Злом, как это сделали немцы (не без помощи со стороны), – с тем, чтобы от

этого Зла отмежеваться: «да, это, к несчастью, были мы – но теперь мы не такие и никогда больше такими не будем».

А что делать нам, живущим в России?

В советском терроре крайне сложно разделить палачей и жертв. Например, секретари обкомов, в августе 37-го они все, как один, члены «троек» и пачками подписывают расстрельные приговоры, а к ноябрю 38-го половина из них уже сама расстреляна.

В национальной и, в особенности, региональной памяти условные «палачи», – например, те же секретари обкомов 37-го года – остались отнюдь не одномерными злодеями: да, он подписывал документы о расстрелах, но он же организовывал строительство детских садиков и больниц и лично ходил по рабочим столовым снимать пробу с пищи, а дальнейшая его судьба и вовсе вызывает сочувствие.

И еще одно: в отличие от нацистов, которые, в основном, убивали «чужих»: поляков, русских, наконец, немецких евреев (тоже ведь не совсем «своих»), **мы убивали в основном своих, и сознание отказывается принимать этот факт.**

В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». Эта **невозможность отчуждения зла** и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре. Она усугубляет ее травматический характер, становится одной из главных причин вытеснения ее на периферию исторической памяти.

Второе – на определенном уровне, на уровне личных воспоминаний – это **уходящая память**. Свидетели еще есть, но это – последние свидетели, и они уходят, а вместе с ними уходит и память как личное воспоминание и личное переживание.

С этим вторым связано и **третье**:

На смену памяти-воспоминанию приходит память как набор коллективных образов прошлого, формируемых уже не личными и даже не семейными воспоминаниями, а различными социально-культурными механизмами. Не последним из этих механизмов является **историческая политика**, целенаправленные усилия политической элиты по формированию устраивающего ее образа прошлого. Такого рода усилия мы наблюдаем уже с 1990-х годов, когда политическая власть принялась

искать обоснования собственной легитимности в прошлом. Но если власть ощущала дефицит легитимности, то население после распада СССР ощущало дефицит идентичности. При этом и власть, и население искали способ восполнить свои дефициты в образе Великой России, наследником которой является Россия нынешняя. Те образы «светлого прошлого», которые предлагались властью в 90-е годы – Столыпин, Петр Первый и так далее – не были восприняты населением: слишком далеко и слишком мало связано с сегодняшним днем. Постепенно и подспудно концепция Великой России прирастала советским периодом, в частности – сталинской эпохой.

Пост-ельцинское руководство страны уловило эту готовность к очередной реконструкции прошлого и в полной мере ее использовало. Я не хочу сказать, что власть 2000-х намеревалась реабилитировать Сталина – она всего лишь хотела предложить своим согражданам идею великой страны, которая в любые эпохи остается великой и с честью выходит из всех испытаний. Образ счастливого и славного прошлого был нужен ей для консолидации населения, для восстановления непрерывности авторитета государственной власти, для укрепления собственной «вертикали» и т. д. Но, независимо от этих намерений, на фоне вновь возникшей панорамы великой державы, сегодня, как и прежде, «окруженной кольцом врагов», проступил уса́тый профиль великого вождя. Этот результат был неизбежным и закономерным.

Два образа эпохи Сталина вступили в жестко конкурентные отношения друг с другом: образ *сталинизма*, т. е. образ преступного режима, на совести которого десятилетия государственного террора – и образ эпохи славных побед и великих свершений. И, конечно, в первую очередь образ главной победы – Победы в Великой Отечественной войне.

Четвертое: Память о сталинизме и Память о войне. Память о войне и стала той несущей конструкцией, на которой была переорганизована национальная самоидентификация. На эту тему много написано. Отмечу только одно: то, что сегодня называют памятью о войне, не вполне соответствует названию. Память о тяготах войны, о ее повседневности, о 41-м годе, о плене, эвакуации, о жертвах войны, эта память в хрущевскую эпоху была резко антисталинской. В то время она органично

сплеталась с памятью о терроре. Сегодня память о войне подменена памятью о Победе. Подмена началась в середине 60-х. Одновременно с конца 60-х вновь оказалась – на целых двадцать лет! – под запретом память о терроре. Завершилась же подмена только теперь, когда фронтовиков почти не осталось и корректировать коллективный стереотип личными воспоминаниями некому.

Память о Победе без памяти о цене Победы, конечно, не может быть антисталинской. И поэтому она плохо совмещается с памятью о терроре. Если сильно упростить, то этот конфликт памятей выглядит примерно так. Если государственный террор был преступлением, то кто преступник? Государство? Стоявший во главе его Сталин? Но ведь мы победили в войне с Абсолютным Злом, – и, стало быть, мы были не подданными преступного режима, а великой страной, олицетворением всего доброго, что есть в мире? Именно под водительством Сталина мы одолели Гитлера. Победа – это эпоха Сталина, и террор – это эпоха Сталина. Примирить эти два образа прошлого невозможно, если только не вытеснить один из них, или, по крайней мере, не внести в него серьезные коррективы.

Так и произошло – память о терроре отступила. Она не вовсе исчезла, но оказалась оттесненной на периферию массового сознания.

В этих обстоятельствах удивительно, что память о терроре вообще осталась хоть в каком-то виде, что она не превратилась в Великое Национальное Табу, что она все-таки существует и развивается.

Беглomu обзору механизмов и институций, которые формируют эту память, я и намерен посвятить оставшееся время.

Первым и самым наглядным свидетельством памяти об исторических событиях являются **памятники**, посвященные этим событиям.

Вопреки распространенному мнению, памятников и памятных знаков, напоминающих о сталинском терроре, в России немало – не менее 800. Устанавливаются они не централизованно, а энергией общественности и местных администраций. Федеральная власть практически не участвует в мемориализации памяти о терроре. Это не воспринимается как приоритетная государственная задача. Какую-то роль, вероятно, играет

также желание уклониться от дополнительной легитимации болезненной темы.

Все эти скульптуры, часовенки, кресты, закладные камни увековечивают Память о жертвах. Но в этой памяти нет образа преступления, нет и преступников. **Есть жертвы – то ли стихийного бедствия, то ли какой-то иной катастрофы, источники и смысл которой остаются массовому сознанию непостижимыми.**

В городах большинство этих памятников и памятных знаков стоят не на центральных площадях, а в отдаленных местах, там, где покоятся останки расстрелянных. При этом многие центральные улицы по-прежнему носят имена людей, прямо или косвенно к террору причастных. Совмещение сегодняшней городской топонимики, унаследованной от советской эпохи, и памяти о жертвах, унесенной на окраины, – вот наглядный образ состояния исторической памяти о сталинизме в России.

Книги памяти – одна из опорных точек памяти о сталинизме. Эти книги, издающиеся в большинстве регионов России, образуют сегодня библиотеку объемом почти в 300 томов. В них содержится в общей сложности более полутора миллионов имен казненных, приговоренных к лагерным срокам, депортированных. Это серьезное достижение, особенно если вспомнить сложности доступа ко многим нашим архивам, хранящим материалы о терроре.

Однако эти книги почти не формируют национальную память. Во-первых, это – региональные книги, содержание каждой из которых по отдельности являет собой не образ национальной катастрофы, а, скорее, картину «местной» беды. С региональной раздробленностью корреспондирует методологический разнобой: у каждой Книги памяти свои источники, свои принципы отбора, свой объем и формат представления биографических данных. Причина этому – отсутствие единой государственной программы выпуска Книг памяти. Федеральная власть и здесь уклоняется от своего долга.

Во-вторых, это – почти не публичная память: книги выходят крошечными тиражами и не всегда попадают даже в региональные библиотеки.

Сейчас «Мемориал» разместил в Интернете базу данных, которая объединяет данные Книг памяти, пополненные

некоторыми данными МВД России, а также самого «Мемориала». Здесь более 2 миллионов 700 тысяч имен. В сравнении с масштабами советского террора это очень мало, на составление полного списка, если работа будет продолжаться такими темпами, уйдет еще несколько десятилетий.

Музеи. И здесь дела обстоят не так скверно, как можно было бы ожидать. Конечно, в России по-прежнему нет общенационального Музея государственного террора, который мог бы сыграть важную роль в формировании образа террора в массовом сознании. Местных музеев, для которых тема террора была бы основной, меньше десяти. И все-таки, по нашим данным, тема террора присутствует изредка в экспозициях, а в основном в фондах около 300 музеев, разбросанных по всей стране (это, главным образом, районные и городские краеведческие музеи). Однако общие проблемы памяти о терроре сказываются и здесь. В экспозициях тема лагерей и трудпоселков чаще всего растворена в сюжетах, посвященных индустриализации района, а собственно репрессии – аресты, приговоры, расстрелы – в биографических стендах и витринах. В целом террор представлен крайне фрагментарно, и лишь условно вписан в историю страны.

Места памяти, связанные с террором. Сегодня это в первую очередь места захоронений: массовые захоронения расстрелянных в период Большого террора и крупные лагерные кладбища. Но тайна, окутывавшая расстрелы, была столь велика, столь мало источников на эту тему удалось обнаружить, что на сегодня нам известно лишь около 100 мест захоронений расстрелянных 1937-1938 гг. – по нашим подсчетам, меньше трети от общего числа. Пример: несмотря на многолетние усилия поисковых групп, не удается найти даже захоронения жертв знаменитых «кашкетинских расстрелов» около Кирпичного завода под Воркутой. Что же до лагерных кладбищ, то мы знаем лишь считанные десятки из нескольких тысяч когда-то существовавших.

В любом случае, кладбища – это опять-таки память о жертвах.

Местами памяти **не становятся** объекты инфраструктуры террора в городах, – сохранившиеся здания областных и районных управлений ОГПУ/НКВД, здания тюрем, лагерные управления. Местами памяти почти не становятся объекты промышленности, возведенные трудом политзаключенных –

каналы, железные дороги, шахты, заводы, комбинаты, дома. Очень просто было бы превратить их в «места памяти» – достаточно всего лишь повесить мемориальную доску у проходной завода или на железнодорожной станции.

Еще один канал снабжения массового сознания историческими концепциями и образами – **культура** в наиболее массовых формах бытования, прежде всего, телевидение. Телевизионные передачи, посвященные сталинской эпохе, довольно многочисленны и разнообразны, и гламурный просталинский китч вроде сериала «Сталин-life» конкурирует на равных с талантливими и вполне добросовестными экранизациями Шаламова и Солженицына. Телезритель может выбирать предпочтительные для него способы прочтения эпохи. Увы, судя по всему, доля тех, кто выбирает «Сталин-life» растет, а тех, кто выбирает Шаламова – падает. Естественно: зритель, чье актуальное мировоззрение формирует антизападная риторика и бесконечные заклинания телевизионных политологов о великой стране, которая со всех сторон окружена врагами, а внутри подрывается «пятой колонной», не нуждается в подсказках, чтобы выбрать для себя тот образ прошлого, который лучше всего соответствует этому мировоззрению. И никакими Шаламовыми-Солженицыными его не собьешь.

Наконец, едва ли не самый важный институт конструирования коллективных представлений о прошлом – **школьный курс истории**. Здесь (а также в значительной части публицистических и документальных телепередач) государственная историческая политика, в отличие от многого, о чем говорилось выше, вполне активна. Ее характер, впрочем, заставляет задуматься над тем, что пассивность по отношению к исторической памяти не столь опасна, как использование истории в качестве инструмента политики.

В новых учебниках истории присутствует тема сталинизма как системного явления. Казалось бы, достижение. Но террор выступает там в качестве исторически детерминированного и безальтернативного инструмента решения государственных задач. Эта концепция не исключает сочувствия к жертвам Молоха истории, но категорически не допускает постановки вопроса о преступном характере террора и о субъекте этого преступления.

Это не результат установки на идеализацию Сталина. Это естественное побочное следствие решения совсем другой задачи – утверждения идеи заведомой правоты государственной власти. Власть выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые выше интересов человека и общества, выше морали и права. Государство право всегда – по крайней мере, до тех пор, пока справляется со своими врагами. Эта мысль пронизывает новые учебные пособия от начала и до конца, а не только там, где речь идет о репрессиях.

Итого: как видно из всего сказанного выше, мы можем говорить о памяти раздробленной, фрагментарной, уходящей, вытесненной на периферию массового сознания. Носители памяти о сталинизме в том смысле, который мы вкладываем в эти слова, сегодня в очевидном меньшинстве. Остается ли еще у этой памяти шанс стать общенациональной, какие знания и какие ценности должны быть для этого усвоены массовым сознанием, что здесь надо делать – это предмет отдельного разговора. Ясно, что необходимы совместные усилия и общества и государства. Ясно также, что историкам в этом процессе принадлежит особая роль, на них же падает и особая ответственность.

*Выступление на конференции «История сталинизма»,
Москва, 5 декабря 2008 года.*

30 октября 2009 года, в День памяти жертв политических репрессий, в помещении, где сегодня размещаются хозяйственные службы Пермского театра кукол, была впервые представлена мультимедийная экспозиция «Если помним, мы народ». Более 200 человек стали свидетелями и участниками большого события в жизни города Перми и краевого общества «Мемориал». Сделан первый шаг к созданию музея истории тюрьмы НКВД № 2, когда-то размещавшейся в этом здании. Теперь от нас самих, от нашей настойчивости зависит судьба будущего музея.

Предлагаем вашему вниманию сценарий, по которому была создана композиция «Если помним, мы народ»¹. Автор сценария – Александр Калих.

ЕСЛИ ПОМНИМ, МЫ НАРОД

Экскурсовод. Архивные документы, а также воспоминания многих пермяков, пострадавших в годы политических репрессий, подтверждают исторический факт: в помещениях Пермского театра кукол в 30-40-е годы прошлого столетия размещалась тюрьма НКВД № 2. Хорошо известно также, что в зданиях СИЗО, расположенного в районе Разгуляя, размещалась тюрьма НКВД № 1.

Оба тюремных комплекса построены во второй половине 19 века. У обоих «богатая» дореволюционная история. Но сегодня мы лишь кратко коснемся этой части истории, а акцентируем ваше внимание на периоде сталинских репрессий и той трагической роли, которую играла в 30-40-е годы бывшая тюрьма НКВД № 2.

Мы находимся в помещении, где размещены хозяйственные службы театра, склады и мастерские. В годы сталинского террора вдоль этого длинного тюремного коридора размеща-

¹ Разумеется, у нас нет возможности представить здесь все видео- и фотоматериалы, которыми сопровождалась композиция «Если помним, мы народ». Читатель Книги памяти увидит лишь часть этих материалов.

Пересыльный замок, построенный в 1871 году на Сибирском тракте за городской заставой. Через полвека здесь разместится тюрьма НКВД № 2.

лись камеры, в которых содержались политические заключенные. Сохранились и камеры, и коридор, и иные объекты, напоминающие о трагическом периоде жизни нашего города и всей страны.

Здание же самого детского театра, его просторные фойе и залы представляют собой в корне перестроенные помещения бывшей тюрьмы и ничем не напоминают ушедшее прошлое.

Свет в помещении постепенно гаснет. В полутьме хаотически движутся огни прожекторов, звучат лай собак, окрики охранников, лязг тюремных дверей. На двух экранах, размещенных в разных концах коридора, возникают документальные кадры советской кинохроники. Выступающая на митинге активистка громко призывает искать врагов советской власти. «Разоблачить, – призывает она, – Еще больше разоблачить, которые еще остались. Никто, не стесняйтесь, не бойтесь!»

Идут кадры какой-то манифестации 30-х годов. На переднем плане лозунг «Если враг не сдается, его нужно уничтожить!»

Новые кадры: Сталин долго смотрит в толпу, поворачивает голову в нашу сторону, его взгляд переполнен устрашающей энергией.

Экскурсовод. Продолжает на фоне последних кадров.

Тяжело продолжать рассказ под этим страшным, цепенящим взглядом... Но продолжу. Вы находитесь в бывшем тюремном коридоре, куда выходили тяжелые двери камер. В каждой двери – глазок для наблюдения и так называемая кормушка, через которую людям передавали тюремную пищу. Здесь отбывали сроки, здесь страдали наши близкие и родные, известные и тысячи безвестных мучеников сталинского ГУЛАГа.

Но эти старинные стены стоят уже не первый век. Какова была предыстория тюрьмы?

На экранах возникает фотография тюремного замка. Затем – начерченная в 20-х годах прошлого века схема расположения помещений тюрьмы (в то время – исправительного дома № 2).

Диктор. В середине 19 века губернская Пермь была важным пересыльным пунктом при конвоировании арестантов в Сибирь на каторгу и поселения.

Здание, в котором мы с вами находимся, представляет собой то, что осталось от пересыльного замка, построенного в 1871 году на Сибирском тракте за городской заставой.

В комплекс зданий замка входили не только помещения для арестантов (собственно тюрьма) и хозяйственные постройки (конюшни, мастерские, склад, амбар и пр.), но и жилые помещения (дом начальника замка, квартиры жандармов и их семей). На территории пересыльного замка имелось даже своё кладбище и своя тюремная церковь – храм во имя святого Николая Мирликийского Чудотворца.

Коренные пермяки знают, что комплекс зданий тюрьмы НКВД № 2 в 30-40-е годы прошлого столетия занимал целый квартал по периметру современных улиц Сибирской, 1-ой Красноармейской, Полины Осипенко и Газеты «Звезда».

По воспоминаниям очевидцев, в годы «Большого террора» (1937-1938 гг.) обе тюрьмы были невероятно перегружены

заключенными. Нынешний сквер Декабристов, примыкавший к тюрьме № 1, карательные органы на протяжении многих месяцев использовали как тюрьму.

Медленно идут фотографии заключенных – фас и профиль.

Тысячи репрессированных сидели и лежали на земле – в любую погоду, не имея права встать. Они ждали отправки на этап. Многие дети и родственники арестованных вспоминают, как бежали они по обочине дороги, провожая колонны арестованных, как в последний раз видели родного человека. Колонны гнали на вокзал Пермь-2, а оттуда в Свердловск, где людей ждал приговор по политической 58-й статье.

Идут документальные кадры: сотрудник международного общества «Мемориал» А. Гурьянов рассказывает о типовой планировке тюрем ГУЛАГа, о том, что почти в каждой из них была расстрельная комната. Переступив ее порог, заключенный получал пулю в затылок.

Идут кадры, показывающие сталинские лагеря; зима, вьюга, заключенные с кирками и лопатами. Лагерные вышки, колючая проволока...

Эти кадры сопровождают рассказ А. М. Калиха:

В 90-е годы мне довелось встретиться с бывшей заключенной тюрьмы НКВД № 2 Наной Кирилловной Кашлявик, репрессированной в 1937 году. Наны Кирилловны давно нет на свете. Она была известным в Перми человеком, первым диктором пермского радио. В 1937-м ее арестовали и приговорили к 10 годам лагерей за (привожу дословно) попытку отравления вод Камы, а также за подготовку к покушению на Молотова и Сталина.

А. М. Калих читает отрывки из статьи Л. Ширинкиной и В. Ширинкина «Верните маму», опубликованной в газете «Личное дело», 30 сентября 2004 г.:

«Наступило 17 декабря печально известного 1937 года. В квартиру № 13 на Долматовской, 1 громко постучали, и этот стук разделил всю жизнь Наны на «до» и «после». Ее младшая дочь Ирма через 67 лет написала нам из Москвы: «Арест мамы я помню в деталях и обыск (а тогда мне был 6-й год). Была страшная стужа. Пришли почти ночью (под утро), было темно, и мы спали. Пришло двое и понятой – домком Внутских. Зверствовал один – его наглуую морду я бы, кажется, сейчас узнала. Он заявил, что мама – дочь какого-то польского короля Сигизмунда, на что дедушка (отец мамы) в отчаянии поворачивал голову мамы, чтобы этот подонок убедился, что у них и внешнее сходство и профиль один. Он говорил: «Это я, я отец, разве не видите?»

...Тетя Оля (это я тоже помню сама) просила, чтобы взяли ее, так как у сестры дети, а им всё равно, кого брать. Ее и бабушку грубо оттолкнули так, что они обе повалились, мама в это время уже надела пальто, обнимала меня, Ляльку, всех вместе и говорила: «Я скоро приду, это ошибка, страшная ошибка».

Но довелось вернуться домой Нане Кашлявик только через пять с половиной лет».

Сюда, в одну из этих камер привели Нану. Все камеры переполнены, людей в них не вводили, а вдавливали или, как говорили охранники, прессовали. Заключение сутками стояли прижатые друг к другу, многие не выдерживали, теряли сознание, погибали. Нана Кирилловна запомнила, как привели арестованного секретаря Пермского горкома РКП(б) А. Я. Голышева. Охранники пытались втолкнуть его в камеру, но, увидев происходящее, Голышев раскидал их, попытался вырваться на свободу.

На экранах старая газета. Высвечивается название газеты – «Большевицкая смена», день выхода 10 октября 1935 года. Затем появляется групповая фотография. Фокус выхватывает человека в центре.

А. М. Калих. Вот он в центре, местный партийный вождь. Фотография опубликована в 1935 году, за два года до его ареста. В 1937 году он был расстрелян по немыслимому приговору – за организацию антисоветской террористической

Множить ряды стахановцев

Тт. Голышев, Побережский, Левани среди молодых стахановцев завода № 19 и зав. - м. Дзержинского.

Призыв стахановцев
завода № 19 на заводе
им. Дзержинского
не поддержан

Первым шагом комитета комсомола завода им. Дзержинского в деле развертывания стахановского движения была попытка собрать 23 октября самоназначенных стахановцев.

Но что стоит один разговор о слете, когда они не подготовлены организационно и практически по своему цехам. Никакой подготовки к слету заводской комитет не провел и слет молодых стахановцев на заводе был сорван.

Трудно найти молодых стахановцев в цехах завода им. Дзержинского. И не потому что их нет на заводе. Продолжатели стахановских традиций в работе на заводе им. Дзержинского.

*Фото из газеты «Большевицкая смена», 10 октября 1935 года.
Секретарь Пермского горкома РКП(б) А. Я. Голышев
и директор завода № 19 Иосиф Побережский на встрече
со стахановцами Перми.*

организации. Рядом на фотографии тоже в своем роде историческая личность – директор завода № 19 (затем моторостроительный завод имени Сталина, затем имени Свердлова и так далее), бывший комбриг Иосиф Побережский, в начале 38-го он тоже будет расстрелян как «враг народа».

...Нане Кирилловне удалось выжить. Основной срок заключения она отбыла в лагерных зонах Архангельской области, в тех местах, где позже снимался кинофильм «А зори здесь тихие...»

Диктор. Через эту тюрьму в период сталинского террора прошли многие известные граждане Перми и области, ставшие жертвами политических репрессий.

На двух экранах возникает мозаика из лиц людей, бывших заключенных тюрьмы НКВД № 2. Диктор (экскурсовод)

«кликает» по нескольким портретам, одна за другой открываются фотографии и тексты, рассказывающие о конкретных людях. Среди них известная в Перми балерина, журналист, писатель, композитор, первый ректор Пермского государственного университета и многие другие.

Диктор. Невозможно рассказать обо всех безвинных невольниках этой тюрьмы, их были тысячи. Вдобавок мы еще мало знаем о них. Портретная галерея, которую вы видите на экране, будет расширяться – в первую очередь, с вашей помощью, друзья. По самым скромным подсчетам в годы сталинского террора пострадал каждый четвертый житель Прикамья. Так что вам есть о чем и о ком рассказать посетителям будущего музея.

А сейчас – рассказ о судьбе одного из заключенных тюрьмы НКВД № 2 Израиле Абрамовиче Зекцере, ставшего в начале 90-х годов основателем и первым председателем Пермской Ассоциации жертв политических репрессий.

Открываются 2 фотографии И. А. Зекцера (в юности и в зрелом возрасте). Затем идут газетные строки из статьи журналиста и краеведа Владимира Гладышева «Дело Зекцера». Автор сам читает отрывки из своей статьи:

«...Антисоветская группа состояла из пяти десятиклассников пермской школы № 11 и называлась так: Независимая Коммунистическая Партия Обновления (НКПО). Члены новой партии ставили своей целью «борьбу со всеми недостатками в СССР с конечной целью – коммунизм». Они успели провести всего шесть нелегальных собраний, разработать устав и составить присягу, в которой клялись всю свою жизнь бороться за победу во всем мире.

Вот, собственно, и все их преступление.

НКПО создал фактически один человек – десятиклассник той же одиннадцатой школы (ныне – гимназия имени С. П. Дягилева) Изя Зекцер.

...Однажды, когда они съездили в деревню, когда увидели, в какой нищете живут колхозники, – после этого посерьезнели Изя и его товарищи. Они понимали, разумеется, что

сказывается еще война, ее разорительное наследие. Но не только же в этом было дело... – Вы посмотрите, какой бюрократизм кругом! Справки важнее, чем человек! Много красивых разговоров, а настоящей диктатуры пролетариата нет, политика партии искажается...

Так убеждал юный Зекцер своих друзей в необходимости создания самой справедливой организации.

6 декабря 1945 года Изя Зекцер был арестован, шесть месяцев находился под следствием. Допросы вел, «ввиду особой важности дела» (такого в Перми давно не бывало), сам начальник следственного отдела МГБ Хецелиус. Зекцер решил все брать на себя, поскольку считался организатором партии».

Идут кадры – фотографии страниц следственного дела И. А. Зекцера, страницы из допроса, письмо Зекцера из ссылки, обвинительное заключение.

Ему было 16 лет, когда прозвучал приговор Особого совещания (ОСО) при МВД СССР: три года исправительно-трудовых лагерей по статье 58 пункт 10. После отбытия срока – ссылка и поселение в Красноярском крае. Освобожден был только в 1954 году».

Владимир Гладышев завершает строчками о тех, кто «наступал» на Зекцера. Говорит, что и детей, и взрослых в те годы воспитывали в убеждении, что «разоблачить» идеологического врага – долг каждого гражданина, а донести на него органам НКВД – благородный поступок.

В подтверждение на экране идут документальные кадры: пионерка рассказывает о том, как она разоблачила своего отца. Ей вручают подарки и грамоты; и вновь звучат призывы неистовой активистки: «Не стесняйтесь разоблачать!»

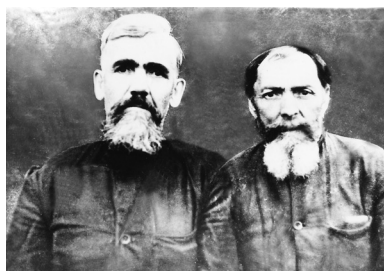
Диктор. А вот перед нами трагическая судьба композитора, одного из основателей советского джаза Генриха Терпиловского. На фотографии, сделанной в начале 30-х годов, – джаз-банда, как они себя называли, со своим руководителем Терпиловским.

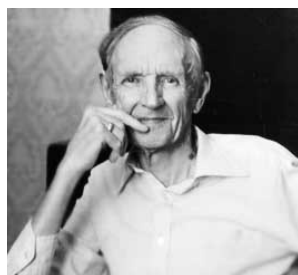
И. А. Зексер. Н. К. Кашлявик. А. К. Ланевский. Е. Н. Гейденрейх.

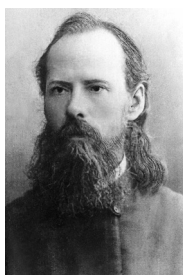
Семья Орловых.

*В. И. Лаищев (слева)
и М. И. Калинин.*

Г. Р. Терпиловский.

*Священник
Гашев Николай
Михайлович –
отец Николай.*

Г. В. Хрипунов

Звучит джазовая музыка. На экране фотография 30-х годов.

Диктор. Композитор, дирижер, поэт, один из создателей российского джаза Генрих Романович Терпиловский. В двадцатые годы прошлого столетия Терпиловский организовал первый в стране джаз-клуб, который располагался в его квартире на Литейном проспекте в Ленинграде. Оркестр Терпиловского быстро стал одним из лучших в северной столице. Но в 1935 году музыкальная карьера композитора прервалась. Терпиловского обвинили в «политическом заговоре» и он получил срок. Генриху Романовичу «повезло», его «всего лишь» сослали в Алма-Ату. В 1937 году он был заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет.

С 1949 года у Терпиловского – прописка в Молотове. Здесь он работает руководителем эстрадного оркестра Дворца культуры им. Сталина. Казалось, что все уже позади. Но в Молотове его опять арестовали по совершенно абсурдному обвинению: будто бы он во время концерта условными знаками передавал агентам, находившимся в зале, секретную информацию о заводе.

А. М. Калих. Вплоть до осени 1938 года, когда была создана Пермская область, дела арестованных по «политической» 58-й статье рассматривались в Свердловске. Дело репрессированного рассматривалось в течение 10-15 минут. Скорый и безжалостный приговор выносила «тройка», в составе которой был начальник областного управления НКВД, представители партийных и советских органов. Перед началом операции вышел секретный приказ № 00447 наркома внутренних дел.

На первом экране – страницы приказа. Камера медленно идет по строчкам. Вот задание по Свердловской области.

Камера выделяет подпись Сталина под списками приговоренных к ВМН (то есть высшей мере наказания, расстрелу).

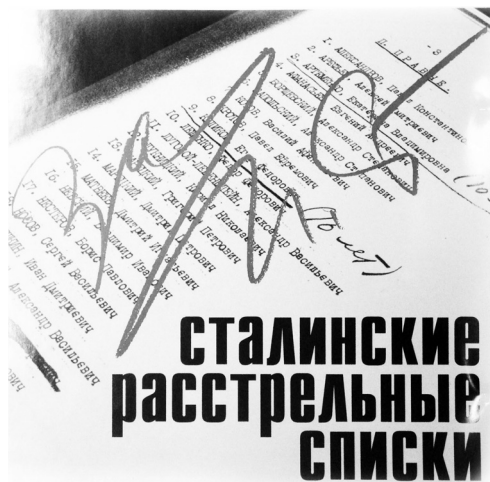
Диктор. Обратите внимание – это личная подпись Сталина на расстрельных списках. В соответствии с приказом приговоры выносились по двум категориям: высшая мера наказания

(то есть расстрел) и заключение в лагере на срок от 8 до 10 лет. В приказе были установлены лимиты для каждой области, края, республики – столько расстрелять, а столько отправить в концлагерь. Для Свердловской области, например, было установлено задание: 4 тысячи человек расстрелять, 6 тысяч приговорить к лагерям.

Следует, однако, заметить, что на этих «лимитах» карательная система не остановилась. С первых же месяцев операции между начальниками управлений НКВД, секретарями обкомов и горкомов партии развернулось настоящее соперничество за наибольшее количество разоблаченных и уничтоженных «врагов». Сотни писем с новыми повышенными обязательствами по расширению числа арестов и расстрелов получил от них «кремлевский горец». Получил и дал «добро». В результате, число жертв террора увеличилось в разы. По имеющимся данным Свердловская область превысила сталинский «лимит» почти в 2,5 раза.

В будущей Пермской (Молотовской) области организаторы террора выслужились на всю катушку: с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. были репрессированы около 8 тысяч человек, 5060 из них расстреляны, остальные приговорены к заключению в лагерь на срок до 10 лет.

А. М. Калих (указывая на экраны). Это фотографии мемориального комплекса, расположенного в 12 километрах от Екатеринбурга. Здесь лежат останки около 8 тысяч расстрелянных пермяков, наших родных и близких. Здесь в массовых могилах лежат отцы и матери многих нынешних активистов общества

«За». Подпись Сталина на расстрельных списках.

Мемориал памяти жертв политических репрессий в 12 километрах от Екатеринбурга. Здесь лежат останки около 20 тысяч уральцев, расстрелянных в 1937-1938 годах.

Мемориал памяти жертв политических репрессий в 12 километрах от Екатеринбурга. Здесь лежат останки около 20 тысяч уральцев, расстрелянных в 1937-1938 годах.

А. М. Калих. А теперь посмотрите на правый экран. Это, можно сказать, письмо с того света. Редчайший документ из 1937 года – почтовая открытка, отправленная Валентиной Вишневецкой, работницей газеты «Звезда», из Свердловской тюрьмы НКВД. Валентина обращается к бабушке, она еще верит, что вернется. Как получилось, что открытка вырвалась из тюрьмы и дошла до адресата, – неизвестно.

На экране – в полный масштаб открытка. На втором – фотография Валентины и мужа.

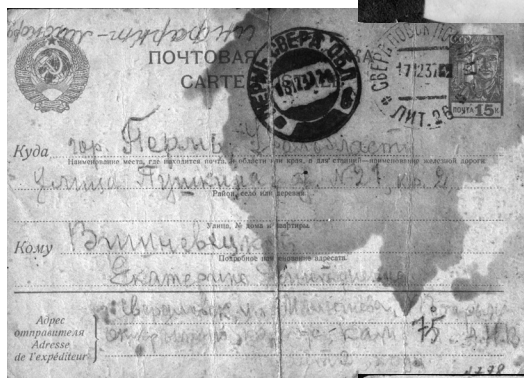
«Мемориал». Каждый год, в мае они едут на 12-й километр, чтобы отдать дань памяти своим родным. Отца Эльвины Георгиевны Тихомировой, члена совета Ассоциации жертв политических репрессий, после ареста увели сюда, в эту тюрьму, а затем отправили в Свердловск.

На двух экранах – видеосюжет; рассказывает Эльвина Георгиевна. Крупным планом – фотография ее отца, Георгия Васильевича Хрипунова, расстрелянного в Свердловске. Эльвина Георгиевна вспоминает сцену ареста отца. Вспоминает, как они с матерью хо-

А. М. Калих. А вот снимок Валентины с мужем Павлом. Он тоже был арестован и, возможно, был где-то рядом с ней, в той же тюрьме. Она не могла знать, что через неделю их расстреляют. Сегодня ее письмо звучит

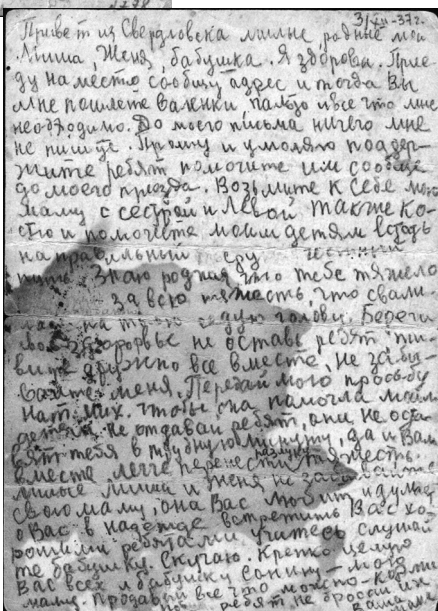
Валентина и Павел Вишневецкие. Расстреляны в Свердловской тюрьме НКВД. Незадолго до расстрела Валентине удалось передать на свободу почтовую открытку.

как завещание близким и детям.

Женский голос медленно читает строки из письма.

«Привет из Свердловска милые, родные мои Миша, Женя, бабушка. Я здорова. До моего письма ничего мне не пишете. Прошу и умоляю, поддержите ребят, помогите им сообща до моего приезда. Возьмите к себе мою маму с сестрой и Левою, также Костю и помогите

моим детям встать на правильный честный путь. Знаю, родная, что тебе тяжело...

...Береги свое здоровье, не оставь ребят, живите дружно все вместе, не забывайте меня.

...Не отдавай ребят, они не оставят тебя в трудную минуту, да и вам вместе легче перенести разлуку и тяжесть. Милые Миша и Женя, не забывайте свою маму, она вас любит и думает о вас в надежде встретить вас хорошими ребятами. Учитесь, слушайтесь бабушку. Скучаю. Крепко целую вас всех... Ваша мама».

На двух экранах документальная съемка – Сталин со снайперской винтовкой, целится в зрителей. Кадр останавливается. Молчание.

Диктор. Это он целится в свой собственный народ. А народ молчит. Нет, не молчит, радостно аплодирует организатору и вдохновителю террора, в ходе которого погибли миллионы людей. Организаторы террора намеренно нагнетали атмосферу страха и подозрительности, массовый психоз доходил до такой степени, что люди видели происки врагов во всем: в случайном слове, в анекдоте, в любом высказывании о внутренней и внешней политике. Преступлением, отходом от линии партии считалась даже тень сомнения, несогласия, нежелания бесконечно прославлять вождя.

Сталин и сама коммунистическая партия превратились в икону, молиться на которую надо было под страхом расправы. Не надо думать, надо верить – безгранично, с полным самоотречением. Новую марксистскую религию культивировали не только партийные вожди и официальные идеологи. Ее вдалбливали в детсаде, школе, институте, на работе. А если не помогало, в дело вступала политическая охранка – органы НКВД, потом МГБ, КГБ и т. д.

На двух экранах возникают кадры из видеофильма «Сталин» – из-под земли ползет на нас усатое лицо диктатора.

Диктор. Имеем ли мы право забыть? Имеем ли право равнодушно отмахнуться от своей истории?

На двух экранах возникает свеча памяти. Печальная музыка. Медленно идут титры.

Диктор читает титры.

По самым скромным подсчетам жертвами политических репрессий за годы советской власти стали более 12 миллионов человек. В Пермской области по политической 58-й статье было арестовано около 37 тысяч человек.

Более 44 тысяч человек были расстреляны или осуждены на долгие годы тюрьмы и лагерей по личному указанию Сталина и других членов Политбюро ВКП(б). Сохранились 383 расстрельных списка. Подпись Сталина стоит на 362 списках, Молотова – на 373, Ворошилова – на 195, Кагановича – на 191 списке, Жданова – на 177 списках, Микояна – на 62.

Пострадало в ходе кампании раскулачивания 1930-1934 годов около 6 миллионов крестьян. В Пермской области было раскулачено 200 тысяч лучших крестьян.

Около 7 миллионов человек погибли в результате голодомора – искусственно организованного голода в 1932-1933 годах.

На втором экране вместо свечи возникает фотография памятника жертвам политических репрессий в Прикамье.

Памятник жертвам политических репрессий в Перми. Построен на пожертвования жителей Пермского края в 1996 году.

В полной тишине на фоне титров звучит голос матери:

«Знаю, родная, что тебе тяжело... Береги свое здоровье, не оставь ребят, живите дружно все вместе, не забывайте меня.

Не отдавай ребят, они не оставят тебя в трудную минуту, да и вам вместе легче перенести разлуку и тяжесть.

Милые Миша и Женя, не забывайте свою маму, она вас любит и думает о вас в надежде встретить вас хорошими ребятами. Учитесь, слушайтесь бабушку. Скучаю. Крепко целую вас всех... Ваша мама».

В годы «большого террора» 1937-1938 годов расстреляно более 700 тысяч человек. С августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. были репрессированы около 8 тысяч пермяков, 5060 из них расстреляны, остальные приговорены к заключению в лагерь на срок до 10 лет.

Накануне Великой Отечественной войны были репрессированы около 40 тысяч военнослужащих Красной Армии. За годы «большого террора» Красная Армия лишилась: 3 маршалов из 5, 13 командармов из 15, 8 адмиралов флота, 50 комкоров из 57, 154 комдивов из 186.

Более 2 миллионов представителей малых народов (калмыков, крымских татар, немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, корейцев и др.) стали жертвами массовых депортаций конца 30-х и 40-х годов.

Звучит музыка. На экранах – строки из стихотворения Евгения Евтушенко:

**Позабыв,
мы только быдло.
Если помним,
то народ.**

В помещении светлеет, медленно зажигается свет.

Мы продолжаем публикацию воспоминаний жертв политических репрессий, пострадавших в период объявленной сталинским режимом кампании насильственной коллективизации деревни. Сигналом к началу кампании стала вышедшая 11 января 1930 года в «Правде» передовая статья «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». В ней прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли».

Плакат 1930 года

Последствия коллективизации и разорения наиболее трудоспособной части крестьянства мы ощущаем до сих пор. Российское село безвозвратно потеряло миллионы работников, кормивших страну. Причем, потеряло в буквальном смысле – обездоленные, ограбленные государством, высланные в отдаленные районы люди вымирали тысячами, десятками тысяч. Потеряло село и в ином смысле. Массовые операции по ликвидации «кулаков» привели к тому, что более 600 тысяч крестьянских семей бежали из деревни в города.

Но и это неполный итог. На многие десятилетия руководство страны закрыло для населения сведения еще об одном трагическом следствии политики «ликвидации кулачества как класса» – о голоде 1932-1933 годов, унесшем жизни миллионов людей. Заговорили об этом лишь в первом десятилетии 21-го века. Причем так политизировали тему голодомора, так увлеклись выяснением отношений с Украиной, что забыли

поклониться всем жертвам независимо от национальности, не удосужились выразить нормальное человеческое сочувствие родственникам погибших. Впрочем, формально все это было. Но – формально.

2 апреля 2008 года Госдума РФ приняла беспрецедентное постановление «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР» (авторы: депутаты Затулин, Козерадский, Корендяев, Малашенко, Фадзаев).

Вот что писал об этом событии известный политик Владимир Рыжков (статья «Массовый голод как бизнес-проект», «Новая газета», 14 апреля 2008 года):

«...это постановление... является собой густую смесь правды, полуправды и откровенной подлости. Начав с выражения «скорби в связи с 75-летием страшной трагедии – голода 30-х годов, охватившего значительную часть территории Советского Союза», далее российские законодатели фактически ищут оправдание чудовищному государственному террору конца 20-х – начала 30-х, направленному, в первую очередь, против крестьянства.

Оказывается, массовое уничтожение «мелких собственников» (а не просто людей?!), насильственная коллективизация сельского хозяйства, выталкивание из села крестьян были вызваны «решением задачи» – «получения армии рабочих для ускоренной индустриализации страны».

...Подобная позиция Думы мало чем отличается от официальной трактовки довоенного террора самим Сталиным и прямо смыкается с идеями скандальной «книги для учителей истории» Филиппова, где Сталин был назван «эффективным менеджером», «успешно решившим» ключевые для страны задачи.

*Думцы вещают: «Народы СССР заплатили огромную цену за индустриализацию, за гигантский экономический прорыв, произошедший в те годы». **Признав строчкой раньше, что «от голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932-1933 годах погибли около 7 миллионов человек»!***

Возникает очевидный вопрос: что это за «прорыв» такой и что это за «индустриализация», ради которых государство в мирное время – вполне осознанно – обрекло на мучительную смерть многие миллионы своих граждан, значительная часть которых – дети?.. Российская Дума фактически

предлагает всем нам хладнокровно рассчитать экономическую «цену» сотен тысяч детских жизней!

К сожалению, российский парламент не увидел всю бесчеловечную абсурдность принятого им текста. И хотя в последнем абзаце документа депутаты «решительно осуждают режим, пренебрегший жизнью людей ради достижения экономических и политических целей», и заявляют о «неприемлемости возрождения тоталитарных режимов на территории бывшего СССР», это не может изменить общее впечатление от текста, как от лукавого, противоречивого, ошибочного в самых своих политических и моральных основаниях».

7 миллионов погибших... Но история надругательства над крестьянством на этом не закончилась. Раскулаченных, каким-то образом сумевших выжить, пустить корни в местах ссылки, затем добивали в годы «большого террора» 1937-1938 годов. Не случайно чекисты называли «большой террор» по-своему – кулацкая операция...

ЛЮБИЛА ЕГО ВСЕЙ ДУШОЙ...

Воспоминания Валентины Фёдоровны Бадаевой

В день смерти моего мужа Ивана Адамовича шел сильный дождь... Сыро, промозгло. Обычная мартовская погода. Слез почти не было – все глаза выплакала уже. Последние годы и дни его жизни прошли в тяжелой борьбе с недугом.

Теперь, по прошествии времени, я уже способна рассказать о нем...

Муж мой, Иван Адамович Бадаев, родился в 1926 году в Белоруссии, в селе Пекаличи Парического района Гомельской области. Семья большая: отец Бадай Адам Данилович (1872), мать Ксения Тимофеевна, брат Дмитрий, сестра Лена и сам Иван.

В небольшом селе, где все знают друг друга, весной 1931 года появился новый человек. «Кто-то сверху», как говорили тогда. Сразу же поползли слухи, что под руководством этого «кто-то» будут создавать колхоз. Вскоре из района приехали представитель райкома, чекист с солдатами (для поддержания порядка). Немедленно собрали сход и всем объявили о начале коллективизации. Зачитали приказ сдать скот, зерно, рабочий инвентарь. Отбирали буквально всё, не оставляя почти никакой опоры в личном хозяйстве и возможности прокормить семью.

Сельчане слёзно просили заступиться Адама Даниловича, так как был он человеком уважаемым, грамотным, все ему доверяли. Он попытался уговорить начальство, но представитель был неумолим. «Куда же вести скот?» – «Жердями огородите и пусть так стоит». На что Бадай возмутился: «Что это за коммунa такая?! Надо сначала коровник построить, конюшню». Предлагал разумные решения. «А как же с зерном? Народ не сможет засеять свои наделы, значит, голод в будущем году неизбежен». Что тут началось! Адама Даниловича обозвали «чуждым элементом, врагом народа». Какой же он враг, когда он заступник?

Как рассказывал мне ныне покойный Иван, на следующий день в дом пришли красноармейцы с винтовками и стали вытаскивать зерно из амбара, выгнали скот из стойла, инвентарь вынесли – всё самое необходимое. Сеялку и мельницу объявили колхозными. Она и до этого была для всех доступной, Адам

самостоятельно её строил со старшим сыном Дмитрием и по доброте душевной в помощи никому не отказывал. Вообще семья их была очень доброй и отзывчивой. Адам лечил скот, советы полезные давал по различным делам, прошения писал, так как грамотных было немного. Ксения занималась лечением больных, знала избавление от различных болячек, в том числе от укусов змей, которые случались нередко. Помогала роженицам, даже роды принимала.

Поэтому и уважали эту примерную семью все деревенские. А тут обвинение такое – враги народа. Сбежался народ к их дому, и все видели, какой произвол творили солдаты, как рушили годами налаженный быт и уют. Самое дорогое, что у Бадаев было, это граммофон и гармошка Димы. Хорошую музыку они очень любили, и ни один праздник, ни одна свадьба не проходили без музыки, песен и плясок. Тем более, Диме нужно было невесту искать, ведь 22 года почти. Он и хотел уберечь гармошку, но солдат грубо отнял её, бросил на пол и наступил ногой. А граммофон они презрительно называли «буржуйской игрушкой». Все забрали, даже одежду, что уж совсем невыносимо было. Будто ограбили.

Семью выселили по решению ОГПУ. Ивану тогда было всего 5 лет, но те дни крепко врезались в память. Он часто рассказывал о пережитом, иногда со слезами на глазах. Рассказывал, что мама горько рыдала, когда сказали, что их сошлют на Урал. Ваню и 16-летнюю сестру Лену прятали, куда только придумать можно. В подполье и прятаться не было смысла, сразу же бы нашли и увели. Поэтому мальчика скрывали в печке и закрывали горшками всякими – чай, уж там рыться не будут. А Лена в стогах сена пряталась, и родители жили в страхе: а вдруг начнут вилами проверять – покалечат. Потом сестра отца Ганна тайком увела их к себе в избу. Конвоиры хватились, что двоих детей нет, стали искать и первым делом пришли к Ганне. А она заранее отправила племянников на другую окраину села, потом до самого вечера прятали их сердобольные сельчане, переводили из хаты в хату. Получается, и детей объявили врагами народа.

С тех пор Ваня и Лена остались без родителей. Все село помогало им пропитаться и одеться, помнили люди добро их родителей, не бросили в трудную минуту. Но вскоре все почувствовали горькие последствия сплошной коллективизации.

«Как-то после бани выхожу во двор, а меня поджидают сыновья с мужем и фотограф...».

Наступил голод, ели траву, доставали корни камышей, мыли. Сушили их и пекли лепёшки. Летом полегче: собирали грибы, ягоды, ловили рыбу. Картошка была основой любого обеда, но и её не хватало до весны.

Через три года тетке Ганне пришло письмо, в котором отец просил переправить детей к нему на Урал. Сама отвезти Ваню и Лену она не могла, поэтому упросила проводника поезда довезти до Москвы и посадить в поезд до Молотова, человек тот не отказал ей. Дети благополучно добрались до деревни Катомыш Красновишерского района, в которой жили спецпоселенцы. Конечно, условия там были тяжелые, каждый жил под контролем, в комендатуре отмечались вплоть до 47-го года.

Но, несмотря ни на что, Адам уже построил здесь дом, вскопал небольшой огород. После завели козу и курицу – подмогу в пропитании. «Тебя, дед Адам, хоть на второй Урал ссылай», – добродушно смеялись поселенцы. Бадаи в первые дни даже плакали от радости, что теперь они вместе... Ничто не предвещало новой беды.

Осенью Ивана отвезли в районную школу. Жил мальчик у знакомых, на каникулы родители забирали его домой. В школе Ване нравилось, учился хорошо, особенно силен был в

математике. Но, соскучившись по родным, всегда радовался любому поводу, чтобы съездить к родителям. Однажды в новогодние каникулы 1938 года он не дождался родителей. Обеспокоившись, отправился пешком, но дома никого не застал. Соседи рассказали, что приезжала машина, которую называли «чёрным вороном».

Все тогда знали: ничего доброго от таких гостей не жди. В те дни забрали многих мужчин. В каждой семье поселилось горе. Среди арестованных оказались родители и старший брат Ивана. Отцу Адаму предъявили обвинение в агитации против советской власти. Шесть месяцев продержали в КПЗ, но за неимением улик отпустили. Он смог доказать, что летом 38-го работал на Рябининском рейде и никакой агитации не вел. Директор рейда выслал его табель выхода на работу и ведомость получения зарплаты. А мать обвиняли в том, что она якобы возле магазина настраивала женщин против власти. Скоро и она вернулась, так как доказала, что в то время болела, а за продуктами посылала соседку, и продавец подтвердил это.

А брата обвинили в совершении диверсий, разрушении железной дороги Соликамск-Красновишерск и поджоге сельского клуба. Иван рассказывал, что брата пытали, в пожарный шланг заливали воду с песком, пускали мощную струю на обнажённое тело. Кожа рвалась, обвисала лохмотьями. Но он всё равно не подписал подsunутую бумагу-обвинение. Дали восемь лет. Со слали на Беломоро-Балтийский канал.

Кстати, железной дороги Соликамск-Красновишерск до сей поры нет, не построили. А клуб в деревне долгие десятилетия стоял, и не было у него ни одного обугленного угла. Но разве что-то возможно доказать?

На стройке, куда его сослали, были нечеловеческие условия жизни и труда: голод, холод, непосильные нагрузки. Люди не выдерживали, умирали. Дима оказался сильнее. С самого детства помогал родителям, знал, что такое физический труд. Отбыв срок, вернулся в Соликамск, где жила Лена.

Иван продолжал учиться. Но летом 1942 года его откомандировали, несмотря на юный возраст, в Лысьвенский ОЛП Усольского исправительно-трудового лагеря в качестве бригадира. В подчинение ему дали 10 заключённых. Работа состояла в том, чтобы ловить на озере рыбу и отправлять в Усоллаг.

Осенью 1943 года Ивана призвали в армию. Готовили на миномётчика. Полк стоял в Ирбите. Зимой на уборке остатков урожая он простудился, тяжело заболел. Месяца два лежал в госпитале, перенёс несколько операций и был признан негодным к строевой службе.

При выписке из госпиталя произошёл интересный случай. Как и полагается, ему выдали документы. Посмотрел – а фамилия-то не его. Бадаев. Заявил начальнику госпиталя, что произошла ошибка. Начальник стал уверять, что новая фамилия звучит лучше прежней, и что теперь уж его точно никто не будет дразнить «Эй, Бадай, бодай!» Кроме того, на переоформление документов потребовалось бы около двух месяцев, долгие хлопоты. Так Иван и стал Бадаевым.

После армии он жил с сестрой в Соликамске, но обузой для её семьи быть не хотел, поступил в Кунгурский лесотехникум на заочное отделение. Иван Адамович к тому времени работал экспедитором, обеспечивал Усоллаг продуктами питания. Потом его рекомендовали заведующим столовой.

...Я встретила с Иваном Адамовичем, когда он уже в звании подполковника служил начальником планово-экономического отдела Кизеловского управления лесных ИТУ. Вот туда и приехала я после окончания училища. Однажды во время нашего разговора входит в кабинет высокий молодой человек. Представился – Иван Адамович. Он только что вернулся из отпуска, был на родине в Белоруссии. Взглянула я в его глаза и... Ну, что скрывать, уж очень понравился мне новый начальник. Иван Адамович устроил меня в комнату для молодых специалистов.

Назавтра нам вместе предстояло ехать в Нижнюю Сурдию. Утром просыпаюсь – кто-то заглядывает в окно и стучит тихонько, по-юношески робко. Вижу красивое лицо, приветливую улыбку. Это начальник знак подаёт, ехать пора.

На месте оказалось, что дом, в котором мне планировали выделить комнату, не готов, строительство продлится еще месяца два. На время поселилась в квартиру, принадлежавшую одному из сотрудников, он уезжал с семьёй в отпуск. Пустили, но с условием, что за хозяйством пригляжу, коз доить буду. На прощание гостеприимная семья решила чаепитие устроить. Я вызвалась сходить в магазин за продуктами. Вернулась и слышу: все гости нахваливают человека одного – Бадаева какого-то.

«Еще одна любимая фотография...»

И еще услышала, что жену он молодую привёз, правда, худовата, зато коса густая, длинная. Тут хозяйка и говорит: «Валюш, так это про тебя ведь бабы наши толкуют!» Вспомнила я, действительно, все видели, как Иван Адамович помогал мне из машины выйти, когда

мы прибыли сюда. А я-то не догадалась, не знала, что это и есть тот самый Бадаев. Удивились все, посмеялись дружно – вот откуда ноги у слухов растут.

Но разговоры эти правдивыми на деле оказались. Предки Ивана Адамовича по линии матери были из Греции, поэтому и он, как полагается, был очень красив, мягок, обходителен, красиво ухаживал за мной и через некоторое время сделал предложение. Полюбив его всей душою, я, конечно, согласилась.

Всякое пережили мы вместе. Воспитали двух сыновей. Получили квартиру в Перми. Но через два месяца после новоселья, в ноябре 1987 года, у мужа случился инсульт, парализовало всю левую часть тела. За четыре года он перенёс несколько операций. Отказали почки... Как мы настрадались с ним! Два месяца мне пришлось жить в больнице, ухаживать. Любила сильно, бросить не могла. Заново учила ходить. И представляете, за два месяца он практически встал на ноги, мог передвигаться даже без трости. Но радовались мы недолго.

Никогда не забуду жаркое лето 1995 года. На почве развивающегося диабета – инфаркт. Теперь он едва мог двигаться, жизнь его поддерживали только лекарства и вера в свои силы. Но организм отказывался принимать таблетки, капельницы, капсулы. Тяжелое это зрелище – любимый человек, прикованный болезнью к постели. Сказалось голодное и холодное детство.

Но ведь были и радостные дни! Часто всей семьёй гостили у сестры Ивана Адамовича Елены, в Виннице, на западе Украины. Жила она со своей семьёй на окраине города, у них и баня была, и хозяйство. Однажды Иван увидел, как его племянница готовит себе приданое – множество пуховых подушек. Удивился и сказал в шутку: «Жаль, у меня такого приданого богатого не было». Лена и ответила, мол, обязательно тебе будет приданое. Мы вскоре и забыли об этом разговоре. Вернулись в Пермь. Через некоторое время получаем посылку: четыре больших пуховых подушки и два одеяла из дорогого германского шёлка. Вспомнили мы тогда слова Елены.

А вот я на одном из семейных снимков. Сделан он там же, в Виннице. Как-то после бани выхожу во двор, а меня поджидают сыновья с мужем и фотограф. Долго упрашивали сфотографироваться. Сначала отнекивалась, но, наконец, позволила себя щёлкнуть. Такой и запечатлелась на фотографии: с мокрой растрёпанной косой, румяная от жару. Вот ведь как. Совсем не готова была, а щёлкнули. Они красивые какие – а я только что из бани... Смотрю сейчас на эту фотографию и улыбаюсь, вспоминаю молодые годы.

Ещё одна любимая фотография сделана уже в Перми, когда мы с мужем, уже пенсионеры, гуляли по городу. Я тогда только-только оправилась от тяжёлой ангины, чувствовала себя не очень хорошо. Но Иван Адамович решил сделать приятное, предложил сфотографироваться: «У нас так мало снимков, где мы вместе!»

Ивану Адамовичу так и не присвоили звание полковника. Один сослуживец проболтался начальству, что он из семьи репрессированных. И это уже в наши времена, когда люди узнали правду о репрессиях. Нет, действует сталинская отрава до сих пор. Никто не взял в расчет, что Ивану было тогда всего 5 лет. Им это и неважно – просто решили наказать за отца.

...Когда-то мы поклялись перед алтарём никогда не разлучаться. И сдержали клятву. Смерть разлучила нас после 44 лет нелегкой, но счастливой совместной жизни. Умер он 3 марта 2001 года. В день похорон непогодилось, шел сильный дождь...

А НА ДУШЕ ОСТАЕТСЯ ТЯЖЕСТЬ

Интервью с Нелием Иосифовичем Княжище

Политические репрессии начались сразу, как только большевики взяли власть. Кровавые волны террора накатывалась на страну одна за другой в двадцатые, тридцатые и последующие годы, по сути, вплоть до скончания коммунистического режима. Нелий Иосифович Княжище на собственной судьбе испытал, что такое родиться и жить в семье репрессированных родителей.

– Нелий Иосифович, у Вас такие необычные имя и фамилия. Я бы сказала, не пермские, то есть не характерные для коренных жителей Прикамья.

– А я как раз считаю себя коренным пермяком. Родился на пермской земле, в поселке Керос Гайнского района Коми-Пермяцкого округа. Другое дело, что мои предки переселились сюда совсем из других мест и не по своей воле. Представьте себе запад Российской империи, Витебская губерния, река Западная Двина, поселок Сураж. В этих краях после службы в царской армии где-то в конце 19 века поселился мой дед по матери Ефим Федорович Романов. Работал в имении помещика-немца. Вскоре за трудолюбие и сообразительность тот сделал деда управляющим имения. А еще через некоторое время дед выкупил у помещика около шестнадцати гектаров земли и стал хозяйствовать на ней. В хозяйстве было 2 лошади, 4 коровы, гуси, другая мелкая живность. Трудилась вся семья: дед, его жена Федосья Назаровна – моя бабка, брат деда Анисим Федорович, дети – Николай, Надежда (моя будущая мама) и дальний родственник деда Левон. В сенокосную или посевную страду звали поработать односельчан, чаще всего не умеющих преодолеть бедность. Потом большинство из этих бедняков стали комиссарами.

О том, что дед Романов был образцовым хозяином, говорит хотя бы такой факт: в 1926-м году он был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве и получил из рук «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина грамоту за рысистую лошадь по кличке Пролетарка.

– То есть и при советской власти у него всё хорошо складывалось?

Маленький Нелий (в центре) с мамой и бабушкой.

– Да. Он был вполне лоялен к власти. Проявлял даже гражданскую активность: избирался депутатом Суражского Совета рабоче-крестьянских депутатов, а когда на исходе кровавой гражданской войны на страну обрушился страшный голод, дед вошел в Комитет помощи голодающим Поволжья. Трудности начались, когда большевики стали вводить насильственную коллективизацию. Это было связано со сменой политической линии. 15 съезд ВКП(б) в 1927 году взял курс на индустриализацию страны и коллективизацию. В деревне ввели продразверстку, начали организовывать продовольственные отряды, ЧОНЫ, чтобы взять излишки зерна у справных хозяев. Вновь заговорили о кулацкой угрозе, саботажниках и т. д. 27 июля 1929 года политбюро ВКП(б) приняло решение о развертывании сети исправительно-трудовых лагерей, которые потом были переданы в систему ГУЛАГа министерства внутренних дел. И пошло...

– Историки пишут, что коллективизация стала настоящей войной, объявленной советским государством классу мелких хозяев.

– Это так. В 1930 году вышло под грифом «совершенно секретно» постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении

раскулачиваемых». Оно делило так называемых кулаков на три категории по степени якобы опасности для советской власти. И поручало ОГПУ провести в отношении первой и второй категорий в течение ближайших четырех месяцев (февраль–май) репрессивные меры: «направить в концлагеря 60 000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы 150 000 кулаков». Семья деда оказалась во второй категории. То есть в числе 150 тысяч ее выселили в отдаленные районы.

– И каков же был маршрут? Достаточно крут, говоря словами писательницы Евгении Гинзбург, тоже репрессированной, только позднее, в годы «большого террора»?

– Еще как крут! В постановлении был такой пункт: «Высылаемым и расселяемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфиску-

ются с оставлением, однако, в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 руб. на семью), необходимой для проезда и устройства на месте». На самом-то деле даже этот минимум урезался. Мама, которой было тогда пятнадцать лет, рассказывала мне: сначала на подводе до Витебска ехали. Потом по железной дороге в вагонах для перевозки скота на Смоленск. Дальше – на Москву, Вологду, Котлас. В Котласе семьи выселенных пересели на баржу и по реке Вычегде доплыли до села Керчемье (Коми АССР). От Керчемья пошли пешком в верховья реки Весляны на Керос. Прибыли на место уже в 1931 году. По пути

*Нелию – сыну «врага народа»
6 лет.*

многие умерли. Местные жители-коми смотрели на нас с ужасом, потому что впереди нас шла молва, будто «кулаки» от голода детей едят.

– А как начали обживаться на новых землях, мама рассказывала?

– Да. На месте нынешнего поселка Керос тогда еще ничего, по сути, не

было. Сплошная тайга. Ночевали они сначала в Усть-Куломе, а работали в Керосе. Здесь трудпоселенцы построили 18 домов и комендатуру. Получилась первая улица. Назвали ее – Центральной. Охранять поселок прислали из Усть-Кулома местных охотников-зырян, назначили коменданта. Дед, бабушка и дети работали на лесоповале. Даже моя мама, которой, напомним, тогда было шестнадцать лет, тоже работала на лесосеке. Через год деда придавило спиленной сосной. Осиротевшей семье жить стало совсем невмоготу. Ели крапиву, бывало.

– А как там оказался Ваш будущий отец с такой роскошной фамилией – Княжище?

– Да ничего, по-моему, особо роскошного в этой фамилии нет. Досталась она ему от моего второго деда Адольфа Адамовича Княжище, происходившего не из княжеского рода, а из бедных крестьян, и была сначала не фамилией, а прозвищем. Почему у крестьянина-бедняка было именно такое прозвище, не знаю. Знаю, что около Витебска есть станция Княжица, может, с этим что-то связано. А вообще он из обрусевших поляков. Когда маршал Тухачевский потерпел поражение под Варшавой, поляков, живших в западной части страны, стали переселять на Урал и в Сибирь. Адольфа Княжище вместе с женой Аделиной и пятью детьми – Иваном, Розой, Верой, Марией и Иосифом, моим будущим отцом, отправили на пермские земли. Их маршрут был такой же, как и у «кулаков» из Витебской губернии. А погибло

Нелий-студент с мамой.

Нелий Иосифович на даче.

поляков в этой бесчеловечной перетряске, пожалуй, еще больше, чем русских. Из тех, кто жив остался, я знаю Ничиперовичей, Котовичей, Новицких, Осмоловских, Кульчицких... Переселенцы научили местных жителей, переселившихся в Керос из Усть-Кулома, садить картошку, лук, другие овощи, сеять овес.

– Разве местные не умели сами это выращивать?

– Кроме репы ничего не умели. Они, когда увидели в огороде переселенцев картошку, пытались есть не клубни, а зеленые «яблочки».

– Вы отца своего помните, Нелий Иосифович?

– Нет, не помню.

Мама вышла замуж в 1936-м. А в декабре 1937-го, когда отца арестовали, мне было всего два с половиной месяца. Уходя, он только и сказал маме: «Береги сына». Она выполнила наказ папы, сберегла меня и, несмотря на все трудности, дала возможность получить высшее образование – я окончил Уральский лесотехнический институт. Замуж мама больше не выходила, хотя предложений было немало. Всю жизнь посвятила мне и ожиданию мужа.

– Так и не дождалась?

– Не дождалась. Сначала ей сказали, что он осужден на десять лет без права переписки. В 1955 году пришло официальное извещение о том, что отец умер от рака печени в феврале 1946 года, то есть за год до окончания срока наказания.

С С С Р

Управление комитета
Государственной безопасности
при Совете
Министров Союза ССР
по Пермской области

С П Р А В К А

№ 2 - 27 1958 г.

№ К-27

г. Пермь

КНЯЖИЩЕ Иосиф Адольфович, 1913 года рождения, на день ареста /16 декабря 1937 года/ пролавец Вислидского участка Гайнского лесприхоза, 15 января 1938 года постановлением осужден в ИТЛ.

Военная Коллегия Верховного суда СССР определением № 4н-02099155 от 14 мая 1955 года постановлением от 15 января 1938 года в отношении КНЯЖИЩЕ Иосифа Адольфовича отменила и дело производством прекратила за отсутствием состава преступления. КНЯЖИЩЕ А. реабилитирован посмертно.

ОТДЕЛА УЧЕТ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

Б. А. Гармин
ГАРМИН/

Справка о реабилитации отца.

А в 1958 году мама получила справку о том, что Военная Коллегия Верховного суда СССР отменила постановление тройки Главного управления государственной безопасности НКВД (г. Свердловск) в отношении ее мужа и прекратила делопроизводство за отсутствием состава преступления, реабилитировали отца посмертно. Но и это была не вся правда. В 1991 году мы получили новое официальное свидетельство о том, что Иосиф Адольфович Княжище не умер по болезни в лагере, а был осужден вместе с еще рядом трудпоселенцев так называемой тройкой ГУГБ НКВД и расстрелян 21 февраля 1938 года в возрасте 24 лет, по сути, через год после ареста.

– В чем же его обвинила эта «тройка»?

– В участии в контрреволюционной шпионской террористической диверсионно-повстанческой организации поляков, которая якобы производила массовые поджоги лесов, а в случае объявления войны с капиталистическим государством должна была производить на территории Советского союза террористические и диверсионные акты и собирать материалы шпионского характера в пользу Польши. Отец не подписался под этими обвинениями. И тем не менее был расстрелян.

– Но правда, в конце концов, восторжествовала.

– Да. Я и мама по статье 16 Закона РСФСР от 1998 года «О реабилитации» были признаны жертвами политических

репрессий. Правда восторжествовала, но на душе остается тяжесть. По официальным данным прах отца покоится в братской могиле на 12-м километре от города Екатеринбурга по Московскому тракту вместе с десятками тысяч других расстрелянных в те годы на Урале. Сейчас на этом месте создан мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий. Я приезжал туда, тщательно читал списки погибших, высеченные на мраморных плитах, но фамилии отца не нашел.

МЕНЯ ЗВАЛИ ВРАЖИНКОЙ

Рассказ Надежды Михайловны Мальцевой

До раскулачивания моя семья жила в Шатровском районе Курганской области, в деревне Хандорина. Району дали задание раскулачить и выселить определенное количество человек. Наша семья жила неплохо, состояла из 12 человек, а выселение такой большой семьи помогло бы быстро выполнить план. В протоколе написано, что мой дед держал батраков, хотя на самом деле их не было. У деда росли четыре сына, все сильные, под два метра ростом. Они могли обработать хоть сколько земли, так что в батраках не нуждались. К тому же деда знали как одного из лучших хлеборобов в деревне. Егор Иванович скажет: землю пахать – пашут, скажет: пора сеять – сеют. В деревне его все уважали, ему никогда не приходилось повышать голоса – это я еще по себе помню. Дед говорил тихо, но строго и все слушались. Бабушка согласилась выдать мою маму, Александру, замуж за отца только по просьбе Егора Ивановича, хотя маме было только шестнадцать.

Перед выселением дед просил власть дать им возможность уйти. Он хотел оставить все имущество деревне, забрать семью и спрятаться где-нибудь в лесу, где их никто не найдет. Дед даже начал готовиться. Моего отца отправил в лес искать место, где нет никаких дорог, и отец такое место нашел. Они уже собирали необходимые вещи. Каждому приготовили мешок со скарбом: с инструментами, подушками, тулупами, посудой, иконами (они были верующими, старообрядцами) – каждому было предназначено нести что-то свое. Дед даже количество юбок на женщинах проверял, чтобы их было не меньше десяти – холодно же, зима. Но уйти не дали.

Архивный отдел
 Исполнительного комитета
 Тименского областного
 Совета народных депутатов
 Государственный архив
 Тименской области
 21.11.1985. К-8
 № 10726 Ф. 09 № 95
 в. п. п.

Начальнику отдела
 спецфондов и реабилитации
 ИИ УВД
 Тетриной Н. И.

45. Врослых... 9 Кулак, держал багряков, имел вет-
 л. Кандорина, мужик... 4 ренную мельницу, молотилку, нарку,
 Самохвал, с/с женщи... 5 сылку, маслобойку, лошадей 15,
 Хандорин коров 8, участок в Бандовостанин,
 Егор Мбано- заострый неплатильщик всех налогов,
 вич. бойкотирован за хлебобулочники в
 1923 г. агитировал на всех собрани-
 ях против проведения мероприятий
 советской власти, разлагалче дейст-
 вовал на окружающее население, за
 что опродан. Имущество взято в кол-
 хоз.

Основание: ф. 866, оп. 4, л. 1, лл. 94, 97 об.

Главная копия

Выписка из протокола № 37 заседания
 Президиума областного исполнительного
 комитета, 10 февраля 1930 года

Судьями: старик, кулацкий хозяин и их семейства о имуществе лиц
 из округа по ходатайству бедняцки, общих собраний, колхозных
 и сельсоветов и райисполкомов.
 Постановили: принимая во внимание массовые ходатайства и
 постановления бедняцких и общих собраний граждан, с требованием
 немедленного выселения за пределы округа лиц из кулацких
 хозяйств, их семейств и конфискации их имущества, подтвержден-
 ные постановленями с/с и райисполкомов - список кулаков и
 их семейств по Шугровскому району

на 140 человек, назначенных к выселению за пределы
 округа утвердить.
 Предложить райисполкомам и с/с округа немедленно данных
 кулаков и их семейств выселить за пределы Тименского округа
 с их места жительства, обязав райисполкомы и сельсоветы при
 выселении таковых оповестить их из имущества - одеждой, про-
 довольствием и прочим, согласно ранее данных указаний
 Секретарь окрусполкома
 роспись

Улицы изъятого имущества не имеют.

Инспектор областного Г. И. Иванцова

Выписка из протокола решения о раскулачивании.

У П Р А В Л Е Н И Е В Н У Т Р Е Н Н И Х Д Е Л

Курганской области

640626, г. Курган, ул. Куйбышева, 81

от 22.10.96Г.№_10/6726

С П Р А В К А
о сроках пребывания под надзором
с ограничением прав и свобод

Дана ХАНДОРИНОЙ-МАЛЬЦЕВОЙ НАДЕЖДЕ МИХАЙЛОВНЕ в том, что
гр-н (ка) ХАНДОРИНА-МАЛЬЦЕВА НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА
находился(лась) на учете спецпоселения в ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
БЕРЕЗОВСКОМ РАЙОНЕ п.ВАЗЕНТУР
с 1935 года по 1947 год

Справка составлена на основании решения Мотовилихинского райсуда
г.Перми от 22.09.96г.

НАЧАЛЬНИК ИЦ У

В.Г.ШАХНЮК

Справка о сроках пребывания под надзором.

Но и раскулачили не всех, а только девятерых из семьи (четыре мужчины и пять женщин). Потому что до этого от семьи отселился старший сын (мой дядя) с женой и ребенком. А когда дед понял, что при выселении у старшего заберут ребенка, он помог им сбежать. Кое-что из хозяйства успели продать, чтобы выручить для них деньги. А когда старший сын с женой ушли, мои тети ходили по вечерам зажигать свет в пустом доме, чтобы думали, что они дома. Когда обнаружилось, что три человека сбежали, деда чуть не расстреляли, но все обошлось. Никто не знал, куда они ушли.

А за остальной семьей все-таки пришли. 13 февраля, в субботний день, вся семья пошла в баню, заранее был накрыт стол, но чай попить не удалось. Когда они вышли из бани, у ворот уже стояли несколько подвод. Единственное, что мои родные попросили, – чтоб дали забежать в дом и перекреститься. Каждый перекрестился, забрал в чулане приготовленный заранее мешок, и их увезли. Младшую дочь должны были забрать в детдом, но когда всех переписывали при выселении, бабушка

с бабушкой добавили ей три года, чтобы она осталась с семьей, а не попала в детдом. Этой младшей дочке моя бабушка сделала пояс, в котором они зашили свои драгоценности, и она все время не отходила от нее – присматривала.

Семью отправили в Курган, где собирали этап. Мама рассказывала: в сибирской тайге их заставляли под корень валить лес и строить бараки. Как выяснилось уже потом, они строили будущие лагеря ГУЛАГа. Но ведь никто из этапа не собирался строить бараки, только дед взял с собой инструмент. Им, конечно, выдали кое-что для работы, но этого не хватало. Предусмотрительность деда помогла ему выделиться из общей массы.

По дороге много людей погибло, не могу сказать сколько: они просто умирали ночью или во время работы, никто их не считал и не хоронил, этап просто двигался дальше. На каждом новом месте сначала строили шалаш для охраны, а чтобы самим спастись от холода, рубили лапник, на него клали одеяла и накрывались тулупами. Но холод был не единственным тяжелым испытанием, охранники тоже угрожали им, особенно женщинам. Моя семья даже спала в определенном порядке: с одного края лежал дед, рядом с ним мой отец, Михаил (характер у него был буйный, за ним все время нужно было присматривать), с другого края – бабушка, а рядом с ней младшая дочка с поясом. Дед всю ночь не спал, следил за охранниками. Потому что охранники ночью напьются и начнут вытаскивать женщин. Мужья защитить их не могли – вся охрана была с оружием. Что и говорить, женщине тяжело приходилось. И доставалось ей не только от охраны. Когда она приползала из шалаша, на нее набрасывался еще и муж – бил, кричал. Некоторые не выдерживали таких унижений – вешались на ближайшем суку...

Так что ночью мой дед следил за охраной и, когда те приближались, тихонечко уговаривал их не трогать его семью: «Они спят, спят – не трогай, они устали». Но одни уговоры вряд ли бы их спасли, бабушка придумала, как «отпугнуть» охранников. Вечером, когда разжигали костры для готовки, бабушка собирала с них золу и перемазывала всех женщин своей семьей. Охранники не хотели брать таких грязных, черных женщин. А рано утром бабушка будила всех по очереди (сначала самую маленькую) и водила умываться. Торопила: «Умывайся быстрее, тебя все ждут».

Еду выдавали всего раз в неделю. Бабушка парила лапник, на котором они спали, и вся семья утром и вечером выпивала по кружке этого целебного настоя. Мама говорила, что он был горький, противный, пить не хотелось, но рядом стоял дед, а с ним не покапризничаешь. Через некоторое время они так привыкли к этому напитку, что пили его уже без всякого отвращения. Мама рассказывала, что они даже пропахли этим лапником. Зато он спас им жизнь – не было у них ни цинги, ни авитаминоза.

Летом, конечно, еды было больше, бабушка собирала грибы, ягоды. Да и деда моего со временем охрана узнала, можно сказать, он стал главным строителем, поэтому мог что-то выпросить. Например, когда было совсем нечего есть, спрятанное в поясе золото они меняли у охранников на крупу или другие продукты. Еще дед мог договориться с охраной, что быстро поставит бараки, но при условии, что бабушка не будет работать и женщин из нашей семьи охрана не тронет. Бабушка оставалась в лагере и смотрела, чтобы все вещи, которые они принесли, не украли. А самое главное – больных, изможденных людей, которые не могли ни ходить, ни работать, прятали на лежанке из лапника под тулупами, а бабушка отпаивала их хвойным отваром и, если была еда, немного подкармливала. Никто ей не мешал, в лагере обычно оставались не больше двух охранников, которым было все равно или они попросту спали.

Их перебрасывали с места на место. Останавливались, строили лагерные бараки. Однажды в тундре они увидели небольшое поселение и поленицу. Сначала не могли понять, откуда дрова. А когда подошли ближе, увидели, что это рыба. Голодные, обессиленные люди начали просить у местных поделиться рыбой, а те не могли понять, что они хотят, и говорили: «Это же не рыба, это щука, ею чумы топят». Но все-таки дали поесть. Все, у кого еще были зубы, накинулись на мерзлую рыбу. И тут дед приказал перестать есть, взять по куску и идти дальше, но послушались не все.

Люди умирали по дороге от нестерпимого голода и холода. Мама мне рассказывала, что не понимает, как они не помешались и сами не погибли. За всю дорогу обтрепались, обносились, все худые, страшные, немые – мыться могли только летом, если проходили мимо речки. Так они шли несколько лет,

я точно не знаю сколько, но где-то году в 1933-34-ом обосновались. Незадолго до того охранники сказали, что скоро им должны разрешить поселение.

На отведенном месте начали строить бараки, их уже я помню: когда я родилась, бегала в бараке. Потом строили себе дома: вначале старшим братьям и сестрам, а моему отцу последнему. Я помню, что в 1941 году крышу крыли.

Поселение располагалось на притоке Оби, Сосьве. Связи не было, только летом на противоположный берег в поселок Березово ходил пароход (зимой дороги никуда не было). На нашем берегу было два поселка: один – Вазентур, где жили «враги народа», а другой километра через полтора-два – для вольнонаемных. Во втором поселке были школа, больница и другие административные учреждения. К нам приезжали только всех пересчитывать и выяснять, кто и куда делся.

Деда назначили сторожем склада в соседнем административном поселке, хотя он и был репрессированным. После работы он рыбачил: по очереди семьи всех своих детей обносил рыбой, у нас, например, две бочки соленой рыбы стояли. Дед даже селедку для нас ловил, хотя репрессированным запрещали ее ловить, всю обскую селедку отбирали. Помню, дед почему-то именно меня брал на рыбалку, хотя двоюродные братья были и старше и мальчишкам вроде это интереснее.

С утра придет дед, а я сплю. Он меня поднимает, надевает платье (причем чаще на изнанку), берет на руки и несет на речку, садит меня в лодку, и я там дальше сплю. Даже на речку толком не смотрела, спала тихонечко. Дед выбирает селедку из сетей, и мы возвращаемся. Дед несет мешок, я ковыляю следом, падаю (все еще сплю на ходу)... Помню, дед заставлял съедать всю рыбу целиком: с головой и костями – мы не хотели, но витамины-то нужны.

Большинство мужчин из поселка зимой увозили на охоту куда-то далеко в тайгу. Им давали ружья, а мой отец сделал себе санки, длинные, легкие, и впрягал в них собак (они у нас были большие, сильные). Первый раз они поехали все вместе, но большинство ничего подстрелить не смогли. Мой отец посмотрел на все это, взял необходимое количество продуктов из общей доли и ушел охотиться один. Весной отец принес больше пушнины, чем все остальные вместе. Нам даже дом

строили из двух частей: в одной мы жили, а в другой пушнину обрабатывали.

Отец белок не разделявал: ими собак кормили, а мех, так как он не ценился, пускали нам на одежду. Я помню, в школу ходила вся в мехах: шапка, варежки, шубка – все, что могли, из меха шили. Более ценные шкуры отец увозил в административный поселок, там менял на еду, ткань и другие необходимые вещи. Могу сказать, что в то время мы жили материально хорошо, я не голодала, одета была. Правда, когда папа все шкуры продавал, обязательно шел кутить. В административном поселке об этом уже знали и за его возком присматривали, тем более, что за репрессированными все равно следили. Утром он приезжал домой пьяный, дед, как глава семьи, его порол так, что он потом несколько дней встать не мог – чтоб запомнилось. Но несильно это помогало, потому что на следующий год все повторялось снова – вот такой бесшабашный был у меня отец.

Вначале у соседей по поселку почему-то в основном рождались мальчики. Мне не с кем было играть – бегала одна. И вот помню: бегаю босиком по улице, день ясный, солнечный, на нашем доме как раз кроют крышу, а со стороны административного поселка летит всадник и кричит: «Война!» Я-то не поняла, что это значит, а мужчины, как услышали, с крыши буквально посыпались. А крыша высокая, я кричу: «Дяденьки падают, дяденьки убьются!» Мне стало страшно не потому, что война, я испугалась за «дяденек». Выбежала бабушка, начала успокаивать, а мужчины подбежали к всаднику, начали расспрашивать с кем война, когда началась, что происходит, а я никак не могла понять, почему все так переполошились.

Потом слышала, как женщины с моей мамой шептались: «Не волнуйся, наших на войну не возьмут, они же враги народа». Но вскоре пришел пароход, из которого вышли военные, зашли во все дома и отовсюду забирали мужчин. Остались только старики (их было мало, все умерли по дороге, дед мой был самый старший) и мой дядюшка Герасим, потому что он в детстве упал с лошади, повредил колено и сильно хромал. Пока их забирали, никто и слова против не говорил (они же бесправные). Зато, когда военные ушли, по деревне не плач, а просто вой стоял, женщины с ума сходили. Когда отходил пароход с мужчинами, папа стоял у поручня и просил меня, чтобы я повернулась к нему, чтобы он мог на меня посмотреть.

А я стесняюсь, за мамину юбку спряталась. Он маме кричит: «Санька, поверни ее!» У нее тоже ничего не получается, так я на него и не посмотрела. Маленькая, глупая была, а мы с ним больше не увиделись.

Для женщин потом была трудовая армия. Как только вскрылась река, их увозили на лов – ловили и солили обскую селедку. Они там и жили, так что дети мам все лето не видели.

В течение пяти лет (период войны и немного после нее) в спецпоселок не поставляли муки – враги народа не заслужили. Так что на протяжении пяти лет я не знала, что такое хлеб. Жили на картошке и на рыбе.

Помню, летом из оккупированных областей на пароходе приезжали люди, но не оставались у нас, плыли куда-то дальше. Они ходили по деревне абсолютно изможденные, истрепанные и просили хлеба, обращались и ко мне, видимо, в надежде, что ребенок пожалеет и не сможет обмануть, что хлеба-то нет. А его и вправду не было. Мы предлагали им соленую рыбу, а они (до сих пор не понимаю почему) не брали.

Однажды был такой случай, который я запомнила на всю жизнь. Война, приходит женщина с двумя детьми: девочка за подол держится, мальчик лет двух на руках – просит хлеба. Я предлагаю ей рыбу, а она отказывается. Вечером я, как всегда, легла спать, а утром встаю, чтобы побежать к бабушке (маму-то в трудовую забрали). Выхожу – у крыльца сидит женщина, а дети рядом сидят и плачут. Я подошла, вижу, женщина опустила голову и темная какая-то. Я, маленькая, сначала подумала, что она спит. Бегу к бабушке: «Бабушка, бабушка, посмотри, там тетя сидит какая-то темная». Дед пошел и сразу понял, что она мертвая. Он сообщил куда-то, за детьми приехали, мать похоронили. А умерла-то женщина возле картошки. Могла она ее накопать и детей покормить, но не стала. Не понимаю почему, может, не могла, а может, совесть не позволяла чужого брать (у нас ведь тогда ничего не крали, хотя двери все время были открыты, даже если дома никого нет).

Потом я пошла в школу, пошла позже, чем все – почти в восемь лет. Научилась читать и так полюбила русские народные сказки, что готова была их читать сутками напролет, но не получалось. Шла война, и мы должны были вязать для фронта определенное количество носков и варежек. Не знаю, где женщины брали шерсть, но умудрялись доставать. Так вот вместо

чтения приходилось помогать маме вязать варежки. С книжкой могла сидеть только ночью при свечке – и мало. Я бы все отдала, чтобы читать, а не вязать.

Учились мы в административном поселке вместе со свободными ребятами. Я была единственная такая девочка в классе, меня звали вражинкой. Я еще долго не понимала почему, у мамы спрашивала. Меня посадили с мальчиком, он все время пытался у меня списывать. И не просто пытался, а требовал, бил по руке, чтобы я ее убрала и ему видно было, у меня потом вся рука выше локтя в синяках была. Он меня так донимал, называл вражинкой, в конце концов, терпение лопнуло. Хотя я и была молчаливая и тихая, развернулась, взяла его за уши и несколько раз стукнула головой об стенку. Меня с трудом от него учительница оттащила. Так было обидно, что я все свои силенки собрала, чтобы проучить вредного мальчишку.

А для репрессированной такой поступок был недопустим. Меня учительница выгнала из класса – вроде как наказала, приказала сидеть в раздевалке. К счастью, она оказалась хорошим человеком. Не знаю, что уж она говорила родителям этого мальчишка, но как-то все обошлось. Маму вызывали в школу, она была напугана, твердила мне, что ее посадят из-за меня. Но как-то сумела выплакать, чтобы никаких мер не принимали.

Был во время войны еще случай, когда я чуть маму не сдала. Однажды вечером, когда мама была дома, пришел человек забирать все носки и варежки, что мы навязали. У него с собой были то ли сумки, то ли мешки, он в них все сложил и пошел. Мама стояла лицом к двери – смотрела ему вслед. Я решила, что он уже вышел, и громко так спрашиваю: «Мама, вот ты мне говоришь, что все дяденьки сейчас на войне, а этот почему здесь?» А он в дверях стоит. Мама кинулась ко мне, схватила меня в охапку – не отпускает, перед ним бросилась на колени, вместе со мной ползет к нему: «Простите вы ее, дуру, простите!» Он долго стоял в дверях, молчал. Потом все-таки сказал, что на первый раз обойдется. Мама меня долго еще воспитывала, я даже слово сказать боялась, тогда поняла, что надо все время оглядываться.

В 1945 году мы сидим на уроках, слышим, двери в школе хлопают, шум поднялся, в класс вбегает директор, кричит: «Победа, победа!» Все выбегают на улицу, день ясный, солнечный,

я людей не узнаю: все кричат, мужчины шапки в воздух бросают. А я думаю: «Что это вы делаете? Шапки потеряете, в чем зимой ходить будете?» Вспомнила, мама мне говорила, что война закончится, отец домой придет – я этому порадовалась. Но когда поняла, что больше вязать не придется – вот тут-то обрадовалась по-настоящему, готова была вместе с мужчинами шапки в воздух кидать... Вот такой День Победы я помню, такая у меня была детская, но огромная радость...

С отцом была своя история. Их взяли в 1942 году и сразу без подготовки отправили в штрафбат на Ленинградский фронт. Там во время наступления репрессированные шли первыми. За штрафниками – особисты с пистолетами. Но отцу не суждено было там погибнуть. Позже они попали в окружение, вел их старшина или кто-то из низкого чина и вел не в том направлении. А отец охотник и на местности ориентируется, он говорил, что они идут на немцев. Ему отвечали: «Молчи, враг народа, а то расстреляю». Он так подходил к начальнику несколько раз, но его не послушались. Тогда отец отстал потихоньку. Вышел к русским, а там тоже особо не разбирались, кто свой, а кто нет: в него начали стрелять...

Утром его нашли полуживого, поняли, что русский, отправили в госпиталь. А информация об этом, видимо, не сразу дошла. После того, как он от своей колонны отбился, к нам с мамой приходили домой, все отца искали. Я помню, как маме наказывали: «Как только придет, сразу сообщите». А мама только тихонько шептала: «Сообщу, сообщу...» Когда его нашли потом в госпитале, долго допрашивали, почему все погибли, а он выжил.

Домой он не пришел – остался в Ленинграде. Устроился там в какое-то геологическое управление, скрыл, что репрессированный (ему дали военный билет) и потом, хотя и сильно рисковал, выслал нам с мамой вызов, чтобы мы приехали к нему. У нас вначале были проблемы с получением документов (чтобы уехать из спецпоселка, нужно получить паспорт). А для этого нужны свидетельство о рождении и свидетельство о браке. Официально родители не регистрировались, а только по своим обрядам венчались. В деревню, где родилась мама, сделали запрос, но никаких сведений не пришло. Маму отправили в больницу, установили приблизительный возраст – прибавили несколько лет, и только так выдали документы. Причем мама

получила паспорт на девичью фамилию, Неустроева, а меня зарегистрировали под папиной (поэтому, когда началась реабилитация, мне пришлось доказывать, что я ее дочь).

Но, пока мы ехали в Ленинград, отец умер – мы об этом узнали уже в Ленинграде. Он сам свою историю нам так и не рассказал, я все это знаю со слов тетушки, которой он писал. Мы первое время, по-моему, деду с бабушкой не сообщали, что случилось с отцом, а потом, видимо, тетушка написала им, что отец умер. Деда парализовало – он умер, и бабушку вскоре тоже парализовало, она лежала несколько лет, потом старший сын забрал ее в Томск, где она и умерла. После отъезда в Ленинград я их так и не увидела.

Обратно в спецпоселок мы, конечно, не вернулись. В Свердловской области жила моя бабушка со стороны мамы, и мы поехали к ней. Когда я была в девятом классе, нам с мамой туда пришло письмо, причем я даже не знаю, кто его написал – оно было без подписи. В нем было сказано, что мой дядя Герасим находится в тюрьме в Тюмени, просили к нему съездить.

Я купила немного продуктов, собралась и поехала в Тюмень искать ту тюрьму. Нашла ее, нам дали свидание, и таким я увидела дядю, что если бы не хромящая нога, не узнала бы его. Он стал седой, худой, страшный – это что-то невероятное. Увидел меня, заплакал. Я начала его про все расспрашивать, и он мне объяснил: когда война заканчивалась, председатель продал всех лошадей, а виноватым сделали дядю, поскольку он был поставлен конюхом. Ему дали 20 лет срока. Я у него спрашивала, что ему еще нужно, что привезти, а он все отказывался, говорил, не надо приезжать. Я не могла этого понять, решила, что точно приеду. А пока мы с ним говорили, он все время плакал.

Мы расстались, я поехала домой. Там неделю поработала – ягоды продавала. Собрала немного денег – и снова поехала к дяде. Но мне не дали его увидеть, ничего не хотели объяснять, говорили просто, что его нет. Я плакала, кричала, и один меня все-таки пожалел: отвел в сторонку и объяснил, что он умер. Я не соглашалась с этим: как это умер?! Он же совсем недавно здесь был!..

Когда я окончила школу, решила поехать учиться. В институт пойти побоялась – поступила в Свердловске в медицинское училище № 1. Мама работала в детдоме: на кухне помогала,

с детьми возилась. Деньги были небольшие, но нам хватало, а на большее претендовать мама боялась.

Единственное, о чем она меня постоянно просила, – не рассказывать, где я родилась. Мама очень боялась, что это всплывет, все время просила молчать. Я первое время не понимала, как можно не говорить – все же говорят. Из-за этого молчания я и замуж не вышла за того, за кого хотела и кого любила.

Его звали Феликс, он учился в юридическом институте рядом с нашим училищем. Еще в школе я занималась легкой атлетикой и лыжами, а в училище продолжила – обязательно нужно было ходить в какую-то спортивную секцию, да и художественную – в общем, участвовать везде, где можешь. В то время у юридического института не было своего спортзала, и студенты ходили заниматься к нам. И как раз там Феликс меня заметил. Потом на первом же празднике, который у нас проводился, он подошел ко мне, так мы и познакомились.

Встречались, влюбились, практику брали в одном районе. Даже договорились: как учиться закончим – поженимся. На практике встречались каждый день. Приехала домой и сказала маме, что заканчиваю училище и выхожу замуж. Рассказала, что он юрист. Мама тогда еще насторожилась: «И кем он будет работать?»

Мама вроде бы спокойно сидела, потом побледнела, вся покрылась потом – и потеряла сознание. А я ничего понять не могла. В чувство ее привожу, спрашиваю, что случилось. Она еле отошла и просит меня не выходить за него замуж, умоляет не выходить. Говорила, что он не будет со мной жить, что посмеется надо мной, как только узнает, где я родилась. «Ты знаешь, как они смеялись над нами, ты знаешь, что они с нами делали?..» – все время повторяла. Я сама-то об этом не задумывалась, но маму послушала.

Я вообще о прошлом редко задумывалась. А мама все молила никому не называть место моего рождения. Я всегда быстро все о себе рассказывала (по жизни-то тараторка), но о месте рождения меня никто и не спрашивал. Когда вступала в комсомол, мама, наверное, три ночи не спала, все боялась, что наше прошлое обнаружится.

А Феликсу я ничего не объясняла, просто сказала, что мы разные люди и нам надо расстаться. Да и он иногда вел себя так, что я начинала сомневаться. Помню, как мы с ним

МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Курганской области

от 05.02.96г. № 10/6726 ⁶⁴⁰⁶²⁶ г. Курган, ул. Куйбышева, 81
на № _____

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н (ка) Хандорин Егор Иванович
Год и место рождения не установлен
Место жительства до применения репрессии д. Хандорина,
Шатровский р-н, Челябинская / ныне Курганская / область.
Где, когда и каким органом репрессирован решением заседания
Шатровского РИКа в 1930 г. Хандорин Е.И. был раскулачен и
подлежал с семьёй выселению за пределы округа.

Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в
административном порядке постановление ЦИК и СНК СССР от
01.02.1930г.

На основании пункта "В" ст. 3 Закона Российской Федерации от 18
октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий"

Гр-н (ка) Хандорин Егор Иванович
р е а б и л и т и р о в а н (а).

Заместитель начальника
Управления внутренних дел

М. Г. Бабицев

М. П.

Документ о реабилитации Егора Ивановича Хандорина.

гуляли, и я увидела на улице свою первую пациентку, роженицу (я фельдшер-акушер). С ней с первой всю ночь перед родами сидела (она мне всю жизнь рассказала, а я ее своими историями отвлекала). Я к ней подбежала, шумно так, по-дружески (через грязь в туфлях прошла и не заметила), начала обо всем расспрашивать. А ему такое мое поведение не понравилось. Он меня отчитал: не должна его жена так по улицам бегать, она должна быть спокойная, с достоинством. А я так не могла, мне это поперек горла.

Училище я окончила в 1956 году. По распределению направили в Тугулымский район Тюменской области. Проработала там три года, познакомилась с простым рабочим парнем. Много позже узнала, что он ко мне никого не подпускал: никому не давал ни на танцах меня приглашать, ни в кино сходить. Я не понимала, что происходит, думала, то ли веду себя как-то не так, то ли еще что-то, потом мне мои девчонки объяснили, что он ко мне никого не подпускает. Я его убеждаю, что его не люблю, а он мне говорит, что его любви на двоих хватит.

Через два года он решил, что достаточно за мной поухаживал. Сам пошел в поселковый совет, взял заявление в ЗАГС, заполнил, подделал мою подпись и показал мне, сказал, что через неделю идем регистрироваться. А я в поселке не только в больнице работала, но и по вызовам бегала. В вечер регистрации как раз убежала на вызов к больному ребенку: чай еще там попила, никуда не торопилась. А дом этот был напротив поссовета, я только вышла, а жених меня и поймал. Ругался, говорил, что люди уже час ждут. Насильно до регистрации дотащил, а на улице ливень начался страшный, я вся промокла по дороге, хоть и близко.

Там я увидела, что паспорт мой у него (я даже не знаю, как к нему в руки попал), он его вместе со своим отдал сотруднику ЗАГСа. И только тогда я поняла, что со мной сейчас сделают, и куда я попала. Стою, реву, вся насквозь мокрая – никто моих слез и не заметил. Так мы и расписались. Когда об этом узнали в больнице, никто понять не мог, как я за такого замуж вышла (он бандитом был, всех запугивал). А мама моя, которая за всю жизнь на меня ни разу руку не подняла, узнав такую новость, сняла фартук и меня им отхлестала.

Я к нему еще больше месяца не переезжала, в своей квартире жила. Он меня потом к себе перетащил, не выдержал, над

ним уже весь завод смеялся: вроде расписаны, а вместе не живут.

Муж мой решил учиться и поступал в Пермь, здесь у него брат жил. Так я здесь и оказалась. Зато с ним у меня никаких проблем из-за того, что я репрессированная, не было – ему было все равно. Правда, сказала я ему тоже не сразу, а позже, когда намного легче с этим стало. Дочери нашей я все рассказывала только уже где-то в конце 1970-х – начале 1980-х.

Когда начала появляться первая информация о реабилитации, я на нее внимания и не обратила. Ведь реабилитировали родителей, а моей мамы тогда уже не было (она умерла в 1990-м), папа и бабушка с дедушкой тоже умерли.

Потом, когда детей пострадавших тоже признали как репрессированных, мне пришло письмо из Кургана от сестры, в котором она предлагала оформить реабилитацию. Я тогда пошла к юристу: мне нужно было доказать, что мы с мамой родственники (у нас же фамилии были разные). Был суд, где несколько человек подтверждали, что Александра Неустроева – моя мать. Моя сестра из Кургана помогла мне получить справки о том, где и сколько я находилась под надзором. Документы мы эти очень долго доставали, я сама бы этого, наверное, сделать не смогла, да и вряд ли захотела бы. Но она вспомнила, что мой отец воевал, и мы послали запрос в Березовский военкомат и получили ответ, что он действительно был мобилизован в армию из спецпоселка Вазентур. После этого мы смогли сделать запрос в Курганский госархив, и там уже достаточно спокойно всю информацию получили.

В 1996 году, когда я оформила свою реабилитацию, съездила в Курган к сестре. Тогда отмечали 80-летие моей тети Анны (девочки, которой в пояс драгоценности зашивали). На ее юбилей пришла вся родня. Я их не видела 50 лет, с трудом узнавала. Со своим двоюродным братом Иваном (который водил меня в школу) встретилась в автобусе, почувствовала что-то знакомое, но без помощи родных не узнала бы. Собралось много родственников: мы и смеялись, и рыдали – было, что вспомнить.

У них были старые фотографии с моим дедушкой и отцом, причем довольно много, а у нас ничего не сохранилось. Но я почему-то постеснялась попросить, а теперь вот не могу с ними связаться. Последние новости были о том, что моя сестра болела, а теперь на мои письма уже никто не отвечает...

ТАК И ЖИЛИ...

Из воспоминаний Марии Михайловны Вахрамеевой

Дед и отец Михаил Андреевич жили в деревне Вахрамеево, оттуда и наша фамилия. Все в той деревне были Вахрамеевы, по имени помещика, которому принадлежали эти земли.

Я 1927 года рождения. Однажды, я еще маленькая была, мне это бабушка рассказывала, пришел к нам в дом сосед Александр, тоже Вахрамеев. В то время замков на дверях не вешали, так что он спокойно прошел, молча осмотрелся и ушел. На следующий день, когда все дома были, он вернулся и говорит: «Видел я, у твоей кобылы жеребенок родился, отдай его мне!» Отец отвечает: «Как же я тебе его отдам, кобыла старая, больше родить не сможет, что же я буду делать?» Вахрамеев ему говорит так зло: «Ну, раз жеребенка пожалел, так лишишься всего».

Позже мы узнали, что он нас в список на выселение, на раскулачивание включил. Однажды ночью, все уже спали, слышим стук, крики, голоса. Говорят нам: «Вставайте, просыпайтесь!» Я ничего не понимала, что с нами делают. Еще настойчиво так говорят. Бабушка хотела меня одеть, только эти не позволили. Взрослые-то успели хоть что-то на себя накинуть, а мы с братьями как были в рубашках, в которых спали, так в них и остались.

Выгнали нас на улицу, я смотрю, а на дворе уже все соседи. Собрались, стоят, смотрят. Меня заставили сесть в телегу, сама я сесть не смогла, высоко было, так один из этих, которые нас подняли, посадил меня, помог сесть.

Вот сию я, сию, скучно стало. Посмотрела по сторонам, на меня никто не обращает внимания. Я спрыгнула с телеги и побежала к крыльцу, там у меня все игрушки лежали. Выбрала свою самую любимую, заварочный чайничек снаружи голубой, а внутри белый. Красивый, красивый. Взяла я его и побежала обратно к телеге, там меня снова усадили. Сию я, играю, вдруг подходит ко мне один из комсомольцев, смотрит на меня так пристально. И вдруг хватает мой чайничек и выкидывает его обратно под крыльцо. Я не поняла сначала, что это такое, взрослый дядя и вдруг игрушки у меня забирает. Только он отвернулся, я спрыгнула снова с телеги и побежала за чайничком, взяла его и сию довольная, играю. Подходит он снова,

забирает игрушку и перекидывает ее через забор, мол, чтобы подобрать не смогла. Я подумала, что он совсем с ума сошел.

А везде шум, гам. Соседи что-то говорят, на нас смотрят. Тут я увидела, что не нас одних увозят. Много таких было в тот день.

Повезли нас, разутых, раздетых, кто в чем был, в Миасский район. Привезли к огромному барaku, людей там уже полно. Отец пошел искать доски, чтобы нам спальные места устроить. Сделал. Дед с братом Гришей спал, я с Сашей, ну и родители вместе.

Есть нечего, обуви, одежды нет. Мама, будучи беременной, заболела, получила тихое помешательство. Могла часами сидеть, молчать, ни на кого не обращать внимания.

Позже тетки узнали, что нас выслали, стали присылать то юбку, то кофту какую-нибудь. Женщины, которые жили с нами в бараке, стали ходить в соседнюю деревню, искали еду, то кофту отдадут, то еще что-нибудь, вот и мама ходила с ними. Она уже не понимала что делает. Вот однажды будит меня и сует что-то в рот. Я думала, она еду принесла, а оказалось, это кусок мыла.

Мама родила брата, назвали Петя. Теперь нас стало еще больше. Дедушка от голода стал болеть. Отец, чтобы как-то накормить семью, пошел просить, чтобы детям хоть что-то выделили. Устроили меня на детскую площадку, садов тогда не было, называлась площадка. Я почти что голая, одежды и обуви нет, поэтому отец меня на руках туда относил. Распахнет пальто, я запрыгну к нему на руки, он застегивается и несет меня.

Кормили там один раз, в обед. Ну, хоть что-то.

Дедушка умер, брат Гриша тоже, простудился. Как они умирали, я не помню, видимо, папа меня к соседям отправлял.

Однажды приходит к нам человек, член какого-то правления, я даже не знаю какого, и говорит: «Собирайтесь, завтра уезжаете». Мы и не поняли ничего. Что, куда, зачем?

На следующий день сели в вагон: я, мама, папа, Петя и Саша. Привезли нас в Чусовой. Там строился завод, некоторые цеха уже работали. Отца поставили жечь древесину.

В то время и мама умерла. Она последнее время совсем плоха была.

Отец сдал меня с братьями в детский дом. Там нас разделили, отправили в разные возрастные группы. Так и жила я в

Калинском детском доме до 8 лет. Отец иногда приезжал, навещал, но очень редко.

Когда мне 7 лет исполнилось, перевели меня в школу при детском доме, в нулевой класс. Проучилась я до февраля, приехал отец, сказал, что снова женился и забирает меня домой. Ему на работе выделили комнату.

Осень. Надо бы в школу, а меня никто не идет записывать. Пришлось самой идти, еще девочку соседку, Еремину с собой взяла. Начала учиться.

В 1937 отца арестовали. Причина: он якобы поджег коровник в колхозе. Еще одно обвинение: поджег комендатуру. Дали ему 5 лет, не досидел, умер.

Мачеха нас бросила.

Остались мы с братом вдвоем. Брат где-то бегал с детьми, поест он на улице что-нибудь находил. А вот я голодная была. Только иногда соседка подкармливала. Нажарит картошки целую кастрюлю, поставит на стол, разделит часть и своим детям говорит: «Вот это ешьте, а это не трогайте». Потом меня звала и кормила. Но было это редко...

Я часто ходила в клуб для рабочих, там, в библиотеке был детский отдел, много я книжек прочитала. Однажды зовет меня соседка и говорит, что хотят меня взять на лето в деревню, детей нянчить. И за это купят мне и обувь, и книжки. Я согласилась, все лето провела в деревне. Ничего мне, конечно, не купили. Ну, это я сразу поняла, та женщина, чьих детей я нянчила, не богатая была, ладно хоть кормила!

Приехала я обратно домой. Однажды брат прибегает и говорит: «Собирайся, за нами завтра приедут, в детский дом заберут». Отвезли нас туда, я снова в школу пошла, опять в 3 класс. Отличницей стала, ну еще бы, я же все это знала! Закончила 10 классов. Поступила в училище, доучилась до февраля и ушла, не смогла жить на стипендию, 220 рублей не хватало.

Вернулась обратно в детский дом, там меня устроили секретарем-машинисткой. Проработала лето, осень, зиму, очень хотелось учиться. Увидела однажды объявление о наборе, пошла, меня приняли. Закончила с отличием. Отправили меня на южно-уральскую железную дорогу, детей учить. Три года проработала.

А потом собралась и уехала к брату на Дальний Восток. Так и жили мы с ним.

НАМУЧИЛИСЬ

Из воспоминаний Марии Ивановны Ниленберг

Мне было пять лет, когда в 1930 году нашу семью раскулачили. Выселяли богатых и зажиточных, у кого мельницы, много скотины. У нас ничего не было. Только пасека, которой занимался дедушка, и хозяйство. Семья, по тем временам, небольшая: дедушка и бабушка, мама, папа и четверо детей. Папа из бедной семьи, у него было семь братьев. Когда он и мама поженились, его приняли жить как зятя в маминой семье. Отца не тронули бы, как и его братьев, но раскулачили деда, а отец сказал: «Мы уже столько лет прожили вместе. Как старики одни поедут, а мы останемся? Останемся, а их пошлем одних, стариков?» Так и поехали.

Пришли, рассказывала мама, ночью: «Одевайтесь!» Оделись, кое-какие вещи взяли и пошли. Привели нас в большую школу, куда уже свезли для высылки много народа. Потом нас перевезли в Краснодар, где загрузили в большой эшелон, набитый взрослыми и детьми.

Везли очень долго. Остановится поезд где-нибудь в пустом поле: «Все вылезайте в туалет!» Через полчаса или меньше конвой всех загоняет в вагоны, и дальше повезли. Поезд останавливался в каждой деревне или в каждом городе, и несколько семей выселяли. Дедушку и бабушку высадили недалеко от Краснодара. Он быстро умер, неделю только пожил, а бабушка еще немного пожила. Так весь эшелон и расселили. Нашу семью привезли сначала в какую-то степь, потом в Александровск, а потом уже в Усьву. Три раза перевозили. Намучались...

В Усьве уже был поселок, построенный ссыльными же, теми, кого привезли туда раньше. Люди рассказывали, что когда завезли на Усьву первых ссыльных, здесь был один лес. Многие из них здесь умерли от голода, болезней и непосильного труда.

Привезли нас и поместили в длинный барак: одна семья в этом углу, другая – в другом. По восемь семей в одной комнате. Вот уголок, это твоя сумка, что ты привёз с собой, это другой, это третий – вот восемь семей в одной комнате. Как приткнулись, так и жили. Спали на полу. А потом постепенно, постепенно стали расселяться. В поселке строили двухэтажные казенные дома, многие и сейчас сохранились.

Не было одежды, посуды, самого необходимого: все приходилось заводить заново. Отец, брат и сестра в шахте работали, а я училась в школе. Позднее брат женился, сестра вышла замуж, стали жить отдельно. А в 1937 году арестовали отца. Тогда в поселке очень много людей было арестовано. Пришли ночью: «Собирайся». Сделали обыск – что-то искали. И увели. Арестованных собирали в конторе, а к утру уже всех увезли. Больше отца мы не видели. И писем от него не было. За что его посадили, мы так и не узнали. Позднее, уже после смерти Сталина, нам пришло сообщение о том, что отец умер от туберкулеза где-то в Тюменской области.

Мы с мамой остались вдвоем. Мне 10 лет было. Мама в общепитии уборщицей 36 рублей зарабатывала. Этих денег нам не хватало. Поэтому я после окончания семилетки – в четырнадцать лет – пошла работать. Сначала рассыльной – ночью, днем бегать, на работу вызывать, а потом в шахте стала работать. Мы зажили с мамой. Мама получала 600 граммов хлеба, я – 1200, 1500 муки и крупы, 1500 мяса. Работала я в шахте до самой пенсии.

В 1942 году в поселок привезли немцев с Поволжья. Сначала они работали под конвоем, а потом их освободили, и они стали жить свободно, обзаводились семьями. В 1946 году я вышла замуж, родила двух сыновей. И вот уже 63 года мы живем с мужем, он тоже из репрессированных.

Из лагерей в поселок вернулись три человека (из 125 арестованных): у соседки муж, еще один – калмык безногий, и еще один татарин.

Когда отца реабилитировали, мама получила за него пенсию – 12 рублей.

МНЕ ПОВЕЗЛО

Из воспоминаний Саймы Вилдановны Чижовой

Я родилась в 1929 году в деревне Аминьево Челябинской области. Папа – Батыршин Вилдан Султанович, мама – Батыршина Фатима Ганутдиновна. Родители держали скотину: были коровы, лошади, овечки. Отец нанимал рабочих: он всех кормил, поил, одевал, обувал. В общем, их содержал.

Родителей раскулачили в 1929 году и привезли в Усьву Пермской области. Мне было тогда 9 месяцев. Мама работала в шахте откатчицей: когда вагонетки нагружали углем, она их откатывала. Папа работал сначала в шахте, а потом на шпалорезе: заготовливали доски для крепежа.

Жили в бараках, в одной комнате размещалось несколько семей. Жить было очень тяжело. Бани не было, мылись дома, по очереди. Воду в ведрах грели, на печке. А летом в речке мылись. Спать не на чем, посуды не было: из одной чашки ели, из одной кружки пили, один чайник кипятили. Ели траву, крапиву, кислицу.

Позднее огороды начали раскапывать, картошку стали сажать. А потом, когда война была, все вещи продали. Получали паек: мне 300 граммов хлеба, брату 400, папа получал 800 г. на шпалорезе, мама на шахте 1200 г. Родители получали зарплату 40–50 рублей. Вставали в 5 часов утра, в 6 уходили на работу. Возвращались вечером, часов в 8.

Во время войны сутками работали. Перерывов на обед не было. С утра до вечера ничего не ели.

В поселке была спецкомендатура, куда каждый месяц ходили отмечаться. Семьи в бараке жили дружно, помогали друг другу кто чем. Мама, например, одалживала у соседней швейную машинку, шила кофточки и юбочки, какое-нибудь платьишко. А местные, бывало, обижали, обзывали: «кулацкие морды», «сволочи-кулаки». Придешь домой, наплачешься... и опять живешь.

В 1938 году я заболела тифом. Тогда многие болели тифом и многие умирали. Четырех мальчиков похоронила мама. Мне повезло, я выжила. Только голову обрили, все время ходила в платке, пока волосы не отрасли.

После окончания семилетки и школы ФЗО я работала на шахте Чкалова кочегаром котельных установок. В 1979 году, отработав 25 лет, вышла на пенсию.

Папа умер в 1945 году, мама в 1973. На родину мы не вернулись.

НЕ ХОТЕЛА ПРЕДАВАТЬ ПАМЯТЬ ОБ ОТЦЕ

Воспоминания Нины Павловны Шаминой

Мой отец, Павел Андреевич, прошел германскую войну, а потом и гражданскую. Домой вернулся в 1921 году. А мама, Анна Константиновна, все эти годы билась одна, воспитывала двух сыновей, моих братьев, Алексея и Николая. Такая, вроде, хрупкая женщина, но справлялась и с хозяйством, и с детьми. Работала, не жалея себя. Что поделаешь... Оставляла братьев, им всего по шесть-семь лет было. Бегали во дворе, ждали маму, чтобы чего поесть. Так и росли.

А потом привалило счастье, вернулся отец домой, в наше село Большаково. Он соскучился по работе. Хозяйство уже едва держалось – маме все-таки трудно было справляться со всеми делами и заботами. Отец начал с ремонта дома, заменил крышу, купил молотилку, лошадь. Постепенно жизнь стала налаживаться.

Люди уважали папу, в селе он слыл за хорошего хозяина. Вот они и избрали его председателем сельсовета. Доверие вроде и приятно, но родителей не оставляла тревога, времена были темные, непонятные.

В 1929 году объявили сплошную коллективизацию. К отцу приехали три представителя из района и ему, председателю, предъявили список тех, кого собирались раскулачивать. Отца, как представителя власти, хотели взять с собой. Но он отказался. Ему пригрозили, мол, если не будешь выполнять указания партии, сядешь сам. А он уперся: не пойду, стыдно перед людьми. За что их раскулачивать, отбирать нажитое? Ведь у них никакого богатства, все, как и он, крестьяне, работяги.

Трудно было в те годы порядочным людям. Вскоре его тоже зачислили в кулаки, хотя у нас не было ни большого хозяйства, ни тем более наемных рабочих. Потом отца забрали. Забрали без объяснений, без приговора. Ты, мол, враг народа...

Его забрали и тут же на нас с мамой накинулись, как коршуны. Отобрали все, что было нажито непосильным трудом. Буквально все имущество. И молотилку, и лошадь. Я помню, как вела себя в те дни мама. Другие бабы ревели, рвали на себе

волосы, а она не плакала. Только этим комсомольцам говорит: «Вот вы еще подойник забыли». И выносит подойник.

В общем, осталась семья у разбитого корыта. Детей кормить нечем. Не успела мама и порадоваться жизни с отцом, как уже новое горе, новые испытания. Люди говорили: смотри, как бы и тебя с детьми не отправили по этапу. Подсказали, давай-ка, матушка, вот тебе подвода, собирай детей и уезжайте. Мама так и сделала. Но прежде брату удалось тайно съездить к отцу, чтобы уведомить о нашем отъезде. Приехал, стал его искать. Шел вдоль колючей проволоки и вдруг у мусорных бачков увидел отца, голодного... Вот уж сколько лет прошло, а как вспомню этот рассказ брата, так плачу.

Мне было три годика, когда мы приехали в город Миасс Челябинской области. Там жили какие-то знакомые, у них на время поселились. Но и мы, и они жили в постоянном страхе, потому что документов у нас никаких не было. Как милиционер проходит мимо окон, у всех сердце в пятки.

Единственное чувство из детства так и осталось – страх. Мы прятались, соседи переживали. Получалось, они скрывают врагов народа. Чем все это кончится, неизвестно. В общем, попросили маму съехать. Посоветовали добираться до какого-нибудь промышленного города.

Так мы оказались в городке Карабаш Челябинской области. Это время я уже хорошо помню. Повезло, нам дали комнату. Алеша и Николай к тому времени уже подросли, их взяли на работу, на шахту, где добывали медную руду. Благодаря мальчикам и дали ту комнату. Младшего отправили в забой, а старший работал наверху, на отливе воды.

Но, шахта была старая, часто случались аварии, практически каждый день хоронили шахтеров. Мама не находила себе места, переживала за сыновей... И тут приехали вербовщики, как их тогда называли. Приглашали в Казань на строительство авиационного завода. Мама недолго колебалась – все лучше, чем каждый день трястись от страха за ребят. Через несколько дней нас посадили в товарный вагон. Вскоре добрались до пригорода Казани, села Алексеевское.

Братья пошли на стройку. Им выдали тачки, они вручную перебрасывали грунт. Жили мы на частных квартирах. Страшное для нашей семьи было время. Одеть нечего, постельного белья нет, ни простыней, ни одеял, спали на полу. Маме было

вдвойне тяжело. Хозяйство вести невозможно. Хозяин квартиры запрещает стирать, мол, что вы тут сырость разводите! Мы переезжали с места на место, но везде условия были такими же тяжелыми. Дети болели дизентерией. Из продуктов один горох. Как сейчас помню – один стручок на день.

Делать нечего, надо куда-то бежать. Решили перебраться в Казань. Там в это время как раз началось строительство авиационного завода. И тут – редкое счастье! – вернулся отец. Помыкались мы без него, и не расскажешь всего...

Отец, как и братья, устроился землекопом, только на другой стройке. Там вскоре появился завод, выпускавший кино- и фотопленку. Недалеко от строительной площадки находился поселок, где жили такие же, как мы, раскулаченные, пострадавшие от репрессий. Поселок в народе прозвали «Нахаловкой». Там отцу удалось найти пустую землянку, и мы поселились в ней. Мама и этому радовалась. Наконец-то свой угол!

Рядом с нами проживало множество людей, кто-то, как и мы, в землянках, кто-то в бараках. Я помню, отец, как только у него появлялась свободная минута, проводил время со мной. Мама рассказывала, что я была любимым ребенком в семье. Помню, как он занимался со мной, играл... Что еще нужно ребенку для счастья?

На стройке отцу дали телегу – «грабарку» и крепкого мерина. Он вывозил камни из карьера. В один из рабочих дней, в обеденный перерыв лошадь порвала путы на ногах и погнала. Отец побежал за ней, но... сердце не выдержало, он упал. Так, совершенно неожиданно в 1937 году мы остались без отца. Мне тогда было 10 лет.

И опять мама осталась одна. Но братья подросли, стали более или менее самостоятельными, освоили рабочие профессии. Один стал слесарем, другой сварщиком. Поэтому хоть какие-то деньги, но в семье водились. Мама стала хлопотать, чтобы нам дали хоть небольшой участок земли. И ей это удалось – выделили где-то за городом десять соток. Братья решили построить там небольшой домик. И построили, как тогда называли – «насыпушку» – домик из досок, смазанный глиной. Здесь можно было жить. Тут мама совсем обрадовалась. Ведь на участке можно садить картошку. А через некоторое время накопили деньги и купили корову. Она стала нашей спасительницей, кормила семью в голодные военные годы...

Только обустроились, началась война. Я пришла в школу к учительнице и попросила записать меня на фронт. А мне тогда еще не было и шестнадцати. Конечно, учительница отказала... А с братьями сложилось по-другому, их очень ценили на работе, да и рабочие руки были позарез нужны. Начальство решило оставить их в тылу.

Вспоминаю, во время войны мы вроде бы не голодали. Но снабжение было плохое. Вкус сахара дети просто не знали, я пила чай с солью. Еще помню, как мы с мамой зимой занимали с ночи очередь в хлебный магазин и с утра, когда магазин открывался, по карточной системе выдавали хлеб.

После окончания восьми классов я поступила в авиационный техникум в Казани. Тогда очень популярно было все, что связано с авиацией. Вспоминаю, как мама покупала куски ситца и шила мне вещи, чтобы я, так сказать, не в обносках ходила. Учеба мне нравилась, а потому трудности я как бы и не замечала. Ходила в техникум пешком аж за 10 километров! А еще во время учебы мы работали на лесозаготовках. Может быть, благодаря трудностям мы все крепко сдружились. Один за всех и все за одного! Не давали друзей в обиду, помогали друг другу в учебе. Это спасало, когда было особенно трудно.

После окончания техникума в 46-м году, меня направили работать на авиационный завод. Параллельно поступила на заочное отделение филологического факультета Казанского университета. Тяга к учебе была невероятная!

Но вот однажды произошла такая история. Меня пригласили в райком партии на беседу. И предложили работу в комсомоле. Ни минуты не колеблясь, я призналась, что являюсь дочерью раскулаченного. Не могла и не хотела предавать память об отце. Комсомольский секретарь тут же замолк. Не знал, что делать и что сказать. А мне и без слов было все ясно.

И всегда так было, никогда не скрывала свое прошлое. Хотя, конечно, не очень распространялась об этом. А вот моим братьям пришлось хуже. Помню, чтобы устроиться на работу, им даже приходилось подделывать документы. Простые рабочие, куда уж ниже по должности, а, поди ж ты, везде барьеры. Никуда не продвинешься – за шиворот держат и не пускают.

После окончания университета я несколько лет работала в общеобразовательной школе в Казани. И вдруг один из мальчиков-сокурсников, с которым я дружила еще в техникуме, сделал

мне предложение. От неожиданности, от удивления я не знала, что и думать. Он был совсем не похож на модный тогда идеал молодого человека. Мне, например, больше всех нравились летчики. Такие brave парни, в форме... Так что к предложению пожениться я сперва отнеслась прохладно, не всерьез. Но позже все изменилось.

Расскажу о его семье. У них тоже сложная судьба. Он сам мне ничего не рассказал, только его мама... Отец был военным, после демобилизации его назначили военпредом. А в 1937 году забрали, через какое-то время расстреляли. А раз так, Володю стали воспринимать как «сына врага народа». Он поступил в авиационный институт. Но уже через некоторое время ректору пришла депеша, что, мол, такого-то из института следует исключить. Мать долго ходила по разным инстанциям, просила, чтобы его восстановили. В конце концов, сжалились, оставили.

После окончания института, всех ребят распределяли по заводам в Казани. А его одного отправили на поршневой завод в Пермь. И все годы он был ограничен в карьерном росте из-за своего происхождения. Только после смерти Сталина стало что-то меняться.

Его мать была родом из Петербурга, очень образованная, мудрая женщина. Она всегда интересовалась жизнью сына, часто приглашала нас в гости. У них была одна комната в большом деревянном доме. И почти все праздники мы справляли у них. Мы с ней очень подружились. Когда Володю направили работать в Пермь, а мы остались в Казани, то продолжали с ней общаться. Почти каждый день звонила мне на работу, коллеги даже шутили мол: Нина, опять твоя свекровь звонит! Как-то мы даже ходили с ней в театр.

А однажды она пригласила меня поехать в Пермь на теплоходе. Я до того времени ни разу не плавала на корабле, впервые увидела страну, ее замечательную природу. В Перми теплоход остановился на целый день. Меня встретил Володя, мы весь день гуляли, он показал мне город, а вечером я уплыла обратно в Казань.

Через какое-то время уже Володя приехал в Казань в отпуск. И снова сделал мне предложение. Мне тогда было уже 28 лет, все подружки повыходили замуж. А у меня так и не появился летчик, о котором я мечтала. Свадьбу сыграли тихо, по-домашнему. А вскоре Володя вернулся в Пермь. Я сначала

не захотела ехать с ним. В Перми он жил в общежитии, а мне общежитие не нравилось. Да и сложно было расставаться с Казанью, полюбился мне этот город. Он писал письма, говорил, что скучает, торопил с приездом. И когда я все-таки приехала, то, как и ожидала, оказалась в мужском общежитии, в комнате на пять человек.

Устроилась работать в конструкторский отдел, на тот же завод, где работал Володя. Через какое-то время стали добиваться отдельной комнаты. Но начальник конструкторского отдела, к которому я обратилась, заявил: вот когда будет ребенок, тогда и дадим комнату, а пока поживете и так! Я тогда разревелась. Но через три месяца комнату нам все-таки дали. Мы, конечно, были безумно рады! На лето приезжала его мама, на зиму моя. Пришел час, я и маму свою перевезла в Пермь. Ну, а в 57-м году родилась наша дочь.

Реабилитация для меня прошла непросто. Сначала раскученным справки не выдавали. Обратилась в ГУВД, но дело не двигалось. И тогда мне посоветовали обратиться в «Мемориал», к Израилю Абрамовичу Зекцеру, председателю ассоциации репрессированных. Выслушав мою историю, взялся помочь, сам звонил в Челябинскую область. Благодаря его стараниям документ о реабилитации мне все-таки выдали, за что я ему очень благодарна. Этой справкой государство признало свою ошибку, признало, что моя семья и тысячи людей пострадали ни за что. Многих, очень многих жизней и сломанных судеб стоили такие ошибки...

А. Б. Суслов

профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Пермского педагогического университета, доктор ист. наук, заместитель председателя краевого отделения общества «Мемориал»

СПЕЦКОНТИНГЕНТ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ (1929-1953 гг.)

Отрывки из монографии

Спецпереселение, организованное Сталиным при поддержке Политбюро, сорвало с насиженных мест и унесло в неизвестность сотни тысяч крестьян. Именно депортированные крестьяне на протяжении 30-х гг. составили подавляющее большинство сосланного населения, намного превосходя количественно административных ссыльных, состав которых пополнялся и в 20-е и в 30-е гг.

Тяжелее всего пришлось тем, кого захлестнула первая волна раскрестьянивания зимой – ранней весной 1930 г. На это время пришлось наибольшее число безобразий, неоправданной жестокости, нарушений и без того малогуманных советских законов. В широком масштабе практиковались повальные конфискации «под гребенку», выселения «раскулаченных» в чистое снежное поле «под березку» и т. д. На первую половину 1930 г. приходится большая часть смертей спецпереселенцев первой волны. Во многом это было связано и с непродуманностью концепции спецпереселения высшим политическим руководством, и спонтанностью ее реализации. В 1930 г. основной акцент этой политики ставился на экспроприацию так называемого кулачества, на отрыв его от почвы, где он укоренился, на разрыв его связей и уничтожение влияния на односельчан. Экономический эффект такого мероприятия, разумеется, был отрицательный. Гибельность удара, нанесенного основному товаропроизводителю на селе и сельскому хозяйству в целом, признается подавляющим большинством историков. Сюжет этот достаточно полно раскрыт в историографии. Однако в контексте нашего исследования важно обратить внимание на один нюанс: в 1930 г. политическое руководство страны и соответственно местные власти мало думали и заботились о хозяйственном эффекте от

труда спецпереселенцев.

Лишь 18 марта 1930 г. все полпредства ОГПУ получают директиву о выселении «кулацких» семей 1-й и 2-й категории «только при наличии в семье трудоспособных членов»¹.

Более полутора

месяцев после начала массовых выселений потребовалось, чтобы догадаться сократить огромный поток на спецпоселение детей, стариков, инвалидов, как правило, обреченных на смерть в условиях отсутствия глав семей. Понятно, что это было не запоздалым торжеством гуманизма, а лишь осознанием нерациональности отправки в ссылку нетрудоспособного населения. В том же ключе можно рассматривать шифротелеграмму Г. Г. Ягоды и Г. Е. Евдокимова от 20 апреля 1930 г., разрешающую немедленный «вывоз детей высланных кулаков до 10 лет, возвращаемых родственникам, при наличии согласия родителей»². То есть ОГПУ, исправляя допущенное головотяпство, теперь разрешало спасти детей.

Очевидно, что, начиная кампанию по «раскулачиванию» и выселению крестьян, власть преследовала политические, репрессивные цели: уничтожить крестьянство как социальный слой. Перефразируя известный сталинский лозунг о «ликвидации кулака как класса», можно сказать, что истинной целью сталинской аграрной политики начала 30-х гг. было уничтожение крестьянства как класса.

...Созданная 1 апреля 1930 г. специальная секретная комиссия при СНК «по устройству выселяемых кулаков» под председательством зампреда СНК В. В. Шмидта не могла быстро разрешить возложенные на нее вопросы жизни и труда спецпереселенцев. Тем более, что массовое выселение крестьян

¹ Там же. Ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 149.

² Там же. Л. 152.

продолжалось к тому моменту уже более двух месяцев. Не более эффективно работала специальная комиссия при СНК РСФСР под председательством наркома внутренних дел В. Н. Толмачева, созданная еще раньше – 9 марта 1930 г. для руководства расселением спецпереселенцев.

Поразительная скромность запросов комиссий, на плечи которых легла «забота» о спецпереселенцах, наглядно свидетельствует о наплевательском отношении к людям. Например, 25 июня 1930 г. В. В. Шмидт, обращаясь к И. В. Сталину, запрашивает на хозяйственное устройство уральских спецпереселенцев 3,813 млн. руб. Это означало, что на одного человека причиталось около 20 руб.¹. Естественно, что при такой норме невозможно было обеспечить спецпоселенцев достаточным количеством инвентаря, семян и прочими необходимыми вещами.

В конце 1930 г. и особенно во второй половине 1931 г. подход к этой проблеме меняется. Об этом свидетельствует целый ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома, посвященных хозяйственному обустройству спецпереселенцев. Характерно, что именно тогда появляется термин «спецпоселок» – в постановлении СНК РСФСР от 10 декабря 1930 г. «О трудовом устройстве кулацких семей, высланных в отдаленные местности, и о порядке организации и управления специальными поселками». В этом постановлении отчетливо выражена хозяйственно-колонизаторская цель спецпереселения: «Спецпоселки организуются в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, работ по разработке недр, для рыбных промыслов, а также для освоения неиспользованных земель»². 11 марта 1931 г. ЦК ВКП(б) создает для координации действий по «раскулачиванию» и рационализации использования труда спецпереселенцев новую специальную комиссию под председательством А. А. Андреева³ (с октября 1931 г. ее возглавлял Я. Э. Рудзутак). Заметим, что степень влияния этой комиссии была выше, чем

¹ См.: Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996. – С.230.

² ГА РФ, ф. р-1235, оп. 2, д. 776, л. 3.

³ См.: Афанасьев В. Г. Труд, жизнь и быт спецпереселенцев на предприятиях топливной промышленности // Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы. – СПб., 1995. – С.5.

у предыдущих – действовала она под эгидой Политбюро. Все решения Политбюро по спецпереселенцам проходили предварительное обсуждение на этой комиссии.

Региональные партийные и хозяйственные руководители быстро уяснили открывающиеся перед ними перспективы в связи с мобилизационными возможностями использования труда заключенных и спецпоселенцев: это позволяло им выполнять спускаемые «сверху» хозяйственные задания, что при иных обстоятельствах было бы затруднительно. Об этом, к примеру, свидетельствуют следующие строки письма секретаря Березниковского райкома В. Шахильдяна секретарю Уралобкома И. Д. Кабакову от 26 ноября 1930 г.: «Наш Березниковский район должен заготовить 1,5 млн. куб. м – в $2\frac{1}{2}$ –3 раза больше прошлогодней программы, а людей в деревне не найдешь... Снимать с предприятий – рискованное дело... Мобилизую заключенных, ссыльных, кулаков, кого только можно. Думаю всю эту шпану поставить на рубку, а крестьяне вольные со своими лошадьми будут заняты на возке»¹.

На иницилирующую роль уральской властвующей элиты в наращивании мощностей ГУЛАГа еще в 1997 г. обратил

¹ ЦДОО СО, ф.4, оп.8, д.424, л.69.

внимание канадский исследователь Дж. Харрис. В своей статье «Рост ГУЛАГа: принудительный труд в уральском регионе (1929-1931)» он подчеркивает, что региональные руководители сыграли ключевую роль в разрастании лагерной системы¹. Харрис утверждает, что уральские руководители убедили партийную верхушку в необходимости пересмотра регионального пятилетнего плана и реализации ряда проектов создания металлургических и машиностроительных колоссов на Урале. Все это естественным образом совпадало с идеей увеличения доли принудительного труда.

...Отечественные исследователи достаточно убедительно показали, что Сталин и его соратники сделали выбор в пользу политики «большого скачка». Поэтому аргументы с мест в поддержку мероприятий курса форсированной индустриализации и коллективизации, сопряженного с раскрестьяниванием и широкомасштабным использованием принудительного труда, воспринимались с благосклонностью. Во всяком случае важно то, что этот курс не был плодом бредовой идеи диктатора, навязанным всей стране, как можно вычитать в некоторых исторических сочинениях. Курс на использование принудительного труда для форсированного социалистического строительства был вполне адекватен устремлениям высшей номенклатуры как на союзном, так и на региональном уровнях.

Действительно, руководство уральской области, засучив рукава, берется за проведение массовой коллективизации. Выступая на втором пленуме Уралоблисполкома, секретарь Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабаков заявил о необходимости скорейшего проведения коллективизации, в частности, потому, что лесная и горнодобывающая промышленность страдают от дефицита рабочей силы, коллективизация поможет освободить избыточную рабочую силу². Развитие уральской индустрии сопровождалось все более и более масштабными запросами на подневольную рабочую силу. В этом контексте упомянем только об одном запросе первого секретаря Уралобкома на переселение 50-60 тыс. «кулацких» семей для развития северных лесных трестов области.

¹ Harris James. The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1929-31; in: The Russian Review 56 (April 1997), p.266.

² См.: ГАСО, ф.р-88, оп.1, д.2080, л.218.

Дж. Харрис точно подметил, что уральская партийно-хозяйственная элита была серьезно озабочена проблемой закрепления рабочей силы на объектах индустриализации. Например, только в 1931 г. из 2700 рабочих, завербованных Уральским металлургическим трестом, 1000 сбежала¹. Поэтому Дж. Харрис делает вполне логичный вывод о том, что борьба с «утечкой» рабочей силы становится базисом стремлений и требований расширения лагерной системы, исходящих от местных элит².

Власти регионов уже в 1930 г. хорошо поняли открывающиеся перспективы использования принудительного труда. С весны 1931 г. работа с запросами региональных властей на рабочую силу была институционализирована в виде деятельности комиссии А. А. Андреева. Многочисленные заявки на спецпереселенцев выносились на рассмотрение комиссии. К примеру, 15 мая 1931 г. комиссия решила переселить на Урал 55 000 «кулацких» семей³. 8 июля 1931 г. комиссия постановила удовлетворить заявки Уралугля на переселение 1000 крестьянских семей в район Кизеловского бассейна и 1100 семей в район Челябинского бассейна⁴. 30 июля 1931 г. комиссия предложила ОГПУ «произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков» в соответствии с поступившими заявками⁵. В 1932 г. явно просматривается стремление тесно увязать решение политических и хозяйственных задач. Так, комиссия ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам, принимая решение «О выселении кулаков» 10 июня 1932 г. (утвержденное Политбюро), предусматривающее выселение до конца года 30-35 тыс. «кулацких» семей, вписывает пункт: «предложить ОГПУ на все количество кулаков, намеченных к выселению, заключить договора с хозорганами на их трудовое использование»⁶.

Таким образом, региональная партийная элита уже в начале 30-х гг. стала рассматривать использование труда спецконтингента в качестве необходимой составляющей обеспечения

¹ См.: Harris J. The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1929-31; in: The Russian Review 56 (April 1997). P.269-270.

² Ibid. P.270.

³ РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.10, л.51.

⁴ Там же. Л.116.

⁵ См.: Горинов М. М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1990. № 11.

⁶ РГАСПИ, ф.17, оп.162, д.12, л.106.

рабочей силой строек социализма. При этом неудачи в организации труда спецпереселенцев делают для уральского партийно-хозяйственного актива более приоритетным использование труда заключенных. Об этом свидетельствует, в частности, содержание докладной записки первого секретаря Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабакова И. В. Сталину от 7 декабря 1932 г., где описывалось тяжелое положение на строительстве Соликамского магниевого комбината. Среди других просьб содержалось и требование, поражающее своей обыденностью, – организовать в Соликамске концентрационный лагерь или трудколонию на 10 тыс. заключенных. Последнее подавалось как *необходимое условие* пуска предприятия в срок¹.

Заметим, что исполнители на местах, проводя спецпереселение «раскулаченных», наталкивались на противоречивые установки политического руководства: с одной стороны, им предписывалось обеспечить максимальную хозяйственную отдачу от перемещенной рабочей силы, с другой стороны – особый режим содержания и изоляцию спецконтингента. Как сообщал временно исполняющий дела начальника отдела по спецпереселенцам ПП ОГПУ по Уралу Баранов в июле 1931 г., несмотря на то, что «вышестоящими органами, при проведении ссылки кулаков и передачи их для использования на работах хозяйственными организациями были даны указания о том, что последние должны расселяться путем проведения строительства специальных для них поселков, в местах, обеспечивающих спецпереселенцам длительное время работы, отдаленных от населенных пунктов коренного населения: фабрик, заводов, железных дорог, и водных путей сообщения, все спецпереселенцы должны быть изолированы от общения с вольным населением, что их жилищные условия должны отвечать минимальным санитарно-гигиеническим требованиям», все эти указания «почти всеми хозорганами полностью не выполнены»².

...Удачный вишерский опыт пришелся как нельзя кстати. После него эксперименты с использованием труда заключенных становятся все более и более масштабными. Грандиозное

¹ См.: ЦДООСО, ф.4, оп.10, д.223, л.99-103.

² Архив УВД Свердловской области, ф.12, оп. 1, д. 8, т. 1, л. 5 об.

строительство Беломорканала в 1931-1933 гг. наглядно продемонстрировало мобилизационные возможности и преимущества ОГПУ по сравнению с любым гражданским ведомством¹. С 1932 г. начинается работа с новыми гигантскими объектами: каналом Волга-Москва и Байкало-Амурской магистралью. 300 000 узников ИТЛ для реализации столь глобальных планов ведомству явно не хватало. Принятие закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» 7 августа 1932 г., вошедшего в народную память как «закон о пяти колосках», объективно существенно помогало ОГПУ увеличить свои контингенты.

В то же время было бы упрощением утверждать, что власти садили в лагеря столько людей, сколько было необходимо для выполнения хозяйственных планов. Такой тезис иногда встречается в литературе². Однако имеются документы, свидетельствующие, что Сталин, по крайней мере первоначально, видел в данном законе прежде всего карательный, а не экономический инструмент. Он требовал от судей максимального применения высшей меры наказания, возможной по закону. Суды же к расстрелу приговаривали лишь небольшую долю осужденных, подавляющее большинство направлялось в лагеря и колонии. Так, в 1932 г. по закону от 7 августа только в РСФСР было осуждено 76 961 чел., из них приговорены к высшей мере – 2588, к 10 годам лишения свободы – 49 360; с 1 января по 1 мая 1933 г. осуждено 81 253 чел., из них к высшей мере – 4183, к 10 годам – 68 329³. Следующий год дал еще большее число репрессированных: по СССР – 128 160 чел. (по РСФСР – 103 388). Далее волна осуждений по закону от 7 августа спадает. В 1934 г. по СССР осуждено 39 802 чел., в 1935 г. – 12 741 чел.⁴.

Но даже драконовский закон от 7 августа не мог сразу удовлетворить потребности ОГПУ в рабочей силе. Надобность же

¹ См.: ГУЛАГ в Карелии. Петрозаводск, 1992.

² См. например: Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово, 1997. – С.5.

³ Наше отечество. Ч. II. – М., 1991. – С. 300.

⁴ См.: Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). – Уфа, 1994. – С. 241.

в ней была неотложной. Чтобы хоть как-то снять остроту дефицита рабочей силы СНК СССР 25 октября 1932 г. принял специальное постановление, запрещавшее отвлекать лагеря на какие-либо работы, кроме основных объектов.

...Подведомственная ОГПУ система спецпоселений продолжала разрастаться не только количественно. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), утвержденном 23 апреля 1933 г., на ОГПУ возлагалась обязанность организовать новое подразделение – «трудовые поселения» «по типу существующих спецпоселков для размещения в них и хозяйственно-го освоения вновь переселяемых контингентов». В трудпоселки направлялись «раскулаченные» из районов сплошной коллективизации, высланные за саботаж хлебозаготовок и за отказ выезжать из Москвы и Ленинграда в связи с паспортизацией, выявленные на промышленных предприятиях «бежавшие из деревень кулаки», задержанные при очистке западных границ и т. п. Постановление предписывало «контингент вновь переселяемых приравнять во всех отношениях к спецпереселенцам, расселенным в 1930–1931 гг.»¹. План на 1933 г. предусматривал высылку 550 000 чел. в трудпоселки². Учитывали трудпоселенцев вместе со спецпереселенцами как одну категорию. Поскольку серьезных отличий в статусе тех и других не было, грань между ними вскоре стирается. Ко всем «прикипает» новый термин, заимствованный из ведомственного делопроизводства: «трудпоселенцы».

...В середине 30-х гг. НКВД стремится обеспечить снабжение спецконтингента по сравнительно сносным нормативам, однако высшее политическое руководство ориентируется на постепенное сокращение этих норм снабжения, на решение государственных проблем за счет подневольных работников. Так, 21 февраля 1935 г. нарком внутренних дел Г. Г. Ягода пишет докладную записку И. В. Сталину и В. М. Молотову, в которой напоминает о своей просьбе полугодичной давности – увеличить отпуск продовольствия и промтоваров заключенным в связи с увеличением их количества. Он указывает на то, что лагерное

¹ Экономика Гулага и ее роль в развитии страны, 30-е годы... – С. 31-32.

² См.: Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР // Свободная мысль. 1992. № 13. – С. 77.

население постоянно увеличивается и просит утвердить фонды снабжения в соответствии с фактическим наличием 710 000 заключенных и 57 000 охраны, вольнонаемного состава и т. д.¹. Однако просьба удовлетворяется лишь частично. Постановление СНК СССР «О контингентах, снабжаемых по ГУЛАГу НКВД СССР» от 4 марта 1935 г. санкционирует снабжение только 750 тыс. чел., включая 57 тыс. чел. охраны, вольнонаемного состава и т. д.² Как следует из письма Ягоды Молотову от 23 апреля 1936 г., в первом квартале 1936 г. ГУЛАГ недополучил от наркомата внутренней торговли 45,8% намеченной к отпуску хлопчатобумажной ткани, 48,9% обуви, 58% шерсти, 60,5% валенок³. Как справедливо замечает исследователь экономики ГУЛАГа М. И. Хлусов, «здесь просматривается сознательная политика ограничения норм потребления, политика, поощряющая руководство НКВД и ГУЛАГа на подобные действия, что вело к физическому истощению заключенных»⁴.

НКВД, принимая новые контингенты подневольных тружеников, получал и новые хозяйственные задания государственной важности. Помимо уже названных объектов, наркомат занимается строительством Забайкальской, Уссурийской, Горно-Шорской и других железных дорог, заготовкой дров для Москвы и Ленинграда, эксплуатацией Беломоро-Балтийского канала и т. д. С 1935 г. исключительное значение приобретает добыча золота трестом «Дальстрой». В том же году ГУЛАГу поручается еще одно ударное строительство – Норильского никелевого комбината. С 1936 г. на НКВД возлагается строительство шоссейных дорог. Для этого сочли целесообразным создать даже особое подразделение – главное управление шоссейных дорог (ГУШОССДОР).

Без использования труда заключенных и спецпереселенцев уже не обходилась ни одна более или менее крупная стройка. Подневольная рабочая сила уже к середине 30-х гг. составляла настолько значимую долю работниковстроек и вновь возведенных предприятий, что отказ от использования такого резерва кадров означал бы серьезный поворот в индустриальной

¹ Экономика Гулага и ее роль в развитии страны, 30-е годы... – С. 35-39.

² Там же. – С. 40.

³ Там же. – С. 41-44.

⁴ Там же. – С. 7.

политике в целом. К примеру, в 1934-1936 гг. коллектив строителей Соликамского магниевых завода состоял из 900-1200 чел., около половины из них составляли заключенные и спецпереселенцы. Даже в период завершения стройки это соотношение не менялось. В феврале 1936 г. из 1026 чел. было всего 628 вольнонаемных, в марте соответственно – 920 и 545, в апреле – 873 и 519, в мае – 903 и 541. Летом 1936 г., когда все цеха завода вступили в строй, на его площадках продолжали трудиться 1039 строителей, из них 655 вольнонаемных¹. Понятно, что отказ от принудительного труда потребовал бы значительных вложений в инфраструктуру, охрану труда и т. п. Причем, в таком случае развитие инфраструктуры должно предшествовать собственно индустриальному строительству.

...В начале 30-х гг. наряду со все большим неофициальным распространением идеи самокупаемости лагерей и народно-хозяйственного использования принудительного труда сильное официальное звучание получает идея «перевоспитания» преступников трудом. Это нашло отражение не только в пропаганде, но и в нормативных актах. Так, в ИТК РСФСР прописывалось, что «среди лишенных свободы обязательно проводится политико-воспитательная работа. Труд лишенных свободы и проводимая среди них политико-воспитательная работа должны служить перевоспитанию и приучению их к работе и жизни в условиях трудового коллектива и приобщению их к участию в социалистическом строительстве»².

Идею «перековки» вряд ли можно назвать чистым лицемерием. По-видимому, часть государственных мужей хотя бы отчасти уверовала в собственные заклинания. Отсюда – широкое применение зачетов и досрочного освобождения заключенных на строительстве Беломоро-Балтийского канала в 1931-1933 гг. Именно тогда советская пропаганда поднимала на щит лозунг трудового перевоспитания заключенных и захлебывалась от восторга над «первым в мире опытом перековки трудом самых матерых уголовников-рецидивистов и политических врагов». Несколько десятков самых известных советских писателей оставили свои панегирики «перековке» после организованной для них поездки по Беломоро-Балтийскому каналу. «Принятая

¹ См.: ГАСО, ф. 554, оп. 1, д. 818, л. 4-6.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960... – С. 73.

Государственным политическим управлением исправительно-трудовая политика, сведенная в систему воспитания проповедью единой для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом, – еще раз оправдала себя»¹, – восклицал А. М. Горький. «Я полагал, что эта знаменитая перековка людей возникла на единственном и основном мотиве – на желании выслужиться, на желании получить волю, блага и льготы. Я должен сказать, что в общем счете я чрезвычайно ошибся. И я на самом деле увидел перестройку сознания, гордость строителей и удивительные изменения психики у многих заключенных»², – восторгался М. М. Зощенко. И это только два голоса из слаженного хора 120 авторов знаменитого сборника «Беломоро-Балтийский канал им. Сталина»...

В годы войны система использования принудительного труда в государственных масштабах в целом сформировалась. Уменьшение количества заключенных ГУЛАГа с 1 500 000 в 1941 г. до 700 000 в 1945 г. произошло, прежде всего, вследствие увеличения «текучести» контингента: через лагеря и колонии ГУЛАГа в военное время прошли более 5 000 000 чел., из них около 1 000 000 освобождены досрочно и отправлены на фронт, а 2 000 000 умерли³.

С началом войны связана попытка сэкономить ресурсы за счет сокращения расходов на содержание заключенных. Следствием становится резкое падение производительности труда и катастрофическое увеличение смертности лагерников, пик которой пришелся на 1942 г., когда ежемесячно умирало около 50 тыс.⁴ За этот год в лагерях и колониях умерло около 25% среднегодовой численности заключенных. Опасаясь лишиться значительной части подневольной рабочей силы в условиях ее дефицита, советские вожди были вынуждены позаботиться об улучшении физического состояния лагерных контингентов.

Столкнувшись с нехваткой рабочей силы в годы войны, советское политическое руководство изыскивало одну за другой

¹ Беломоро-Балтийский канал им. Сталина. – М., 1934. – С. 11.

² Там же. – С. 323.

³ Там же. Ф. 9414, оп. 1, д. 1155, л. 1-3; Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. – М., 1997. – С. 216.

⁴ Иванова Г. М. Указ. соч. – С. 110.

возможности привлечения к труду новых категорий населения, за счет перевода их в разряд спецконтингента.

В разряд спецпоселенцев попадают целые народности. Самым массовым стало переселение советских немцев. Они, а также финны, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, калмыки и турки-месхетинцы поголовно выселяются на том основании, что некоторые представители этих народов действовали заодно с гитлеровцами. Ту же судьбу разделили другие национальности, проживавшие на Черноморском побережье и на Кавказе, депортированные частично (греки, болгары, армяне, турки, курды, хемшилы, дашнаки, иранцы)¹. Около 2,4 млн. чел. переселяются не по своей воле. Трудоспособные, как правило, втягивались в сферу принудительного труда.

В числе новых источников решения проблемы дефицита рабочей силы следует отметить и мобилизацию на принудительные работы по национальному признаку. Есть все основания считать призыв в так называемую трудармию особой формой репрессий по национальному признаку, поскольку туда, как правило, попадали советские граждане тех национальностей, которые официально были признаны враждебными советскому народу. Нет ничего удивительного, что львиную долю «трудармейцев» составили советские немцы.

Образ внутреннего врага, внедряемый советской пропагандой в умы советских граждан, несколько видоизменяется. Теперь в этом облике предстают не только «кулаки», «вредители», «агенты иностранных разведок» и контрреволюционеры, но и «народы-предатели». Режиму удастся внушить большинству мысль о справедливости и целесообразности депортаций по национальному признаку.

Атмосфера подозрительности, создаваемая вокруг спецпоселенцев-депортированных и трудармейцев, была особенно заметна в годы войны. Вот характерный пример. Директивой заместителя наркома госбезопасности Б. З. Кобулова и заместителя

¹ Предвоенные и военные депортации по национальному признаку подробно рассмотрены в литературе. См.: Герман А. А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М., 1996; Полян П. В. Не по своей воле... – М., 2001; Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995; Он же. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). – М., 1998; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М., 1998 и др.

наркома внутренних дел В. В. Чернышева от 18 октября 1944 г. предписывалось использовать спецпереселенцев, как правило, на строительных или подсобных работах. Труд спецпереселенцев в механических цехах предприятий (кроме взрывоопасных) разрешался при индивидуальном решении вопроса о допуске и обеспечении агентурного наблюдения. Кроме того, запрещалось «допускать на работу в промышленные предприятия спецпереселенцев, разрабатываемых органами НКВД или НКГБ по подозрению в шпионаже, вредительстве, диверсионных и террористических намерениях и принадлежности к антисоветским группам»¹.

Немалое значение в годы войны имела и спекуляция на патриотических чувствах людей, оказавшихся за колючей проволокой или в спецпоселках. Культурно-воспитательные части лагерей с рвением выполняли поставленную перед ними приказом НКВД в 1943 г. задачу: «... путем широкого проведения массовой политической и разъяснительной работы парализовать влияние враждебно настроенных элементов на основную массу заключенных, вызвать у заключенных чувство патриотизма и любви к Родине и создать у них производственный подъем для выполнения и перевыполнения производственных планов и заданий»².

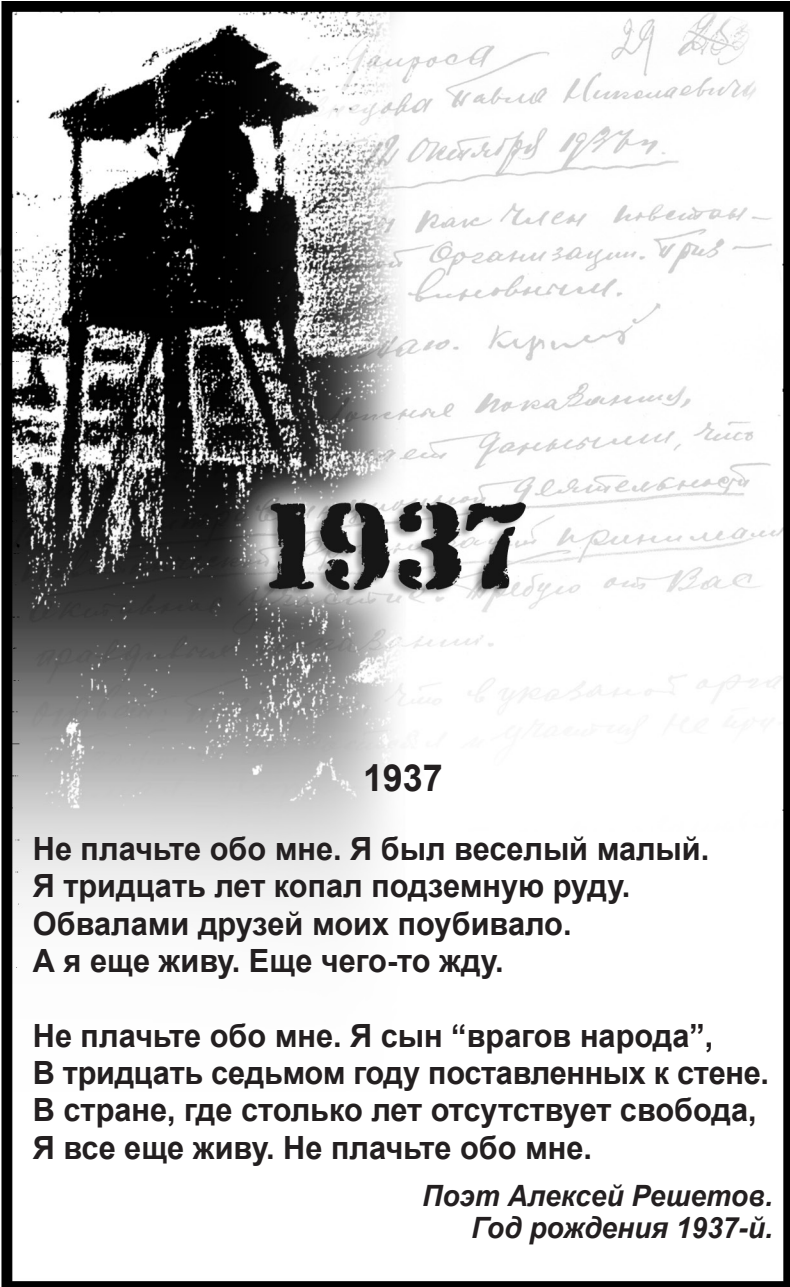
Те же цели преследовались в идейной обработке спецпереселенцев и трудармейцев. Надо сказать, что режиму часто удавалось достичь желаемого результата: полуголодные, полураздетые, почти бесправные люди в патриотическом порыве помогали власти преодолевать трудности, часто вызванные преступной политикой этой власти.

Характерны воспоминания Фриды Карловны Граф, которая описывает, как мобилизованные в трудармию немки на следующий день после приезда к месту работы в г. Краснокамск в необустроенном бараке «устроили собрание, на котором приняли решение, что будем работать так, как наши бойцы воюют на фронте, покажем, на что мы способны»³.

¹ ГА РФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 172, л.1 13.

² Там же. Ф. 9414, оп. 1, д. 77, л. 102.

³ Краснокамская звезда. 1991. 31 авг.

1937

1937

Не плачьте обо мне. Я был веселый малый.
Я тридцать лет копал подземную руду.
Обвалами друзей моих поубивало.
А я еще живу. Еще чего-то жду.

Не плачьте обо мне. Я сын “врагов народа”,
В тридцать седьмом году поставленных к стене.
В стране, где столько лет отсутствует свобода,
Я все еще живу. Не плачьте обо мне.

*Поэт Алексей Решетов.
Год рождения 1937-й.*

Мы продолжаем публикацию воспоминаний жертв политических репрессий, связанных с «Большим террором», развернувшимся на территории СССР в 1937-1938 годы. Главное отличие «Большого террора» от предшествовавших репрессий заключалось в том, что это была крупнейшая, четко спланированная войсковая операция, развернутая против собственного народа. В течение полутора лет по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона.

Часть I.

ОПЕРАЦИЯ «ПОВСТАНЦЫ»

Авторы и герои воспоминаний, опубликованных в этом разделе, с первых сознательных своих лет мучаются главным для них вопросом – за что? За что власть расправилась с их отцами, мирными, не имеющими никакого отношения к политике людьми, один из которых был бухгалтером, другой врачом. За что расстреляли отца, простого, доброго, преданного своей семье? Ведь он так любил меня и маму, всех близких...

Теперь-то они знают ответ – ни за что. Не имело никакого значения, виновен человек или нет. Имел значение только сценарий, написанный за кремлевскими стенами. На основе этого главного сценария свои преступные спектакли ставили начальники все меньше и меньше рангом, вплоть до рядового следователя НКВД.

Да, судьбами наших отцов и дедов распорядилась бездушная политическая система, выстроенная «вождем всех народов» и «великой партией пролетариата». Но ведь были и конкретные исполнители, прилагавшие все духовные и творческие силы, чтобы угодить Хозяину. Странно и страшно произносить это сочетание слов – духовные и творческие силы – по отношению к потерявшим человеческий облик людям. Но так было.

Трагическую судьбу Павла Николаевича Кузнецова и Александра Григорьевича Орлова и еще сотен людей решил вполне

308
523

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД по Свердловской области от
20 октября 1937 г. о расстреле.....
Кузнецова Павла Николаевича.....
приведено в исполнение 25 октября 1937 г. в 24 часа.

СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ-
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСВЕН-
НОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.-

[Подпись]

/КАЛЮЖИ/

конкретный человек, начальник Свердловского УНКВД Дмитриев. Именно он придумал и разработал «идею» повстанческой армии. Якобы в Свердловской области (куда до осени 1938 года входила и будущая Пермская область) действует контрреволюционная (белогвардейская) повстанческая организация, которая готовит государственный переворот, уничтожение вождей Советского Союза и т. д. Большой террор шел по стране, надо было торопиться, не отстать от соседних регионов...

Оставалось под уже придуманные роли найти актеров – бойцов и командиров отсутствующих воинских формирований, воинских частей, корпусов, рот и взводов. И началась операция (одна из многих), пошла по городам и весям вакханалия арестов, пыточных допросов и бессудных расстрелов...

В этом разделе мы публикуем также статью кандидата исторических наук А. С. Кимерлинг «Сфабрикованные НКВД сети контрреволюционных повстанческих организаций как способ реализации приказа № 00447». На основе подлинных документов автор показывает, как осуществлялась одна из многих операций Большого террора в Прикамье.

ПОМНЮ И ПРЕКЛОНЯЮСЬ

Воспоминания Анатолия Павловича Кузнецова

Анатолий Павлович Кузнецов практически всю свою взрослую жизнь посвятил памяти отца, расстрелянного в 1937 году. В начале 90-х годов, когда приоткрылся доступ к еще недавно засекреченным архивным документам, он одним из первых добился права ознакомиться со следственным делом отца, Павла Николаевича. От этого знакомства сын ждал чего угодно, но к такому потрясению оказался не готов. Его поразила скорость и бездушная простота расправы над ни в чем не повинным человеком. Он открыл для себя, что отец, оказывается, был не один. Вместе с Павлом Николаевичем Кузнецовым были арестованы 53 жителя Пермской области, все они прошли по делу о так называемой белогвардейской повстанческой организации. Далеко не все арестованные имели в прошлом хоть какое-то отношение к белой армии. Но это, как выяснилось, особого значения не имело.

В 1991 году через газету «Пермские новости» Анатолий Павлович обратился к родственникам погибших по делу 53-х. Он предложил собрать все сохранившиеся сведения, воспоминания о них. Откликнулись восемь человек. Но оказалось, что дети и внуки погибших знают очень мало. Они скорее надеялись на Анатолия Павловича, ждали его рассказа о своих близких. Пришлось ему стать первым вестником давней трагедии. Он рассказал об их отцах и дедках, о том, какими методами велось расследование сфальсифицированного чекистами дела.

В том же номере газеты Анатолий Павлович опубликовал уникальный документ – полный список жертв расстрела 25 октября 1937 года. Сегодня вместе с воспоминаниями А. П. Кузнецова мы публикуем этот список, а также другие документы из его личного архива.

С возрастом я все чаще думаю об отце. Вспоминаю, каким он был, о чем рассказывал, как одевался, как воспитывали они меня с мамой. Они были еще совсем молодыми, никогда не ругались, не ссорились. Мама ворчала лишь, когда папа читал допоздна, часов до двух ночи, не давал отдыхать. Рядом (где

сейчас школа № 22) располагалась библиотека имени Толстого. Я часто туда бегал по его поручениям, обменивал книги.

Бывало, конечно, я не слушался, шел поперек родителям. Чего-нибудь натворишь, а мама говорит: вот отцу нажалуюсь. А он не наказывал, не ругал. Воспитывал взглядом. Так посмотрит, что хулиганить больше не хочется.

Родители отца умерли рано, когда ему было два года. Он воспитывался у бабушки, жил в ее доме на Слободке. Бабушка держала прачечную, на доходы от нее и жили. Образование отец получить не смог, окончил всего четыре класса. Но читать очень любил, часто читал вслух мне и маме.

Отец рассказывал, что росли они драчунами. Слободка находилась за чертой города между городской заставой и солдатскими казармами. Тогда в моде были кулачные бои, шли «стенка на стенку», район на район, квартал на квартал. Слободка билась то с Горками, то с Заимкой. Сходились парни 16-20 лет, ломали заборы и начиналось. Бились, пока полиция не прибежит. Победители получали бесспорное право ходить в кинотеатр «Триумф» (потом «Художественный») и водить на фильмы своих девочек. Проигравшие, ничего не поделаешь, обходили кино стороной.

В 1916 году, когда отцу исполнилось 20 лет, его призвали в армию и направили в военное (общевойсковое) училище. После окончания в чине подпоручика ушел на германский фронт. В 1919 году вернулся в Пермь и тут же его призвали колчаковцы. Попробуй, откажись от призыва, могли и пристрелить. А как колчаковцев отогнали, ушел в Красную Армию, служил до 1922 года в чине адъютанта полка. В том полку комиссаром служил виднейший на Урале революционер С. Окулов, тот самый, в честь которого потом назвали улицу, площадь и целый поселок. Они дружили до самой смерти Окулова в 1934 году. Он сильно болел, а когда обезножел, я катал его на коляске.

Но я забежал вперед. После демобилизации отец окончил бухгалтерские курсы, работал в разных учреждениях города. В 1924 году Павел Николаевич с мамой Ниной Григорьевной поженились. Она когда-то закончила гимназию, работала учительницей в младших классах. Жить стали в доме по улице 1-й Красноармейской (сейчас территория приборостроительного завода), который бабушка построила. В этом доме моя мама прожила почти 40 лет, до 1962 года.

Все бы ничего, но начиная где-то с 1932 года папу время от времени арестовывали. Отравляли ему и нам жизнь, никак не могли забыть его короткое пребывание в колчаковской армии. Арестуют, подержат месяц-два и отпустят. Все это казалось недоразумением, которое вот-вот должно разрешиться. Однако задержания не проходили бесследно. Приходилось все время менять работу. И чем дальше, устроиться было все трудней. Я уж не говорю, как аресты сказывались на здоровье отца. Он еще на германской получил тяжелый бронхит, переходящий в астму. Ему трудно было дышать, задышался во время ходьбы.

*1898 год. Мой отец
Павел Николаевич. Ему 2 года.*

28 сентября 1937 года папу арестовали, и на этот раз – навсегда. Конечно, никто даже в страшном сне не мог предположить такое.

Я помню этот день. Ввалились трое, начался обыск. Папу усадили в угол. Я хотел подбежать к нему, чтобы, как всегда, забраться на колени, но меня отшвырнули. Запретили разговаривать. Мы сидели напротив друг друга, я смотрел на него, он на меня. У меня в чулане была фотолаборатория. Один из военных полез туда. Я зубами вцепился в него, закричал: «Не трогайте фотобумагу!» Начальник махнул рукой: «Ладно, не трогай».

В конце разрешили попрощаться. Он целует меня и маму. Я не могу сказать ни слова, слезы душат. Папа говорит: «Прощайте!». Не «до свидания», а именно «прощайте». Наверное, чувствовал.

Но еще не все. Через 10 минут возвращаются. Папа задышится. Не может идти пешком. Военные вызвали машину. Через

*Таким был мой отец
в 1934 году.*

некоторое время пришел «черный ворон». И папу увели, теперь уже навеки.

Для нас наступили самые трудные времена. Ходили слухи, что папу приговорили к 10 годам без права переписки. Посылки не принимали. Мы ведь тогда не представляли, что все это значит. Надеялись и ждали.

Мама с трудом устроилась счетоводом на мизерную зарплату. В те времена жене «врага народа» найти работу, средства на пропитание было не так просто. Так что и мизерную зарплату за счастье считали.

На всякий случай мама собрала узелок и попросила меня не трогать его. Со дня на день ждала ареста, готовилась к нему. Или могли выслать из города, мы уже знали, что так бывает с семьями репрессированных.

После ареста папы я почувствовал, как изменилось отношение ко мне. В школе некоторые ребята, особенно из зажиточных, номенклатурных семей, стали сторониться, избегали общения со мной. Но большинство одноклассников вели себя нормально, как всегда. Старались не напоминать о моем несчастье. Я до сих пор благодарен нашему классному руководителю А. Э. Бабаджан, она не раз защищала меня от злых придирок и обвинений.

В 1941 году, к началу войны, я окончил 8 классов. Мама посоветовала поступать в техникум, жить вдвоем на ее зарплату невозможно. Я подал заявление в авиационный техникум, но, увы, получил отказ. Там и не скрывали причину – анкета не та, отец у тебя «враг народа». Это был первый удар, я, мальчишка, и представить не мог, что такое возможно. Потом их было много, этих ударов, но я уже стал взрослее, старался не показывать обиду и продолжал добиваться своего.

Подав заявление в военно-механический техникум (сейчас имени Славянова). И тут необыкновенно повезло: меня приняли даже без экзаменов. Причина – большой недобор, не очень спешили ребята в этот техникум.

Проучился всего один год. А дальше не до учебы стало, шла война. Всех студентов направили на Мотовилихинский завод. Меня определили токарем. Изготавливал детали для пушек. Мне было все-таки 17 лет, а рядом на станках работали совсем мальчишки. В перерывах баловались, играли, как дети.

Мальчишки работали по 8 часов, их все-таки берегли. А мы, как взрослые, по 12 часов и больше. В 1943 году при техникуме организовали вечернее отделение. Я очень хотел учиться. И, несмотря на усталость и голод, поступил на вечернее. Приняли сразу на третий курс. Правда, нам, студентам, завод старался понемногу облегчить рабочий режим. Со смены отпускали пораньше. Но все равно было очень тяжело. Летом 1943 года я около месяца пролежал в больнице с дистрофией. Что называется, дошел до предела. И это несмотря на то, что я получал по рабочей карточке 700 граммов хлеба, а мама как служащая – 500. Сейчас бы сказали – авитаминоз. До войны у нас был маленький огородик, а теперь не до него. Пока я лежал в больнице, мама пошла к начальнику цеха, просить помощь. Мне тогда выделили килограмм риса. Помню этот рис до сих пор. И еще рыбий жир, который заставляли принимать, он тысячи детей спас от рахита и других последствий плохого питания.

Нам еще было ничего, терпеть можно. Все-таки живем дома, есть родственники, знакомые. А вот эвакуированным...

Напротив меня за токарным станком работала девушка, Машей звали. Из эвакуированных. Я стал замечать, что у нее лицо день ото дня становится каким-то круглым, нездоровым, рыхлым. А потом ее почему-то нет на работе. Спрашиваю у мастера: где Маша? А он говорит – умерла от дистрофии. Как же так, никто и не заметил, что с ней происходило. Не жаловалась, молчала. А лицо у нее менялось, понятно почему – пухла от голода.

Осенью 1944 года техникум как бы открыли заново, он стал дневным. По распоряжению директора завода Быховского нас, вечерников, освободили от работы. Сказали, идите учиться, ребята. Мотовилиха изголодалась по кадрам, специалистов остро не хватает.

Я старался не загружать маму своими проблемами, ей и так тяжело. Помогала из своей мизерной зарплаты, которая была ненамного больше моей стипендии. В 1944 году стало немного полегче, появились какие-то продукты. Дожили мы до Победы,

Август 1937 года. Семейный снимок. Сделан за 2 месяца до гибели отца. Справа налево – Павел Николаевич, мама, мой дядя Анатолий (погиб на войне) и я.

праздновали ее, радовались, что дожили, что выжили.

Во многих семьях Победу отмечали, как сейчас поется, со слезами на глазах. Но в слезах моей мамы был иной, скрытый от посторонних смысл. Кому расскажешь о своем горе, кому оно понятно было в те годы, кроме сына и самых близких людей? Нашим матерям приходилось молча глотать слезы, терпеть и из последних сил биться за своих детей, за их будущее.

Преклоняюсь перед этими женщинами, перед мамой. Она до последних своих дней так и прожила вдовой, у нее и мыслей не было, чтобы выйти замуж. Ждала папу...

Летом 1945 года я закончил техникум, получил специальность «техник-механик по производству артиллерийских систем». Заранее знал, куда пойду работать – обратно на Мотовилиху. Там получил первые рабочие навыки, там прошел такую школу, что подобную и не найти. Сначала работал технологом, потом производственным мастером. Но мечта об образовании не давала покоя. И тут один приятель по техникуму

предлагает: «Давай вместе поступать в Уральский политехнический, в Свердловске». Я особо и не колебался. Тем более, что и мама поддержала: «Хочешь учиться, – поступи, а я как смогу, помогу».

Так в 1946 году я стал студентом Уральского политехнического института. Он уже тогда был авторитетным вузом, здесь давали глубокую инженерную подготовку. У меня, с одной стороны, было серьезное преимущество перед другими студентами: практический опыт работы на производстве, техникум. А с другой стороны, я почувствовал явную слабость по общеобразовательным дисциплинам за 9-10 класс, в техникуме нам их не додали. Не до этого было во время войны. Пришлось на ходу догонять. По техническим предметам все шло хорошо, тут техникум хороший след оставил, а вот с общеобразовательными было сложнее...

Впрочем, трудности меня не пугали. Ко всему привык, и не такое приходилось преодолевать во время войны. Жили голодно, но весело. Ночами подрабатывали грузчиками, устраивались сторожами. Ну чем могла помочь мама? Она старалась изо всех сил, а я вел свою линию: не надо, не присылай, сам заработаю.

Но, честно говоря, не эти трудности мне запомнились, а те, старые, анкетные, связанные с отцом. На 4-м курсе нас собрали у ректора. Приехал представитель предприятий, связанных с атомной промышленностью. Предложил по окончании института идти к ним работать. Я, было, загорелся, дело новое, перспективное. Но, увы, изучив мою биографию, они ответили отказом.

Но это еще не все. Перед последним курсом я обратился в кадры Мотовилихинских заводов с предложением послать мне вызов, когда закончу институт. Мне сообщают: согласны. Это же мое родное предприятие, как же иначе. Но... началось распределение, и тут заварилась каша. Я сообщил, что жду вызов на Мотовилихинские заводы и не поеду ни на какие другие предприятия. Представитель деканата в довольно-таки резкой форме заявил, что я не имею права ехать туда «по анкетным данным».

Больше месяца длилась эта борьба. Секретарь парторганизации настойчиво убеждал, что надо отказаться от Перми. А для меня все это уже стало вопросом принципа. Сколько можно терпеть? На этот раз настойчивость победила. Мне

Протокол допроса 29 200
Обвиняемого Кузнецова Павла Константиновича
в д. 18 Октября 1937 г.

Вопрос: Вы Арестованы как член известной
иной белогвардейской Организации. Спроси-
теся вы себя в отношении виновности.

Ответ: Мне неизвестно. Кримины

Вопрос: Вы также Личные Показатели,
Следствие Вас полагает членом, член
вы в Коммунистической Революционной
Павлодарской Организации принимали
активное участие. Спроси о вас
правильно показание.

Ответ: Повторно, что в указанной орга-
низации я не состоял и участия не при-
нимал. Кримины

Вопрос: Вы упоминаетесь показанием
участников белогвардейской организации:
Абукина, Бураковича и Романовича.
Предлагаю представить Ваше Заявление

Ответ: Вы раз повторю что по указанной
организации я не состоял и участия
не принимал. Препрошу Записку о моих
своих правдивых и истинных показаниях
Кримины
Записку представлю в этот вечер в 10 часов

Протокол допроса П. Н. Кузнецова.

повезло – из министерства пришел нужный вызов, меня направляют в Мотовилиху. И тут все заткнулись, молча передали документы в руки представителя министерства, а он без проволочек оформил направление на завод.

В 26 лет я закончил институт. На заводе устроился старшим мастером-начальником участка. Дело я знал, работал неплохо. В 1953 году умер Сталин. Показалось, что теперь станет легче, что не будут на каждом шагу «тормозить» таких, как я. Тем более, что и на работе многое пошло к лучшему. Меня допустили к выполнению важнейшего госзаказа: мы изготовляли детали для первой баллистической ракеты.

Когда к власти пришел Хрущев, начались реформы. Одной из первых было ослабление режима у колхозников, им стали выдавать паспорта, а в сентябре 1953 года состоялся партийный Пленум, который наметил большие изменения в сельском хозяйстве. Должна была усилиться роль машинно-тракторных станций (МТС). Механизаторы стали рабочими, получали зарплату по более высоким расценкам. На промышленных предприятиях началась компания по подбору инженерно-технических работников для работы на МТС.

На нашем заводе одним из первых таких кандидатов оказался я. Вполне возможно, что реальной причиной нового назначения была все та же «анкета». Режим секретности на заводе усиливался, поэтому я все больше кому-то мешал. Но в данном случае сопротивляться не стал. За всю жизнь никогда в партии не состоял. Но свою ответственность за то, что происходило в стране, с себя никогда не снимал. Поэтому согласился на предложение, шесть лет проработал главным инженером МТС.

После 20 съезда партии (где Хрущев разоблачил культ личности Сталина и преступления, совершенные против миллионов советских людей) в стране начался процесс реабилитации. Из лагерей возвращались тысячи пострадавших в годы репрессий, те, кому повезло выжить в лагерях ГУЛАГа.

Наконец-то мы получили весть об отце. Печальную весть. Надежда на то, что он жив, рухнула. Постановлением президиума областного суда в 1956 году отец был полностью реабилитирован. ЗАГС выдал свидетельство: умер в 1944 году, якобы от рака печени. Тут все ложь – и дата смерти, и ее причина. Власть, в который уже раз, побоялась сказать правду. Через много лет я получил другое свидетельство и в нем однозначно –

расстрелян в 1937 году. За жизнь папы мама получила от государства его двухмесячную зарплату. На том и закончилась та реабилитация.

Всю оставшуюся жизнь мы с мамой мечтали найти могилку отца. Чтоб мы могли приходить к нему, вспоминать его. В начале 90-х я обратился в областную прокуратуру с просьбой помочь найти место захоронения отца. Из прокуратуры направили в КГБ, где ознакомили с документами следствия по его делу. Место захоронения они указать не могли, ссылаясь на отсутствие официальных документов.

Зато я узнал об отце то, что меня мучило всю жизнь. Трехтомное следственное дело включало допросы 53-х жителей Прикамья, арестованных за то, что они, якобы, были членами тайной белогвардейской повстанческой организации, которая планировала совершить в стране переворот, уничтожить товарища Сталина и других вождей.

Отца вызывали на допрос всего три раза. Его принуждали признаться в преступлении, о котором он не имел представления. Конкретных фактов следователи не приводили, очной ставки с другими арестованными не было. Требовали подписать заранее написанный протокол. Запугивали, ссылались на свидетельства других заключенных, которые отца якобы «изобличили». Папа держался до конца, категорически отрицал предъявления ему обвинения. Не признал виновным себя, не подписал заранее подготовленные доносы на других товарищей по беде. Так и ушел из жизни – не сломленным, с высоко поднятой головой.

Как я уже говорил, по одному делу с отцом прошли и другие люди. Многие, как и отец, выстояли, не признали себя виновными ни в чем. Другие сдались под давлением следователей, оговорили себя, а некоторые – и других. Имеем ли мы моральное право судить их? Тех, кто не выдержал нравственные и физические пытки? Мое твердое мнение: нет, не имеем. Не судите, да не судимы будете! Человека доводили до крайней степени нервного истощения, запугивали, избивали. Особенно страшно действовали на психику угрозы следователей арестовать родных и детей. Невозможно представить себе, что твоя мать, жена, дети окажутся в этом аду.

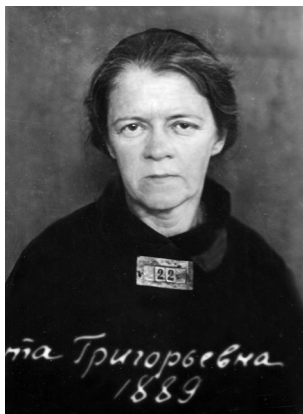
Мама не зря собрала узелок с вещами, чувствовала опасность. Но к счастью беда нас миновала. Почему? Кто знает...

Не жертв надо судить, а систему, которая ломала людей, доводила их до такого состояния, когда человек не способен контролировать свои действия. Мне думается, мы должны поклониться всем жертвам сталинского террора, всем слабым и сильным, всем созданным для мирной, нормальной жизни, а не для таких испытаний.

Впрочем, для Пермского горотдела НКВД не имело никакого значения, признал человек вину или нет. Исполнители действовали в жестких рамках спущенных «сверху» инструкций. На всех 53-х арестованных было утверждено обвинительное заключение.

Через две недели подследственных (хотя о каком следствии тут можно вести речь?) перевезли в Свердловскую тюрьму НКВД. 20 октября состоялось закрытое заседание тройки, где был вынесен чудовищный приговор: 47 человек (и в их числе мой отец) приговорили к высшей мере наказания. Через пять дней, 25 октября 1937 они были расстреляны.

В нашей семье папа не единственная жертва политических репрессий. Дядя отца – Михаил Павлович Кузнецов – потомственный рабочий паровозоремонтного завода. В начале века вступил в партию эсеров, был осужден царским судом в 1909 году. В 1920 году теперь уже большевики арестовывают его как эсера. В 1924 году вступил в партию большевиков – ВКП (б). Через 11 лет его исключают из партии как бывшего эсера. В начале 1937 года арестовывают «как врага народа», обвиняют во вредительской деятельности. Он работал в это время начальником цеха. Приписали ему все, на что хватило воображения: срыв выполнения месячного плана, низкое качество продукции. И еще он якобы преследовал членов партии и комсомольцев, несправедливо увольнял их за... нарушения трудовой дисциплины.

*Август 1942 года.
Последняя фотография
тёти Авы (Пентовой А. Г.).
г. Березники, лагерь
располагался
на Адамовой горе.*

1994 год. 12-й километр от Екатеринбурга – место, где проходили расстрелы приговоренных. Здесь лежит мой отец. Вместе с внуком Алексеем мы установили памятный крест.

Целый год велось следствие в Свердловской тюрьме. Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР осудила Михаила Павловича на 15 лет и 5 лет лишения прав. Через два года он умер в сталинских лагерях.

У Михаила Павловича осталось 3 сына. Двое работали на моторостроительном заводе. После ареста отца их с завода уволили. Но старший сын поступил так, как требовала партия большевиков – отрекся от отца. Выиграл он немного: его оставили на заводе, но исключили из партии и понизили в должности.

Младший сын Анатолий в 1943 году добровольцем ушел на фронт. А в 44-м погиб как герой, сгорел в танке.

В 1957 году та же коллегия Верховного суда реабилитировала Михаила Павловича «за отсутствием состава преступления».

Моя тетя по маме, Августа Григорьевна Пентова, по профессии библиотекарь, как рассказывали в семье, весьма критически относилась к власти безграмотных пролетариев.

Когда-то окончила гимназию и курсы библиотекарей. Вышла замуж за убежденного члена партии эсеров. Они жили в Актюбинске. Его несколько раз арестовывали. Примерно так же, как

было с моим отцом. Из 13 лет супружества они прожили вместе не больше пяти лет. В 1937 году его вновь арестовали и как «врага народа» расстреляли.

Августа Григорьевна приехала в Пермь. Жила у нас. Советское государство выпускало займы, на которые заставляли подписываться всех работающих. Причем на сумму не менее месячной зарплаты (деньги вычитали в течение года). Обещали погасить заем через 10 лет, но срок несколько раз переносили на неопределенное время. Старшее поколение должно помнить, что последние (но не все) займы погасили аж в 60-х годах. наших родных уже в живых не было...

В 1941 году Августу Григорьевну арестовывают по доносу кого-то из сослуживцев. Ее обвинили в том, что критиковала государство за обман простых людей. Выпустили займ, обещали погасить через 10 лет. А через некоторое время объявили, что срок возврата денег переносится на 20 лет. Кроме того возмущалась тем, что при царизме рабочий день библиотекаря был на 2 часа меньше, чем у нынешнего. За все это она получила 10 лет тюрьмы. Умерла от голода в лагерях ГУЛАГа. Реабилитирована в 1956 году.

С первых лет создания в Перми общества «Мемориал» я стал его активным членом. Мне дорога главная идея «Мемориала» – то, что с нами произошло, не может быть забыто. Из трагедии моей семьи, всего народа, надо сделать выводы. Иначе все повторится. Но с болью вынужден сказать: урок не пошел впрок, преступления сталинизма не осуждены, не получили юридическую оценку. И способствует этому не только власть. Немалое число россиян мечтают о сталинских порядках. Для меня это дико. Вряд ли они понимают, к чему зовут всю страну.

Ежегодно, 30 октября, в России отмечают День памяти жертв политических репрессий. В этот день возле нашего Памятника неподалеку от церкви Успения Богородицы собираются люди, чтобы помянуть своих близких. А я отмечаю еще одну дату, день гибели моего отца – 25 октября.

...В конце 80-х, в 12 километрах от Екатеринбурга, при производстве земляных работ было обнаружено массовое захоронение тысяч людей. Вскоре выяснилось, что здесь лежат расстрелянные в годы «большого террора» уральцы. И среди них – более 7 тысяч пермяков. Все мы много лет боролись за

то, чтобы на месте гибели уральцев появился Мемориал жертв политических репрессий. В конце концов, он был построен, средства на его создание выделили все уральские регионы.

В мае каждого года близкие и родные, школьники, студенты, учителя едут на 12-й километр, чтобы поклониться невинно погибшим. Впервые я побывал там в начале 90-х годов, когда на месте расстрелов еще не стоял Мемориал. Тогда вместе с внуком мы установили свой деревянный памятный крест и прикрепили к нему табличку со списком всех 53-х прошедших по делу «повстанцев».

А сегодня на окраине уральского леса располагается большой мемориальный комплекс. В него входят длинные ряды стел с гранитными плитами, на которых высечены имена тысяч жертв сталинского террора. Есть там и имя моего отца.

...В этом году мне исполняется 85 лет. Я, можно сказать, прожил две жизни отца. Если бы сегодня случилось невозможное, если бы увидел я их живыми... Я бы упал перед отцом и матерью на колени и сказал: «Помню вас, я в вечном долгу перед вами. Помню и преклоняюсь!»

СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ ПРИКАМЬЯ, АРЕСТОВАННЫХ ОРГАНАМИ НКВД ПО ДЕЛУ О БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Азбукин Александр Яковлевич, 1895 г. р., уроженец г. Перми. До ареста работал счетоводом в промысловой артели «Кама» – расстрелян 25 октября 1937 года.

2. Ушаков Вениамин Иванович, 1878 г. р., уроженец с. Слудка, Ильинского района. Работал статистом в промысловой артели «Звезда» – расстрелян 25 октября 1937 года.

3. Буриков Сергей Александрович, 1898 г. р., уроженец г. Свердловска. Работал торговым инспектором в Пермском холодильнике – расстрелян 4 ноября 1937 года.

4. Каменских Николай Александрович, 1898 г. р., уроженец г. Перми. Временно не работал – расстрелян 25 октября 1937 года.

5. Бремер Сергей Александрович, 1893 г. р., уроженец г. Санкт-Петербурга. Работал помощником начальника отдела снабжения Краснокамского бумажного комбината, проживал в г. Краснокамске – расстрелян 25 октября 1937 года.

6. Тепфер Ричард Ричардович, 1890 г. р., уроженец г. Осташково Калининской области. Работал юрисконсультom в автотранспорте г. Перми – расстрелян 25 октября 1937 года.

7. Неклюдов Николай Николаевич, 1896 г. р., уроженец г. Великий Устюг Вологодской области, работал делопроизводителем в Камском речном пароходстве – расстрелян 25 октября 1937 года.

8. Ушаков Александр Иванович, 1886 г. р., уроженец г. Перми. Работал конструктором на Пермском промкомбинате – расстрелян 25 октября 1937 года.

9. Шишкин Иван Васильевич, 1891 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером в Пермском лесхозе – расстрелян 4 ноября 1937 года.

10. Чиркин Николай Константинович, 1877 г. р., уроженец г. Ветлуги Нижегородской области. Работал нормировщиком в Пермской конторе Главнефть – 10 лет лагерей.

11. Верхованцев Константин Яковлевич, 1890 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером отделения «Главпарфюмерия» – расстрелян 25 октября 1937 года.

12. Турицин Сергей Иванович, 1873 г. р., уроженец г. Кунгура. Работал садовником – расстрелян 25 октября 1937 года.

13. Зверев Алексей Кузьмич, 1887 г. р., уроженец д. Тишково, Осинского района. Работал в Пермском медицинском институте десятником по ремонту зданий – 10 лет лагерей.

14. Вылежнев Григорий Андреевич, 1890 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером в Пермском торге – расстрелян 25 октября 1937 года.

15. Груздев Мирон Иванович, 1887 г. р., уроженец деревни Грузлята, Макарьевского района Кировской области. Работал зав. группой механического оборудования строительства Камской гидроэлектростанции – расстрелян 25 октября 1937 года.

16. Орлов Александр Григорьевич, 1897 г. р., уроженец г. Перми. Работал врачом во 2-ой клинической больнице г. Перми – расстрелян 25 октября 1937 года.

17. Добрынин Павел Андреевич, 1897 г. р., уроженец г. Перми. Работал зав. отделом Пермского холодильника – расстрелян 25 октября 1937 года.

18. Кокаровцев Тимофей Никитич, 1884 г. р., уроженец деревни Волеги Нытвенского района. Пенсионер – расстрелян 25 октября 1937 года.

19. Лабердин Иван Тимофеевич, 1892 г. р., уроженец деревни Сугорка, Куединского района. Работал бухгалтером 1-ой клинической Пермской больницы – расстрелян 25 октября 1937 года.

20. Меркушев Афанасий Иванович, 1890 г. р., уроженец деревни Зайцы Добрянского района. Работал гл. бухгалтером КАМГЭСстроя – расстрелян 25 октября 1937 года.

21. Дьяконов Лев Михайлович, 1895 г. р., уроженец г. Калуги. Работал товароведом на базе «Продторга» – расстрелян 25 октября 1937 года.

22. Дягилев Платон Алексеевич, 1891 г. р., уроженец села Промыслы Чусовского района. Работал юрисконсультom в Облторге – расстрелян 25 октября 1937 года.

23. Бирман Борис Викторович, 1898 г. р., уроженец г. Киева. Работал товароведом в Свердловскснабсбыте – расстрелян 25 октября 1937 года.

24. Янпольский Семен Александрович, 1892 г. р., уроженец г. Подольска Московской области. Работал нач. боевой подготовки в Свердловском райсовете Осоавиахима – расстрелян 25 октября 1937 года.

25. Желватых Лев Иванович, 1875 г. р., уроженец г. Усолье. Работал юрисконсульт в Кондитерсбыте – расстрелян 25 октября 1937 года.

26. Ефимов Степан Кондратьевич, 1896 г. р., уроженец д. Посад-Дубровка Волгоградской области. Работал техруком электросети г. Перми – 10 лет лагерей.

27. Охримовский Николай Васильевич, 1893 г. р., уроженец дер.Белебай Красноуфимского района Свердловской области. Работал на спиртзаводе – расстрелян 25 октября 1937 года.

28. Корепанов Михаил Павлович, 1892 г. р., уроженец д. Сепычарская, Глазовского района Удмуртской АССР. Работал преподавателем учебно-курсовой базы Горвнупторга – расстрелян 25 октября 1937 года.

29. Червинский Константин Александрович, 1898 г. р., уроженец г. Перми. Работал нач. отдела снабжения Камской Стройконторы – расстрелян 25 октября 1937 года.

30. Безукладников Валерий Васильевич, 1888 г. р., уроженец г. Перми. Работал статистом Гайвинского лесоучастка, проживал в п. Гайва Пермской области – расстрелян 25 октября 1937 года.

31. Бирюков Николай Михайлович, 1891 г. р., уроженец с. Сукрино Шадринского района Свердловской области. Работал в должности командира роты на военно-учебном пункте Осовиахима – расстрелян 25 октября 1937 года.

32. Любарский Сергей Григорьевич, 1898 г. р., уроженец г. Карачи Курской области. Работал бухгалтером во 2-й Пермской клинической больнице – расстрелян 25 октября 1937 года.

33. Платонов Сергей Павлович, 1886 г. р., уроженец г. Сергач, Нижне-Новгородской области. Работал преподавателем в средней школе – расстрелян 25 октября 1937 года.

34. Бодалев Дмитрий Иванович, 1896 г. р., уроженец г. Перми. Временно нигде не работал – расстрелян 25 октября 1937 года.

35. Ковалев Иван Дмитриевич, 1894 г. р., уроженец дер. Степановка Красноуфимского района Свердловской области. Работал гл. бухгалтером на торговой базе Главхимпрома – расстрелян 25 октября 1937 года.

36. Комаров Михаил Васильевич, 1900 г. р., уроженец г. Перми. Работал гл. бухгалтером на строительстве завода «Моторостроитель» – расстрелян 25 октября 1937 года.

37. Дятлов Николай Александрович, 1893 г. р., уроженец г. Кудымкара. Работал техником-сметчиком в ремонтно-строительной конторе Горкомхоза – расстрелян 25 октября 1937 года.

38. Лазаревский Вантос Флегонтович, 1913 г. р., уроженец с. Емена Ярославской области. Работал плановиком управления строительства Бумкомбината, проживал в г. Краснокамске – 10 лет лагерей.

39. Зверев Анатолий Александрович, 1893 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером в парке культуры и отдыха – расстрелян 25 октября 1937 года.

40. Зуев Лев Дмитриевич, 1896 г. р., уроженец г. Чусового. Работал бухгалтером на пристани Левшино – расстрелян 25 октября 1937 года.

41. Калиновский Борис Павлович, 1900 г. р., уроженец г. Соликамска. Работал электромонтером на заводе «Коммунар» – расстрелян 25 октября 1937 года.

42. Кузнецов Павел Николаевич, 1896 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером на рыбокопильном комбинате – расстрелян 25 октября 1937 года.

43. Буданцев Михаил Иванович, 1894 г. р., уроженец г. Перми. Работал техником в отделении нефтесбыта – расстрелян 25 октября 1937 года.

44. Абрамов Владимир Степанович, 1905 г. р., уроженец с. Булгаковка Бузулукского района Оренбургской области. Работал военником в Пермском индустриальном рабфаке – 10 лет лагерей.

45. Кашин Иван Алексеевич, 1888 г. р., уроженец с. Серга Пермской области. Работал экспедитором по заготовке дров – расстрелян 25 октября 1937 года.

46. Столбов Александр Петрович, 1898 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером ОКСа завода «Машиностроитель» в Мотовилихе – расстрелян 25 октября 1937 года.

47. Шемаев Федор Степанович, 1889 г. р., уроженец с. Фотково Башкирской АССР. Работал зав. магазином – расстрелян 25 октября 1937 года.

48. Алексеев Константин Георгиевич, 1885 г. р., уроженец г. Кунгура. Работал преподавателем учебно-курсовой базы Горторга – расстрелян 25 октября 1937 года.

49. Щербаков Григорий Сысоевич, 1894 г. р., уроженец г. Ковно. Работал техником-механиком на заводе «Машиностроитель» в Мотовилихе – расстрелян 25 октября 1937 года.

50. Кулаков Василий Васильевич, 1894 г. р., уроженец г. Перми. Работал бухгалтером на Пермском промкомбинате – расстрелян 25 октября 1937 года.

51. Гневашев Алексей Михайлович, 1896 г. р., уроженец г. Перми. Работал техником-механиком на заводе «Красный строитель» – расстрелян 25 октября 1937 года.

52. Пушкарев Павел Максимович, 1893 г. р., уроженец д. Кононово Нытвенского района. Работал зав. складом на шпало-заводе – 10 лет лагерей.

53. Кузин Ефим Степанович, 1901 г. р., уроженец д. Курбатово Сергачского района Нижегородской области. Работал зав. складом на молочном заводе – 10 лет лагерей.

«БЕРЕГИ СЫНА...»

Из воспоминаний врача, профессора
Вадима Александровича Орлова

Отец

Я родился в семье врача. Мой отец, Александр Григорьевич Орлов, работал в одной из больниц Перми. Он окончил медицинский факультет Пермского университета в 1925 году. Семья состояла из 5 человек: папа, мама, я и две бабушки. Мама, Людмила Николаевна, работала клиническим лаборантом в областной больнице. Мы жили в общей коммунальной квартире жактовского дома на улице Орджоникидзе.

Родители много работали. Папа возвращался поздно вечером. Я всегда ждал его. В памяти, за давностью лет, остались лишь отдельные картинки нашей семейной жизни. Помню, он приходил с работы, садился обедать. А я, еще маленький, просовывал голову под его левую руку и стоял рядом довольный близостью с ним. Наша собака Гоби тоже ждала ласки, устраивала свою голову папе на колено, и все втроем мы испытывали полное счастье.

Помню, мы идём с отцом на футбол, с ним здороваются, его знают. Он «болеет», аплодирует игрокам, а я – горжусь папой.

1932 год. Семья Орловых: мама Людмила Николаевна,
я и отец Александр Григорьевич.

*1924 год. Студенты Пермского медицинского института
(отец – в первом ряду справа).*

Но больше всего я любил плавать летом на большом пароходе «Дом отдыха «Алмаз», куда он устраивался врачом на отпускной период. Мы жили вдвоём в одной каюте. Со сверстниками, детьми сотрудников дома отдыха, я изучил весь «Алмаз» от капитанского мостика до машинного отделения, от носа до кормы и камбуза. В одну из поездок папа купил мне в Горьком педальный автомобиль, которым я очень гордился. Ездил по всему кварталу и давал прокатиться другим ребятам.

В детстве, вплоть до школы, я часто болел. Когда пришло время идти в первый класс, из-за болезни пропустил начало учебного года. Папа привёл меня в школу только в конце сентября 1937 года. Привел в первый и последний раз. На другой день, 28 сентября, накануне именин мамы папу арестовали. Детство оборвалось неожиданно и навсегда.

В школе ребята, уже успевшие сдружиться, встретили враждебно. На большой перемене один из них вынудил меня с ним бороться. Я его победил. Тогда налетел второй, началась драка. Нас разняли взрослые. В тот день я не мог даже представить, что нам всем предстоит, что завтра навсегда лишусь своего отца, главного моего защитника. К тому времени ему исполнилось всего 40 лет.

*Таким был отец
в 1936 году.*

28 сентября. Тёмной сентябрьской ночью в дом пришли чекисты. Начали обыск, перерыли всё. Они подняли даже подушки и матрац детской кровати, но я так и не проснулся. Мама уговорила не будить ребенка, не пугать. Утром в доме царил страшный беспорядок, женщины плакали, царила непривычно грустная, тяжёлая обстановка. А потом мне было вдвойне больно от того, что не довелось проститься с отцом.

Каждую ночь в городе шли аресты, было ощущение, что людей арестовывают целыми кварталами. По утрам женщины встречались на улице, шепотом рассказывали о ночных событиях, плакали. Мама запретила говорить посторонним людям что-либо об отце, боялась, что и меня схватят. Она узнала, что членов семей «врагов народа» тоже арестовывают, но содержат детей и матерей отдельно. С тех пор мама жила, испытывая дикий страх за мою судьбу. За себя она не боялась, но вот за сына...

Мать бросилась на поиски отца, ходила по тюрьмам, но ответ везде один: «Не поступал...» Наконец, нашла его в первой тюрьме (ныне СИЗО). Успела сделать всего две передачи. Послала отцу то, что было разрешено, а он переправил (как ему это удалось, не знаю) нижнее бельё, грязное и окровавленное. Мы всё поняли: его избивали. Еще папа сумел передать из тюрьмы маленькую записочку на обрывке бумаги. Он успокаивал маму: произошло недоразумение, скоро все выяснится. «Береги сына», — писал он.

Третью передачу у мамы не взяли, сказали, что отец выбыл, а куда — неизвестно.

Как искали «контру»

Часто по улицам Большевицкой и Луначарского в окружении вооруженных конвоиров и собак проходили большие колонны арестованных. Их вели на станцию Пермь II, где загоня-

ли в товарные вагоны и отправляли неизвестно куда. Следом по тротуарам за колоннами «кralись» женщины, выкрикивая фамилии арестованных мужей. Конвоиры грубо кричали на женщин, пугали. Арестованные в переговоры не вступали.

Мама тоже ходила за этими колоннами в надежде увидеть отца и даже несколько раз брала меня с собой. Отца мы так и не увидели. Мама очень страдала. За несколько месяцев неузнаваемо постарела. Жизнь без мужа, без отца не представлялась ей возможной. Каждый день рано утром и поздно вечером молилась. Молитвы продолжались час, а то и больше. Мне они казались нескончаемо долгими. Она стояла в холодной комнате, босая, в одной нижней рубашке, и пока не заканчивала молитву, спать не ложилась. Я, глядя на неё, тоже не мог уснуть. Меня стала мучить мысль: почему, если мамочка так сильно молит Бога, он не возвращает отца?

Помню, как разоряли и ломали церкви в Перми. В одно из воскресений мы с мамой шли по улицам города. На перекрестке улиц Луначарского и 25 лет Октября, не помню, как они назывались в 1936-1938 годах, возле авиационного техникума разрушали большую красивую церковь. Подходы к ней закрыты, пришлось обходить. С высоких колоколен сбрасывали на землю бронзовые колокола. Они с грохотом раскалывались. На наших глазах рабочие столкнули большой колокол. Картина была страшная. Народ вокруг молчал, женщины и старушки плакали.

А ещё раньше, до ареста отца, когда мы плавали с ним на теплоходе «Алмаз», я видел большие дебаркадеры, заваленные расколотыми церковными колоколами. Их грузили на проходящие пароходы и везли вниз по Каме куда-то на переплавку. Тяжелые осколки грузчики таскали на спине с помощью специальных приспособлений в трюм, а самые крупные тащили волоком с помощью канатов и обвязок бригадами по несколько человек. Колокола и церкви крушили во всех городах и селах, все пристани вдоль по рекам Камы и Волги были забиты этим грузом.

Вскоре началась финская война. Маме приходилось, чтобы прокормить семью, работать совместителем в трёх-четырёх больницах, с утра до позднего вечера. Она не прекращала попыток найти отца, общалась с такими же несчастными женщинами – женами заключенных. Но узнать ничего не удавалось.

Я, учащийся младших классов, написал несколько писем Молотову и Сталину, как и многие дети в те годы, но ответов не получил.

В разгар репрессий 1937 года, в потоке газет, ежедневно рассказывавших о шпионах и предателях, люди заболели манией подозрительности. Страна сходила с ума, все искали «врагов народа», вредителей. Были люди, которые делали карьеру, демонстрируя свою бдительность. Я учился, кажется, во втором или третьем классе и запомнил такой случай.

Мы тогда учились писать в тетрадях в косую линейку. На обложке тетрадей печатались таблицы умножения или рисунки из сказок А. С. Пушкина, выпущенные к столетию со дня смерти поэта. Приходит учительница и объясняет: в стране разоблачена и осуждена банда врагов народа – троцкистов, зиновьевцев и всяких других. В рисунках на обложке тетрадей эти предатели народа зашифровали свои портреты и разные политические лозунги. Надо найти слова и их лица и вырвать из всех тетрадей.

40 школьников бросились искать то, чего быть не могло, крутили тетради и так и сяк, напрягали зрение до боли в глазах. Тщательно разглядывали на рисунке листву, кота, который ходит по цепи кругом. Один мальчишка закричал: «Вот, вот, здесь! и здесь..!» Учительница скомандовала – вырывайте листы! «Контру»-то нашел один, а вырывали листы все, остались тетрадки без обложек. Вот до чего доводит человеческая дурь. Я тоже был участником экзекуции, но ничего, естественно, не нашёл.

А жизнь шла...

Вскоре после ареста папы старая бабушка Зоя, которая прежде читала мне сказки, умерла. Другая бабушка Саша в возрасте 62 лет пошла работать уборщицей в столовую, чтобы облегчить материальное положение семьи. Педальную машину пришлось продать. Я плакал, не хотел расставаться с любимым подарком. Мама работала с утра до вечера, приходила поздно. Со мной оставался один друг – папина собака Гоби.

Первые пять-шесть лет я учился хорошо. Мама всеми силами старалась уберечь меня от влияния улицы. Заставляла ходить в читальный зал городской библиотеки и там заниматься, что мне нравилось. Или посещать оперный театр бесплатно

по контрамаркам, которые давала её знакомая билетёрша. Вот тут дело шло похуже, оперное пение как-то не воспринималось, да и музыкального слуха у меня нет.

В восьмом классе я вступил в спортобщество «Спартак», получил красивый значок, чем очень гордился. Записался в секцию бокса, приобщился к занятиям физкультурой, а позднее в вузе стал заниматься спортом всерьёз.

А жизнь шла – тяжёлая, сложная. Атмосфера в семьях арестованных была мрачная. Заботы, голод, постоянные опасения за свою жизнь, за оставшихся без отца (а то и обоих родителей) детей... После потери отца, часто единственного кормильца, материальное положение семьи резко ухудшалось, особенно в военные годы. Страна воевала почти постоянно: Халхин-Гол, финская, Отечественная. Дети репрессированных терпели все: нужду, нервные срывы взрослых, недоброжелательные взгляды и оскорбления со стороны. Дети искали выход, отдушину и находили её на стороне, на улице. Здесь дышалось легче!

Подростков, морально угнетённых, обиженных, было много. Мы понимали друг друга. Общая беда сближала нас. Дети принадлежали улице, она нас воспитывала. Некоторые ребята попали под влияние плохих компаний, начали воровать, многие попали за решётку.

Развлечения у нас были, как нынче говорят, крутые. Зимой ребята «летали» на лыжах с крутого берега Камы, падали,

*Людмила Николаевна Орлова.
Начало 1937 года.*

ломали кости. На коньках цеплялись за грузовые машины специальными крючками и неслись несколько кварталов целой компанией, пока милиция не поймают. Прыгали с крыш двухэтажных домов в снег, наслаждались чувством полёта, не ведая, какие опасности могут быть под толщей снега.

Летом купались на Каме. Смелычаки открывали купальный сезон уже в апреле-мае. Ещё учились играть на гитаре, петь песни, плясать чечётку. Такие были в ту пору развлечения у обездоленных подростков: наполовину хулиганские, наполовину спортивные.

С началом Отечественной войны жизнь стала еще более тяжелой. В Пермь нахлынули массы эвакуированных людей. Пассажирские и товарные составы из западных районов прибывали днем и ночью, без расписания. Через неделю стали поступать раненые с фронта. Их размещали в больницах, развёртывали госпитали в школах и крупных административных зданиях. Эвакуированные семьи расселяли по квартирам, уплотнялись до предела.

Нас тоже уплотнили. В двух комнатах жили три семьи, 10 человек. Продуктов в магазинах не стало. Ввели карточную систему. Питались чем бог послал – хлебом и картошкой. Иногда мы с мамой ездили по деревням, чтобы обменять оставшиеся вещи на продукты. Рабочий завода считался наиболее обеспеченным, он получал в день 800 граммов черного хлеба, служащий 600 граммов, иждивенцы по 400.

Пищу готовили на таганке, реже на керосинках и примусах. Газа в ту пору не было. Электричества практически тоже не было, его отключали, экономили, боялись немецких авианалётов. Многие месяцы уроки я делал при свете керосиновой копилки.

Очереди за хлебом выстраивались с 5 часов утра, задолго до открытия магазина. Людей переписывали химическим карандашом, ставили номер на ладони, чтобы никто не мог вклиниться со стороны. Очереди достигали 200, 300 и более человек. Хлебные карточки часто теряли или их крали. Эта была настоящая беда для человека, для семьи – карточки не восстанавливали.

Наступила зима. Топить печи нечем, в квартирах холодно. Школьников стали направлять на заводы на помощь рабочим. Многие ребята, которым учиться стало не под силу, устроились

на завод, поступили в школы ФЗО (фабрично-заводского обучения) и в последующем стали хорошими специалистами.

Он вернется!

Война шла к завершению. В 1945 году я учился в 9 классе школы № 9. Помню, между школами шел чемпионат по волейболу. Наша команда встретилась с ребятами из 11-й школы. Мы выиграли. В команде соперника я заметил симпатичного юношу небольшого роста, выделявшегося хорошей техникой игры. Прошло много лет, я уже давно работал врачом. Вспоминная юношеские годы, разговорился с товарищем, который когда-то играл за 11 школу. Спросил, как сложилась судьба того красивого паренька. Товарищ рассказал, что его посадили еще в 10 классе, якобы как организатора «антисталинской организации» среди школьников.

Случилось так, что в 1990 году я встретил этого паренька, теперь уже седого человека, многое видевшего и перестрадавшего. За ним были годы исправительно-трудовых лагерей и сибирской ссылки. Годы не сломили его. Это был Израиль Абрамович Зекцер – первый председатель Ассоциации жертв политических репрессий Пермского «Мемориала». Он отсидел по доносу своего же товарища, одноклассника. Безвременно ушедший из жизни И. А. Зекцер оставил о себе добрую память нестигаемого, непримиримого борца за справедливость, доброго, отзывчивого человека, помогавшего вернуть честное имя людям, невинно пострадавшим в годы сталинских репрессий.

Как выяснилось позднее, за студентами вузов, отцы которых были арестованы, устанавливали негласное наблюдение, не брезговали и провокациями. Было нечто подобное и со мной. Один сокурсник пригласил к себе домой. Я знал его родителей, бывал у них в гостях. Однако он повёл в соседний дом, ссылаясь на то, что там живёт его родственник, который уехал в командировку, ключ есть, никто не будет мешать. Поставил на стол заранее припасённую бутылку водки и на закуску солёную капусту без хлеба. Я был неопытен, но и не болтлив. А он вовсе старается вызвать меня на откровенность, расспрашивает об отце. Я сказал, что отец погиб на фронте. Позднее узнал, что он был осведомителем. Не удалось ему накопать тогда «материал».

Закончилась война. Был всенародный праздник Победы, великое счастье. Победа вселила в нас новые надежды. Школу я закончил в 1946 году. Десятиклашки и демобилизованные молодые солдаты в гимнастерках поступали в вузы. Я поступил в медицинский институт. Этого очень хотела моя мама. Она говорила, что отец, будь он рядом с нами, посоветовал бы то же, что и она.

В то время я ещё не думал о хирургии. Но после четвёртого курса, прослушав лекции заслуженного хирурга, профессора Бориса Васильевича Парина, который к тому же прооперировал моего друга и удалил ему врожденную опухоль на лице, мнение свое изменил. Тогда и решил стать хирургом. В той же клинике мне позволили сделать первую операцию на голени при ассистенции врача. Страху не чувствовал. Я был в себе уверен, знал, что и как делать.

После окончания института в 1951 году по распределению направили в Сыктывкар, но к этому времени моя мама окончательно потеряла зрение, стала инвалидом первой группы. Сказались годы работы с микроскопом, сказались и выпавшие ей тяжелые переживания. Нельзя было уезжать, оставлять ее одну. Мама написала заявление в министерство, приложила необходимые документы, и меня перераспределили. Направили в Пермскую железнодорожную больницу. С шестого августа приступил к работе.

Все эти годы об отце ничего не было слышно, хотя иногда люди рассказывали, что вроде бы видели его в сибирских лагерях. Слухи, конечно, не подтверждались. Мы решили, что папа осуждён на 10 лет с последующим поселением на Колыме. Вещи отца ждали его. Их не меняли и не продавали, хотя в иные моменты было так трудно, так голодно... В десятом классе мама предложила перешить на меня папин костюм, но я сказал: «Нет! Он вернётся, во что мы его тогда оденем?» Все-таки в студенчестве мама отдала мне папины штиблеты и перешила костюм. Это случилось через 11 лет после его ареста.

В 1948 году мама получила первое извещение. Там говорилось, что её муж, мой отец, умер от воспаления лёгких. На её запрос, где это случилось, когда и где похоронен, пришёл новый ответ, что Орлов А. Г. скончался от паранефрита и гнойного плеврита. Место захоронения не сообщили. Через много лет я понял, что и причину смерти, и место захоронения жертв репрессий умышленно скрывали. Или просто фальсифицировали.

В 1994 году пришёл новый документ: «Орлов А. Г. расстрелян в городе Свердловске в 1937 году по постановлению тройки УНКВД Свердловской области от 20 октября 1937 года». Оказывается, это произошло в первый месяц после ареста! Правду об отце, о преступлении, содеянном властями, скрывали от семьи на протяжении целых 57 лет. В том же документе было сказано, что А. Г. Орлов реабилитирован Пермским областным судом 4 ноября 1955 года.

5 марта 1953 года. Умер Сталин

Страна замерла. Митинги, траурные флаги и портреты в черной рамке. Я спросил маму: мне тоже надеть траурную повязку? Она сказала, «одевай, репрессии ещё не закончились». Я носил повязку два дня.

1956 год. Москва. Февраль. Я на курсах усовершенствования хирургов в Центральном институте. Объявили: занятий не будет. Грядут большие перемены. Людей буквально загоняют в специально приготовленные радиофицированные аудитории, спортзалы. Будет какой-то важный доклад. Курсантам, врачам ЦИУ тоже объявили, что вместо занятий идем слушать сообщение правительства. Собралась масса народа, все стоят один к одному, тесно. Гремит многочасовая речь, развенчивают сталинскую политику, раскрывают тайны злодеяний...

Ну что тут скажешь?! Погибли миллионы людей. Народу нанесены такие раны, столько пережито страданий, горя, унижений, что они будут тлеть в нас до тех пор, пока мы сами не превратимся в прах. Весь вопрос в том, сделаны ли выводы, научила ли нас чему-то история? Иногда смотрю вокруг, размышляю над нынешними событиями, и тревожно становится – нет, мало чему мы научились, и мы, и новые власти.

Свою жизнь я посвятил служению хирургии, лечению больных людей. Проработал на этом поприще 45 лет (не считая годы учёбы в институте). Ни разу не изменил своей профессии, сознательно продолжал дело отца. Прошёл путь от рядового врача до звания доктора медицинских наук, профессора. Вылечил и спас, наверное, тысячи больных. В КПСС не вступил и, понятное дело, при продвижении по службе всегда чувствовал торможение со стороны партийных органов. Никто, правда,

об этом не говорил, никто не кричал, как раньше, что ты, мол, сын «врага народа». Действовали тихой сапой. Чтобы самоутвердиться, добиться равного с другими положения, мне всегда надо было знать больше, чем другие, уметь больше, служить профессии с предельной отдачей. Это пережили все мои ровесники, дети расстрелянных сталинистами отцов.

Главной наградой для себя считаю любовь и уважение со стороны больных. За многие годы – никаких жалоб или конфликтов с пациентами, только благодарности.

Прожита большая часть жизни. Все в ней было, тяжелые испытания, душевная боль за погибшего отца, за маму, ждавшую его всю свою нелегкую жизнь. Но были и профессиональные победы, было творчество, общение с замечательными людьми. Не буду скрывать, я чувствую внутреннюю удовлетворённость итогами своей работы в любимой профессии, которую выбрал в память моего отца.

Мама

Моя мама, Людмила Николаевна, заслуживает отдельного повествования, поскольку её роль в моей жизни, в моем становлении имела огромное значение. Вся тяжесть забот о семье выпала на её долю. Все жизненные и бытовые заботы она вынесла на своих плечах: зарабатывала, доставала, покупала, приносила, учила и воспитывала меня.

Еще до революции мама закончила пермскую гимназию Бартминской. Она была молода, красива, очень любила папу. В момент ареста мужа ей исполнилось 37 лет, и всю дальнейшую жизнь без остатка она посвятила только семье, больше не выходила замуж, не допускала никаких ухаживаний за собой, ждала возвращения отца всю жизнь.

Мама закончила медицинские курсы, стала квалифицированным специалистом – клиническим лаборантом в терапевтической клинике областной больницы, возглавляемой профессором П. А. Ясницким. Прирабатывала еще в поликлинике № 4 (гл. врач А. А. Платонова, у которой муж тоже был арестован и не вернулся). С её мнением считались врачи, консультировались доценты клиник, привлекали к участию в консилиумах. По совместительству устроилась в поликлинику МВД в надежде что-то узнать об отце (надо же, взяли на работу жену «врага

народа»!), работала в каких-то исправительных колониях для заключенных, ходила по домам, брала кровь, лечила больных как медсестра...

Перед началом Отечественной войны недалеко от Перми приступили к созданию бальнеологического курорта Усть-Качка. Построили первую деревянную ванницу. Появились первые больные, преимущественно дети с тяжелыми поражениями ног. Они жили в приспособленной для этого деревенской церкви и школе. В ванницу детей возили на телеге. С началом сезона в Усть-Качку выезжала медицинская бригада учёных и врачей из Перми (в том числе и мама) для исследования, лечения больных ребятишек, наблюдений и изучения первых результатов.

В другие годы мама ездила в составе врачебных бригад в Ключи, в село Фоки, в Гайны, чтобы оказать медицинскую помощь больным, пораженным тяжелым заболеванием – септической ангиной после употребления в пищу перезимовавших под снегом хлебных злаков.

Жизнь без отпусков, без отдыха. Она считала необходимым брать меня с собой в Усть-Качку и Фоки. Отправляла на каникулы к родственникам в Москву, заставляла посещать родных и знакомых в Перми, помогать им, в общем, старалась лепить из меня человека.

Мама постепенно теряла зрение, слепла. Наконец, наступила полная темнота. Несмотря ни на что осталась такой же, как и раньше, внутренне организованной, мужественной. Всё делала сама, научилась чтению слепых с помощью рук, слушала радио, была в курсе событий. Самостоятельно обслуживала себя, придерживалась строгого, раз и навсегда заведенного распорядка.

*Мама после ареста отца.
1938 год.*

МИО — РСФСР
МОЛОТОВСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ СУД

. 13 - 11 1986 г.

№ 44-22-11

г. Молотов, ул. Кирова, 50.
Телефон 88-27.

СПРАВКА

По Постановлению Президиума Молотовского областного суда от 4 ноября 1985 года постановление тройки при УНКВД Свердловской области от 20 октября 1937 года в отношении ОРЛОВА Александра Григорьевича 1897 года рождения отменено и дело в отношении его производством прекращено за отсутствием состава преступления в силу ст.4 п.5 УПК.

Президиум
Молотовского областного суда

судья *Сидорова* / Сидорова /

Справка о реабилитации отца. Выдана в 1956 году.

Однажды, уже в возрасте 80 лет, с ней случилось несчастье. Огонь с газовой горелки перекинулся на тряпку-прихватку, вспыхнула кофта, мама получила обширный ожог 2-3 степени обеих рук, плеч, груди и даже спины. Её спасли внучка и зять, они погасили губительный огонь. Потребовалось три месяца лечения. Всё это она перенесла мужественно.

Мама дожила до 93 лет. Хотя и была уже слабенькой старушкой, но умерла как бы случайно, внезапно, в 12 часов ночи 6 февраля 1994 года в день рождения моей жены, у нас на руках. Дай Бог ей царства небесного... И прости меня, Боже, за все прегрешения перед мамой.

Ступени

В 70-е годы мне позвонили из областного УВД, попросили оказать консультативную помощь одному больному заключенному. Неожиданный вызов вызвал бурю эмоций. Я могу оказать помощь в СИЗО, где в 30-40-е годы была тюрьма НКВД № 1. Именно сюда привезли когда-то моего отца.

Тяжелые каменные своды, массивные железные решетки, тамбуры в коридорах, глухие двери камер. Мне казалось, он видел все это когда-то, он шел по тем же коридорам. И так же, как сейчас за мной, так и за ним лязгали замки – впереди, а потом за спиной. Несколько вежливых сотрудников вели меня к

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

1-ЯА № 007026

Гр. *Орлов*
Александр Григорьевич (фамилия)

умер (ла) *31-1948* *Сентябрь* *нашему*
девяносто сорок (прописью и
цифрами год, месяц и число)
года

возраст *с 1897 года*

Причина смерти *Паранефризм и гнойный*
пневмонит
о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
19 *56* года *марта* месяца *2* числа

произведена соответствующая запись за № *136*

Место смерти: город, селение _____
район _____ область, край,
республика _____

Место регистрации: *г. Момоатов*
Ленинский (наименование и
местонахождение бюро ЗАГС)
район ЗАГС

Дата смерти *2* " *марта* 19 *56* г.

Заведующий бюро записей актов
гражданского состояния *Ломов*

Грозняк. 1950.

Свидетельство о смерти отца, выданное в 1956 году.
В нем все – ложь. И дата смерти отца, и причина смерти...

больному. Разве расскажешь им, что я испытываю, как тяжело на душе?

На второй этаж ведет широкая лестница из массивных каменных ступеней. На ступенях справа и слева – гладко отполированные углубления, следы тысяч ног заключенных. По этим ступеням ходил и отец...

В одиночной камере сидел уголовный преступник, больной, истощенный человек, не отвечавший на вопросы врача. Я установил диагноз, предложил коллегам из тюремного госпиталя план лечения. Возвращался с тяжелым сердцем, шагал по выбитым тюремным ступеням и думал об отце, о нашей жизни.

Через много лет мне удалось ознакомиться со следственным делом отца, хранящимся в краевом общественно-политическом архиве. Если быть точным, дело включает протоколы допросов не только А. Г. Орлова, но и еще 53 жителей Перми, арестованных по делу о повстанческой армии, которая, якобы, готовила восстание против существующего строя. На первый допрос отца вызвали уже на второй день после ареста. Второй и последний допрос состоялся 12 октября 1937 года.

О какой повстанческой армии идет речь? Нечего и говорить, что ее в природе не существовало. Хочу процитировать опубликованную в предыдущем томе Книги памяти статью историка, профессора О. Л. Лейбовича «Кулацкая операция на территории Прикамья в 1937-1938 гг.». Она проливает свет на судьбу моего отца и его товарищей по несчастью.

«Летом 1937 г. начальник Свердловского управления НКВД Д. М. Дмитриев «...дал директиву начальникам городских и районных отделений НКВД», согласно которой «...аппаратом УНКВД вскрыта в Свердловской области, руководимая правотроцкистами контрреволюционная повстанческая организация, которая... создана по принципу формирования воинских частей, делится на корпуса, роты, взводы со штабом контрреволюционных повстанческих организаций в гор. Свердловске». Организация располагает вооружением, которое до поры до времени хранится на складах Осоавиахима<...>».

По следственным документам можно проследить, как формировался уральский сценарий. Все началось с ареста в апреле 1937 г. начальника Камского речного пароходства Григория Ивановича Кандалинцева<...>.

Через месяц изнурительных допросов Кандалинцев согласился дать показания, точнее говоря, подписать протокол, продиктованный следователю... Д. М. Дмитриевым и Н. Я. Боярским. В протокол внесли признание подследственного о существовании областного повстанческого центра. Были перечислены

Вадим Александрович Орлов, 2009 год.

пять округов: в Перми, Надеждинске, Березниках, Краснокамске и Свердловске. Кроме того, в протоколе «...указывалось, что Кандалинцеву известно о существовании крупной контрреволюционной повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе. В протоколе также говорилось, что эта повстанческая организация разбита на взводы и роты».

После этого следователям, в соответствии со сценарием Дмитриева, необходимо было «набрать» состав взводов и рот, то есть арестовать сотни людей и выбить из них признания об их участии в создании повстанческой армии. Что и произошло. В отдельную группу были выделены упомянутые выше 53 пермяка, в списке которых А. Г. Орлов значился под номером 25. Вот выдержка из протокола допроса отца от 12 октября 1937 года:

Следователь: «Вы арестованы как участник белогвардейской повстанческой организации в г. Перми. Когда, при каких обстоятельствах вы были завербованы в эту организацию? В чем заключалась ваша роль?»

Орлов А.Г.: «Участником организации я не был, никто меня не вербовал и никакой роли на меня не возлагал».

Следователь пытался запугать арестованного, ссылаясь на неведомых ему «подельников», которые, якобы, уже признались, дали «изобличающие» показания на него. Отец стоял твердо: «Членом организации не состоял, никакой борьбы

против Советской власти не вел». Не дал себя запугать, никого не оговорил, остался до конца честным человеком.

Как врач я невольно обратил внимание на то, как от страницы к странице в протоколах менялась подпись отца. Сначала вполне четкий почерк, затем подпись меняется, становится все более неразборчивой. Последнюю подпись он поставил, едва держа ручку в руке. Это видно, что называется, невооруженным глазом. Представляю, что ему пришлось выстрадать...

По решению «тройки» из 53 арестованных по данному делу 47 были расстреляны, остальные получили по 10 лет лагерей. Как указано в материалах дела, их расстреляли 25 октября 1937 года.

А. С. Кимерлинг,
доцент кафедры культурологии
Пермского государственного технического университета,
кандидат исторических наук

СФАБРИКОВАННЫЕ НКВД СЕТИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОВСТАНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИКАЗА № 00447

Исполнители печально известного приказа № 00447 (секретный приказ наркома внутренних дел Н. Ежова от 30 июля 1937 года, давший старт массовым репрессиям 1937-1938 годов – **ред.**) использовали стандартный для массовой операции в Прикамье подход. Предпочтение отдавалось формированию амальгамы фальсифицированных и взаимосвязанных между собой дел, как с большим количеством подследственных, так и дел на одного человека¹. Но даже одиночное дело вплеталось в общую картину заговора. Дела по приказу № 00447 сразу тесно соединились с арестами немцев, поляков, прибалтов и др. НКВД фабриковало дела националистических и шпионских организаций параллельно с делами контрреволюционных повстанческих организаций, готовящих вооруженное восстание. И между ними, порой, тоже образовывались «связки».

Руководителями и главными действующими лицами наиболее крупных, сфабрикованных следователями НКВД контрреволюционных организаций становились, как правило, служащие. Все они, якобы, готовили вооруженное восстание. Нарастивая количество антисоветских элементов, следователи строили сеть из связанных друг с другом организаций, проходивших по разным следственным делам. Здесь были дела на 50-75 человек и одиночные дела, в которых связи подтверждались копиями протоколов допросов подследственных по совершенно другим делам. Среди них

¹ Начальник отдела боевой подготовки Осоавиахима Анисимов был завербован троцкистом Болтгалв Карлом Андреевичем, председателем Пермского городского Осоавиахима. Приговорен к ВМН // Дело по обвинению Анисимова А. А. ГОПАПО. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 13082.

имеются дела организаций, практически полностью состоящих из служащих.

1) Пожалуй, самой разветвленной была придуманная НКВД контрреволюционная повстанческая белогвардейская организация, которую в Перми возглавлял статистик промысловой артели «Звезда» В. И. Ушаков¹. Связи этой организации распространялись на Уральский областной повстанческий штаб в г. Свердловске, харбинский филиал РОВСа², Уральскую организацию троцкистов и правых (Кабаков, Головин, Пшеницын и др.), на секретаря Кудымкарского райкома ВКП(б) Ветошева и секретаря Кагановического райкома ВКП(б) Балгалва. В Пермском повстанческом округе было 6 боевых отделений³, разделенных на 12 или 13 взводов, базировавшихся на оборонных заводах, на крупных строительствах и просто в поселках⁴ (причем, в этом деле есть очевидная нестыковка – в «Обвинительном заключении» взводов осталось 11, но появился один батальон с общим количеством 235 человек, большинство из которых были осуждены ранее⁵). Кроме белых офицеров по делу проходили бывшие кулаки и священнослужители, при этом 46 из них были служащими.

К делу белоофицеров подходили очень тщательно. От первого ареста 3 августа (в этот день, еще до начала операции, был арестован счетовод промартели «Кама» А.Я. Азбукин) до «Обвинительного заключения» 14 октября 1937 г. прошло два с половиной месяца. Было составлено 3 тома документов, что составляет около 500 листов, большинство с оборотами, одних протоколов допросов было примерно 800 страниц. По делу проходили 53 человека, из которых 49 – служащие. На первом

¹ Следственное дело Ушакова В. И., Азбукина А. Я., Анисимова М. В. и др. в числе 53 чел. ГОПАПО. Ф. 641/1. оп. 1. д.17092. в 4 томах.

² РОВС – Русский Общевоинский Союз, воинская организация, созданная 1 сентября 1924 г. Врангелем.

³ Протокол допроса Кривошекова Я. А. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11242. Л. 32. (Сам председатель совета окружного ОСОАВИАХИМа Кривошеков был приговорен Тройкой к расстрелу 7.9.37. как руководитель контрреволюционной повстанческой организации, разработавший план вооруженного восстания).

⁴ Протокол допроса Азбукина А. Я. от 1.10.37 // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 17092. Т. 1. Л. 16-18. (Азбукин был счетоводом Пермской промысловой артели «Кама», бывшим офицером армии Колчака в чине подпоручика. Арестован еще до начала массовой операции по приказу № 00447 – 3.08.37. приговорен к ВМН 14.10.37).

⁵ Обвинительное заключение по делу Ушакова, Азбукина и др., всего 53 человека // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 17092.Т. 3. Л. 182-183.

коротком допросе всем задавали 4 примерно одинаковых вопроса: «назовите ваших знакомых по г. Перми и другим городам СССР»; «назовите ваших знакомых по службе в царской армии (белых офицеров)»; «кто из ваших знакомых и родственников проживает за границей»; «кто из ваших родственников был репрессирован?»

Потом подследственных путем угроз и насилия заставляли написать собственноручное заявление о желании признать свою вину. Уже на втором допросе главные фигуранты дали признательные показания, которые были напечатаны следователями заранее. С остальными время тратить не стали. Из 53 человек виновными себя не признали 35.

Никакой связи между признанием вины и возможностью сохранить свою жизнь не было. Из 47 приговоренных к расстрелу не признали себя виновными 32 человека, а из 6, приговоренных к 10 годам лишения свободы, таких было трое. Скорее всего, определяющее значение для избрания меры пресечения имела пометка о первой или второй категории, приписанной данному лицу (в соответствии с приказом № 00447, все репресслируемые разбивались на две категории. К первой относились наиболее «враждебные» элементы, подлежащие расстрелу. Ко второй категории – все остальные «менее активные, но все же враждебные элементы». Они подлежали заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет). Однако, обнаружить списки подследственных с информацией о «присвоенной» им категории не представляется возможным.

2) Одновременно шла ликвидация другой белоофицерской повстанческой организации, участниками которой были диспетчер завода № 172 Мокшин М. И., заведующий Домом отдыха Пермского Горздравотдела Тараканов М. М. и еще 36 человек, из них 22 были служащими. Их руководителями были названы все те же Ушаков и Азбукин (в деле использованы их показания).

Первым 5 августа 1937 г. был арестован Михаил Тараканов, и аресты продолжались до конца октября. 5 декабря состоялось заседание тройки, 21 человек получили ВМН¹.

3) Дело польской националистической организации, руководимой ксендзом Будрисом, имеет 5 томов. В деле нет самого

¹ Дело по обвинению Мокшина М. И., Тараканова М. М., Авдеева К. Н., Холднякова М. А. и др. в числе 38 человек. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10366.

Будриса, но есть содержательница его квартиры Я. К. Чеховская, ревизор завода 172 им. Молотова Ц. В. Новицкий¹, лаборантка Стоматологического института г. Перми М. В. Беганская, кассир клинической больницы И. П. Столович, машинистка оборонного завода № 98 К. Г. Сачковская, управделами мединститута О. А. Вильчинская, начальник отдела финансирования Пермского коммунального банка И. И. Аухимик. Всего 41 человек – 14 служащих, 8 студентов педрабфака, 12 рабочих, 4 пенсионера, 3 без определенных занятий². Двое были членами ВКП(б). Им приписывали подготовку вооруженного восстания в союзе с повстанческой организацией белых офицеров, связали их через Азбукина. Арестованы они в течение августа, осуждены тройкой 1 октября 1937 г. 36 человек получили ВМН, один из студентов умер в тюрьме.

4) Группой следователей во главе с Боярским в Коми-Пермяцком округе были подготовлены материалы на, пожалуй, самую сложную и разветвленную «вражескую» сеть. Здесь не было крупных многотомных дел. Нами изучены 10 одиночных дел на служащих. Все они изобличались показаниями одних и тех же людей: Благонравов А. И. (первый секретарь Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) до ареста в июне 1937 г., названы в его отпечатанных на машинке показаниях от 22.07.37 более 40 человек), Ветошев Я. А. (секретарь Кудымкарского райкома ВКП(б), Зубов А. Н.³ (преподаватель педучилища, коми-пермяцкий писатель, приговорен тройкой к ВМН), Зубов С. И. (зав. Педагогическим техникумом, помощник технического секретаря Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б), приговорен тройкой к 10 годам лишения свободы), Кривошеков Я. А. (председатель Окружного Совета ОСОАВИАХИМа г. Кудымкар, приговорен Тройкой к ВМН). Всех обвиняли в причастности к контрреволюционной националистической повстанческой организации, существующей в Коми-Пермяцком округе.

¹ Показания Новицкого от 9.10.37 имеются в «Деле Ушакова, Азбукина и др.». В деле самого Новицкого этих показаний нет. // ГОПАПО. Ф. 641/1. оп. 1. д. 17092. т. 1. л. 130-137.

² См.: Дело по обвинению Чеховской Я. К., Столович И. П., Завадского И. М., Новицкого Ц. В. и др., всего 41 чел. ГОПАПО. Ф. 641/1. оп. 1. Д. 11903. Дело в 5 томах.

³ Первый допрос 28 августа 1937 г. напечатан на 34 страницах. В нем список руководителей националистической организации на 28 человек // Дело по обвинению Зубова А. Н. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7029.

5) Дело контрреволюционной повстанческой организации, возглавляемой преподавателем математики в школе фабрики Гознак И. А. Томским (17 декабря его арестовали, а 30 декабря вынесено постановление тройки, большинство других арестовали 23.12.37). Организация была, якобы, создана в г. Краснокамске по указанию бывшего председателя Свердловского облисполкома Головина, связанного с делом Кабакова. Им приписывают подготовку вооруженного восстания. По делу проходили 75 человек, среди них одна женщина – дочь торговца, жена белого офицера, регистратор 3-й поликлиники. Опять наблюдается деление организации на части по месту работы: на Камском бумкомбинате – 4 ячейки, Гознаке – 2 ячейки, заводе № 98 – 1 ячейка. Все приговорены к расстрелу. По этому делу видно, что следственные мероприятия уже поставлены на поток, между арестом главного фигуранта и приговором прошло всего 13 дней, для остальных подследственных хватило 7 дней.

6) Не менее активно плели сети в Кизеловском НКВД. Там выдумка со списком членов повстанческой диверсионной организации, подделанном под список стахановцев, была поддержана. Список, якобы, написан рукой главного инженера Кизелшахтстроя Г. Э. Гасмана. По делу проходили 52 человека, но служащих среди них всего трое, все бухгалтера.

По этому делу можно проследить, как по-разному работали следователи. Двух главных фигурантов – Соколова и Веселова – допрашивал опытный сержант Годенко, он печатал протоколы, добивался признаний. А третье лицо в деле, бухгалтера Иванова К. Н., допрашивал помощник оперуполномоченного Няшин.

Через много лет, 21 мая 1956 г. Няшин В. Н. давал показания о своей работе в НКВД в период массовой операции: «Обычно перед допросом арестованных руководителем следственной группы (это и был Годенко – А. К.) мне лично давался протокол допроса руководящего участника той или иной контрреволюционной организации, в котором как участники этой организации были вписаны те арестованные, которых я должен был допрашивать. При этом давались указания добиваться признательных показаний»¹. Но с Ивановым следователя постигла

¹ Протокол допроса В. Н. Няшина от 21.05.56. // Дело по обвинению Богданова М.Ф., Соколова Г. А., Веселова М. А. Иванова К. Н. и др. в количестве 52 человек. 17.12.37 – 26.12.37. в 3 т. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1 д. 11908

неудача, тот не признал свою вину. Впрочем, это не помешало следствию, ведь Иванова «изобличили» другие 12 человек. 30 декабря всех приговорили к расстрелу.

Важную роль для доказательства существования повстанческих групп, готовящих вооруженное восстание, играли служащие ОСОАВИАХИМа, работники райвоенкомата, военруки техникумов, начальники отделов взрывных работ на шахтах. Ведь для правдоподобности у повстанцев должны были находить оружие, а военный подход к организации диверсионных групп могли обеспечить только действующие или бывшие военные. Эйдеман – председатель Центрального Совета ОСОАВИАХИМа, в качестве главного (шел не по Тройке), Яковкин М.А. – начальник боевой подготовки Дорожно-транспортного Совета Осоавиахима железной дороги им. Кагановича (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11260), Косых И. П. – зав. складом тары Рабторгпита ст. Пермь-2 и работник ОСОАВИАХИМа (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15399), Васильев М. А. – начальник автотранспортного военно-учебного пункта Пермского городского ОСОАВИАХИМа, Анисимов А. А. – начальник отдела боевой подготовки Осовиахима Пермского горсовета (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13082). Все «связаны» с Кабаковым и Пшенициным, но проходили и по разным повстанческим делам. Всех приговорили к расстрелу.

Часть II.

ВЛАСТЬ СКРЫВАЛА ПРАВДУ О СВОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Воспоминания Леры Георгиевны Самойловой

Когда в 1938 расстреляли моего отца Самойлова Георгия Григорьевича, мне было всего восемь лет. А когда в 1943 умерла моя мама Александра Ивановна – тринадцать. Память сохранила детские переживания серией отдельных картинок, образов.

Моя мама, а особенно тётя Любовь Ивановна и бабушка Клавдия Никоноровна, у которых я жила после смерти мамы, как и все в то время не без основания жили в страхе и боялись всяких «лишних» разговоров. И меня предупреждали: «Помалкивай!» Даже анекдот мог перевернуть жизнь человека и его семьи (как это было с моим дедом). Тем более боялись хранить документы и письма. Уже после смерти матери я случайно обнаружила в старом сундучке на кухне свёртки с бумагами, где папиным красивым убористым почерком были записаны разные показания то ли с первого суда, а скорее всего с партсобрания,

1924 год. Члены правления профсоюза «Молот».
Отец – крайний справа.

*Исполбюро учащихся Инпедтехникума. Москва, 15 мая 1927 г.
Георгий – нижний ряд, второй слева.*

где его исключали из партии. Через какое-то время я захотела к ним возвратиться, но обнаружила, что они исчезли. Возможно, когда бабушка застала меня плачущей за их чтением, она испугалась и сожгла их. Но ряд важных документов, к счастью, сохранился.

Мой отец Георгий Григорьевич Самойлов родился в 1902 в деревне Ширяево Волоколамского района Московской области в многодетной крестьянской семье. С 15 лет начал работать. Потом переехал в Москву. С 1922 по 1924 работал наборщиком в типографии «Красный Пролетарий». С 1925 по 1927 служил в Красной Армии – в Московской Пролетарской Стрелковой Дивизии. После службы возвратился в типографию, где проработал до 1930 года.

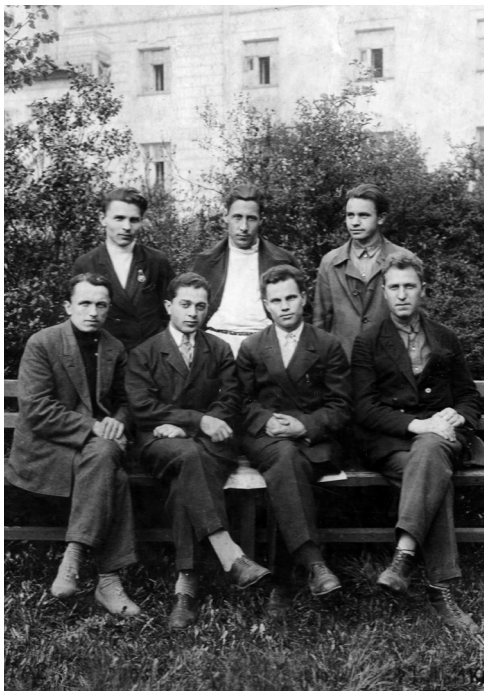
В 1928 он женился на Размаховой Александре Ивановне. Моя мама родилась в 1902 в селе Молвитино (Сусанино) Костромской губернии в семье зажиточных работающих крестьян. Закончила церковно-приходскую школу. Семья мамы до революции помимо сельского хозяйства занималась промыслом. Её отец Размахов Иван Флегонтович зимой шил шапки в Москве в районе Зарядье.

В сентябре 1929 появилась на свет я. Отец, будучи уже семейным человеком, поступил в Московский нефтяной институт им. академика Губкина, где учился в 1930-35 годах. Одновременно он работал во Всесоюзной контроле Геофизических разведок.

В феврале 1935 этот трест и Московский Нефтяной институт командировали отца в город Пермь в трест «Камнефть» «для сбора геологического и геофизического материала». В то время, видимо, началось освоение нефтяных месторождений в наших краях. Судьба распорядилась так, что и я с мужем оказалась в 1951 году в Перми, где и живём по сей день.

Жизненные обстоятельства в нашей семье складывались таким образом, что отец в мае 1935 года заключил с «Дальстроем» НКВД трудовой договор и был направлен в район Верхней Колымы для работы в качестве геолога-прораба.

В начале 1936 года мы с мамой поехали к нему. Сначала поездом Москва-Владивосток, а потом на корабле Владивосток – порт Нагаево (Магадан). Плыли несколько дней в жуткий шторм до 10 баллов – воду заплёскивало на вторую палубу. Я всё время лежала и ничего не могла есть. Мама чувствовала себя немногим лучше, но её главной заботой всегда оставалась я, и каким-то невероятным образом она сумела договориться, чтобы из жуткого переполненного трюма нас вдвоём перевели в медпункт – маленькую комнатку, где по полкам

Состав ЦБ пролетстуда ЦК Союза Нефтяников. Москва, 28 мая 1933. Георгий – нижний ряд, крайний слева.

Я совсем маленькая.

ходили ходуном и дребезжали стеклянные пузырьки. Я не могла встать от слабости. Когда мы, наконец, прибыли в бухту Нагаево, папа нас не встречал – уже две недели мела пурга, и дорога от приисков оказалась непроезжей. Пока мама выясняла, в чём дело, помню, как стою с бидончиком от яиц в руке, позади качается на волнах пароход, впереди – высокий-высокий берег с домом наверху, опускаются сумерки, а из репродуктора потрескивает мелодия: «Скажите, девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю, о ней мечтаю...»

Пережидая непогоду, одну или несколько ночей мы провели в каких-то комнатах с другими женщинами, пока не приехал отец. Жили мы на приисках – в Штурмовом и им. Водопьянова. Мама работала счетоводом.

Из самых ярких впечатлений – местные жители в диковинных расшитых одеждах, олени, и как мы катались в собачьих упряжках. На одном прииске было немало детей, был даже детский сад, а на другом я была единственным ребёнком. И, конечно, все меня баловали гостинцами, к ужасу мамы таскали мне бурдучков, которые уморительно катали даже по подоконнику. А один раз подарили очень сердитую белку-летягу.

Но запомнилось и другое: барак с заключёнными, куда как-то раз взяла меня с собой мама – видимо, у неё там были дела по работе. Вместо входной двери – полог из какого-то материала, нары, печка-буржуйка. Помню плац, на котором обучали овчарок: они бросались на людей, одетых в длинные толстые телогрейки. Было страшно.

Перебирая крупинки детских воспоминаний про Колыму, натякаюсь на смутные картины. Вот странный человек в шубе копается в промёрзшей помойке, а называют его все почему-

то прокурором. А вот колоритный бородач. Говорили, он – старовер, не признающий советскую власть, и что отказывается принимать лекарства и долго не протянет. Помню, как мама наказывает: «Будут что-нибудь давать – бери, не отказывайся, но ни в коем случае не ешь!» И кто-то вручает мне кусочек сахара.

И наступил проклятый 1937 год. В феврале 1937-го – первый арест отца, в апреле – суд.

Приговорили по статье 58-10, часть II, к 5 годам лишения свободы за «антисоветскую пропаганду и агитацию». С этого момента начинаются мамины хождения по мукам. Она неоднократно ездит хлопотать за мужа с приисков в Магадан, а это 500 км на грузовом фургоне в дикие морозы. После подачи кассации папу временно освобождают.

Помню, как однажды отец пришёл домой, как потом мне рассказали, после взятия отпечатков пальцев. «Дочка, где-то в тумбочке спирт. Дай, пожалуйста». Выпил и заплакал.

В декабре 1937-го – второй арест. Судила его тройка НКВД по «Дальстрою» и приговорила «за участие в антисоветской вредительской организации» к расстрелу. 8 марта 1938 года приговор приведён в исполнение. Так трагически на 36-м году закончилась жизнь моего отца. Но мы об этом ничего не знали.

Ничего не было известно до самой реабилитации в 1958 году, когда я получила справку по первой и второй судимости. Приговоры и суда, и тройки отменены за отсутствием состава преступления. Но в этих справках ничего не сказано о самих приговорах. Более того, в свидетельстве о смерти, которое мы получили в том же 1958 году, написано, что отец умер 8 августа

А это я в 1936 году в гостях у отца на Колыме.

1940 года (откуда эта дата на 2 года позже реальной?!), а причиной смерти вместо пули названо «кровоизлияние в мозг».

В 2007 году «Мемориал» выпустил диск с данными о 2,6 миллионах репрессированных. Благодаря этому диску я узнала, что отец был расстрелян, и когда это произошло на самом деле. На мой запрос, какой же был приговор, Магаданский областной суд (который 50 лет назад сообщил об оправдании отца) ничего не ответил. Зато прокуратура Магаданской области свой долг выполнила, прислав обстоятельный ответ (за подписью Н. В. Харченко) и справку о реабилитации, где сказано о расстреле отца.

Власти скрывали правду, чтобы скрыть свои преступления. «Правда лечит, ложь калечит» (любимая поговорка моего супруга). Видимо, лечиться власть не любит. Только через 21 год я получила от государства первое официальное подтверждение о невиновности отца и о его смерти. И только через 70 лет я доподлинно узнала, что он был расстрелян. 8 марта стало для меня и моей семьи днём памяти и скорби.

Моим внукам непонятно, как такое могло происходить. Им хочется знать, почему, по чьей вине. Мы не имеем доступа к архивам, да и неизвестно, дадут ли они объяснения этим абсурдным зверствам. Нам остаётся только строить догадки, основываясь на моих разрозненных воспоминаниях и нескольких сохранившихся документах.

Насколько я помню, мама была убеждена, что причиной всему стал следующий эпизод. Когда мы втроём жили на приисках, один знакомый с папиной работы приезжал как-то из Магадана в Москву. Папа дал ему наш адрес в Зарядье, куда тот заглянул навестить нашу бабушку. И бабушка за чаепитием рассказала ему много такого, о чём говорить тогда было опасно: что родители мои венчались, что меня крестили, что отец когда-то ходил на Красную площадь слушать Троцкого (послушать которого, кстати, по воспоминаниям той же бабушки ходила одно время вся Москва).

Могло быть и по-другому. Мой папа был человеком очень открытым, добрым, впечатлительным и, судя по всему, одарённым. Он чутко реагировал на всё, что происходило вокруг, и вполне мог где-нибудь неосторожно высказаться по поводу, например, издевательств над заключёнными. Этого было бы вполне достаточно, чтобы загреметь на 5 лет. А историческая

ситуация складывалась так: его судили впервые в феврале, когда приказа Ежова с разнарядками на расстрелы ещё не было. Предположим, какие-то приличные люди пошли на встречу после подачи кассации и отпустили его после первого нелепого ареста. А тут сверху приходят разнарядки «столько-то расстрелять». «Дальстрою» надо выполнять план. А парень ко всему прочему интеллигентного вида, из Москвы – лучшей кандидатуры не найти. Впрочем, всё это лишь домыслы.

За полгода между последним арестом отца и нашим отъездом мама тщетно пыталась узнать хоть что-нибудь, мотаясь эти 500 км в Магадан и обратно. Какие-то сочувствующие советовали нам: «Уезжайте, пока не поздно!» Начинили сажать жён врагов народа. И мама, видимо, решила поскорее возвращаться в Москву. Не она одна. В мае 1938-го, в полном неведении о судьбе отца, мы отплывали во Владивосток. На огромном корабле с нами ехало много женщин с детьми. Помню, как кто-то воскликнул «Киты!», и я вместе со всеми побежала смотреть, как они выпускают фонтаны воды. Дети есть дети. Мы носились по палубе, играли в трюме и, не понимая ужасов происходившего, пугали друг друга страшилками понарошку: «В чёрном-чёрном городе...».

Не могу забыть, как, приехав в Москву, мы шли к своему дому в Зарядье по Старой площади. Мама с трудом тащила тяжёлые чемоданы. Люди в штатском не разрешили ей поставить их и передохнуть: рядом – ЦК ВКП(б)!

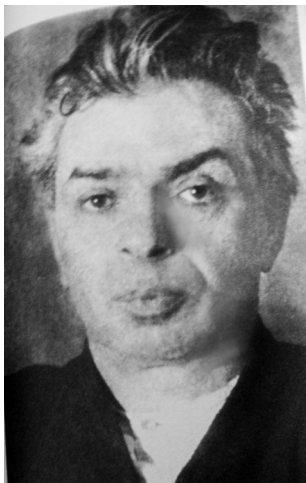
С восьми лет я хорошо знала, что нужно молчать. Мама очень ясно дала мне это понять: «Об отце ни слова!» И больше двух десятилетий я никогда не рассказывала историю моей семьи никому, кроме мужа. Этот страх, приобретённый в детском возрасте, остался со мной на всю жизнь. И даже спустя 70 лет, вспоминая, например, как мама неожиданно грубо огрызнулась на едкое замечание какой-то женщины про папу, я ощущаю, как краснеют щёки, и меня пробирает холодный пот.

После всего пережитого на Колыме, после потери мужа мама окончательно подорвала здоровье в голодной и холодной военной Москве, когда последнее отдавала мне. Она слегла в больницу в феврале 1943 года с диагнозом «общее истощение». 17 марта 1943-го мама умерла. Похоронили её на Даниловском кладбище. Где похоронен папа, неизвестно.

ОПРАВДАТЬ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НА ЗЕМЛЕ

Воспоминания об известном ученом,
профессоре Германе Павловиче Розенгольце

Вместо предисловия

*Профессор Герман
Павлович Розенголец.*

Когда арестовали профессора Розенгольца, в Перми мало кто этому удивился, почти все уже ждали чего-то подобного. Уж слишком фамилия была известная у директора Пермского бактериологического института! Кроме того, Герман Павлович обвинялся не только как «вредитель», т. е. как участник «антисоветской вредительской организации, существовавшей среди микробиологов Союза ССР», но и как «брат врага народа – бывшего наркомвнешторга».

Дело в том, что Аркадий Розенголец, сводный брат Германа Павловича, «прогремел» на всю страну: старый партиец, член РСДРП с 1905 г., участник революций, в 1930-1937 годах нарком внешней торговли

СССР, – он был объявлен опаснейшим заговорщиком, проходил по «правотроцкистскому контрреволюционному блоку» и был расстрелян в одно время с Бухариным, Рыковым и Раковским.

Два в одном – этого уж хватит с избытком, по разумению чекистов.

На следствии Герман Розенголец сообщил о себе такие данные:

«Родился в 1895 г. в г. Ростов-на-Дону, по национальности еврей, беспартийный, имею высшее образование, в 1923 году окончил Московский мединститут, по окончании поступил в микробиологический институт. В 1926 году закончил аспирантуру, работал в 1-м Московском мединституте. Осенью 1929 г. я получил научную командировку в Германию... С 1931 года директор Пермского бактериологического института...»

Скупые анкетные данные, протоколы допросов, признания, за достоверность которых никто бы не поручился... Источниковая база у этой трагической истории очень невелика, многие документы уничтожены. Свидетели, из тех, кто мог что-то рассказать, молчали многие десятилетия. Но кое-что, по крупицам, все же удалось собрать. В Государственном архиве новейшей истории Пермского края (ГАНИ) сохранилось несколько документов из дела Г. П. Розенгольца. Автору этих строк в свое время (в годы перестройки) удалось побеседовать с бывшим работником НКВД и с ветеранами Пермского бакинститута, помнившими Розенгольца и «дело вредителей», напугавшее многих на всю оставшуюся жизнь.

Наконец, в воспоминаниях дочери ученого Татьяны Германовны, переданных председателю Пермского отделения общества «Мемориал» А. М. Калиху (написаны в 1988 г.), мы смогли найти хоть и немногие, но важные факты, позволяющие прояснить, прописать и дополнить основные этапы биографии ее отца. И прежде всего пермский период, когда фактически Г. П. Розенголец реализовался в полной мере как ученый, и где так трагически оборвалась его научная карьера.

В тени брата: смертельная близость

Так уж получилось, что судьба Германа Павловича Розенгольца оказалась в тени его сводного брата. И это была, как выяснилось, смертельная близость, как у многих сотен «чесеир» – членов семьи изменников родины. Между тем жизнь незаурядного ученого-микробиолога заслуживает уважения потомков, а его наследие – внимательного изучения.

Отношения между сводными братьями нельзя назвать близкими и в спокойные времена. Уж слишком разные у них были целевые установки. Аркадий Розенголец (1889-1938 гг.)* – профессиональный революционер, отдавший всю жизнь химерической идее изменения общества. Герман Павлович, напротив, был вне политики, он относился к типу кабинетного ученого, а точнее – лабораторного. И эта неблизость двух родственников сквозит, проступает наружу во время

* Примечание. Аркадий был старше Германа, хотя в воспоминаниях дочери последнего, Татьяны Германовны, год рождения ее отца указан не 1895-й, а 1884-й, 4 апреля.

следствия. В ноябре 1940 года один из членов суда допытывается у Германа Павловича:

«...Вы заявляли, что с братом редко виделись.

Подсудимый: Да, я с братом, когда он был наркомом внешней торговли, виделся несколько раз. Два раза я был в Наркомате и один раз у него в квартире. Надо сказать, что когда я в 1923-1927 гг. находился в тяжелых материальных условиях, я от брата никакой материальной помощи не получал. Это, между прочим, у меня вызвало к нему озлобление (!?). У меня с ним были отношения очень официальные».

Председательствующий оглашает показания пермского профессора Шаца, который указывает, что Розенгольц, находясь в приятельских отношениях с наркомздравом Каминским, добился через брата, работавшего в Наркомвнешторге, 50 000 золотых рублей для приобретения импортного оборудования. На что обвиняемый ответил:

«Во-первых, Шац неправильно указывает сумму. Я добился получения 10 000 рублей золотом для приобретения аппаратуры не через брата, а через наркомздрова Каминского».

Спустя 20 лет, уже будучи на свободе и реабилитированным, Герман Павлович будет отзываться о своих отношениях с братом заметно в иной интонации. В своем обращении к руководителям партии в феврале 1957 года он напишет:

«...Я – единственный оставшийся в живых брат покойного Аркадия Павловича Розенгольца. Мне неизвестно, насколько велики сделанные им партийные ошибки. Но я знал брата в течение многих лет, как человека с определенным, вполне сложившимся мировоззрением, с того времени, в особенности, когда он находился в большевистском подполье, сидел в царских тюрьмах, не щадил себя на фронтах в годы Гражданской войны и после них.

Мои отношения с А. П. Розенгольцем не выходили за пределы обычных отношений члена одной семьи...»

Заметим: до реабилитации Аркадия Розенгольца еще далеко, это произойдет только в годы перестройки.

Пик творчества – в Перми

В феврале 1957 года, обращаясь с прошением в органы высшей власти (один из вариантов письма адресован Н. С. Хрущеву), Герман Розенгольц напишет:

«...По возвращении из командировки (в Германию – ред.) в начале 1931 г. избран профессором кафедры микробиологии Пермского мединститута, а в 1936 г. – профессором кафедр Пермского стоматологического и Фармацевтического Институты. Утвержден в звании профессора в 1936 г. (Копия аттестата за № 002313). Тогда же присуждена ученая степень кандидата медицинских наук (диплом за № 001158).

В 1938 г. предстояла защита докторской диссертации, однако по независящим от меня причинам она не состоялась. Отзыв о докторской работе акад. проф. Павловского Е. Н. прилагаю.

С 1931 по 1937 гг. в течение 5 лет состоял директором и научным руководителем, а в последние два года только научным руководителем Пермского Института Микробиологии и Эпидемиологии и одновременно профессором указанных выше кафедр. По 1937 год мною выполнено свыше 20 научных работ...» Февраль 1957 г.

Из воспоминаний дочери Татьяны Германовны:

«...Розенгольц Г. П. – талантливый ученый, врач, организатор советского здравоохранения. Самая активная часть его творческого пути выпала на 1931-1936 гг. Кто знает, возможно, много полезного сделал бы этот человек для своего народа, если бы судьба не столь жестоко обошлась с ним.

...До 1931 г. институт микробиологии и эпидемиологии (Г. П. был назначен его директором) отличался большей консервативностью в работе, а с 1931 г. круг обязанностей института расширился за счет развертывания новых отделов, а именно: вакцинный, оспенный, сывороточный с малярийной станцией, бактериологический, отдел токсикоинфекций, серологический, Пастеровский, отдел питательных сред. На базе института была организована кафедра микробиологии Пермского мединститута, возглавлял кафедру профессор Г. П. Розенгольц.

Герман Павлович вместе с коллективом института встали на путь борьбы с такими страшными инфекциями, как: оспа, малярия, бруцеллез, брюшной тиф, бешенство. Если нужно – он мог работать круглосуточно. С большим увлечением занимался практической и теоретической

микробиологией. Вспоминает его сотрудница старший лаборант И. Н. Винокурова: «Если у нас шел опыт и удачно, то Герман Павлович мог нас найти везде: поднять среди ночи, вызвать из бани, кино, театра».

Пермский институт возглавил организационно-методическую работу по оспопрививанию... В 1932 г. по предложению Розенгольца Г. П. институт приступил к изучению серологии сифилиса... С 1931 г. в Перми приступают к массовым предохранительным прививкам против брюшного тифа, т. к. Пермь была всегда эпидемична в отношении этой страшной болезни. Уже за три года ясно прослеживается тенденция, как вслед за увеличением количества прививок резко снизилась заболеваемость.

В 1933-34 гг. по инициативе института в Перми впервые проводится одновременная иммунизация детей против брюшного тифа и дифтерии. Такой способ занимает меньше времени, а эффект прививок тот же (в настоящее время медики работают в основном комбинированными вакцинами).

В 1934 г. институт издает справочник по вопросам вакцинации для эпидемиологов и санврачей под редакцией профессора Г. П. Розенгольца. Научная жизнь отражалась в журнале «Труды Пермского института микробиологии и эпидемиологии», редактором его был с 1931 г. Г. П. Розенгольц. После событий 1937 г. в библиотеке института не сохранилось ни одного журнала тех лет – все было уничтожено... Герман Павлович написал 23 научных работы, которые печатались в научных изданиях. Все работы базировались на экспериментальном материале. Труд «Дальнейшие исследования о роли клопов в эпидемиологии возвратного тифа» премирована Гос. ученым советом.

В 1937 г. репрессирован...»

Пермский бактериологический институт («бакинститут») был создан на южной окраине Перми 15 мая 1898 года, сначала – как губернская бактериологическая лаборатория. Начали с выпуска Пастеровской вакцины, с первых прививок против бешенства. Под руководством доктора В. М. Здровосмылова в 1900 году впервые на Урале изготовлена противодифтерийная сыворотка. В 1913 году, уже в статусе института, пермский коллектив удостоен почетного отзыва

Международной гигиенической выставки в Дрездене – «За научные достижения».

В советские годы небольшой коллектив Пермского института, преодолев период разрухи, сумел занять свою нишу в научно-исследовательском поиске, в практической помощи городу. Институту даже было присвоено имя первого директора, известного ученого Владимира Михайловича Здравосмылова. Однако все изменилось после того, как профессор не вернулся из зарубежной научной командировки, стал невозвращенцем.

Институтский коллектив немедленно попал в зону обстрела, начались бесконечные проработки, чистки, проверки различных комиссий. 3 августа 1931 года Большой президиум Пермского горсовета рассмотрел вопрос «О снятии имени Здравосмылова с бактериологического института». Докладывал т. Моделевич. Профессор сделал акцент на том, что Здравосмылов «является контрреволюционером и вредителем»...

Вот в такой обстановке начинал работу в должности директора института Герман Розенгольц. Ему удалось отмобилизовать коллектив, нацелить своих коллег и помощников на выполнение важных задач.

Розенгольца хорошо помнила ветеран института, проработавшая в нем почти полвека (последние годы – зам. директора по производству) Лариса Николаевна Шишкина, заслуженный врач России. В беседе с автором этих строк она вспоминала:

– О Германе Павловиче мы вспоминали редко, потому что все знали, помнили, что он «брат Розенгольца». Какого Розенгольца? – да того самого, которого расстреляли вместе с Рыковым и Бухариным, враг народа. Вот такие разговоры были. Мы знали, что он часто ездил в Германию (на самом деле был там один раз, в длительной командировке – В. Г.). Женился там, жена у него была очень симпатичная женщина. Ну, и его тоже «катанули», конечно, как же, – кругом подозрительные связи! По тем временам и одного факта хватало бы. Мы хорошо работали, дружно, помогали людям. Никакого вредительства не было, но что-то там «накопали» проверяльщики. Дожили мы до 37-го года. Приходим на работу – и узнаем: профессор арестован! А жена одна с тремя детьми осталась. Ой, пытка, а не жизнь началась, ой, горе!.. Так и исчез из Перми «брат Розенгольца».

Его потом реабилитировали, мы слышали, жил он в Москве, но очень недолго...

С Германом Розенгольцем повстречается в тюремной камере пересыльной тюрьмы в Разгуляе мотовилихинский житель Василий Викторович Мальцев. Этот человек служил одно время в ОГПУ, потом «загрел» по бытовой статье (за неуплату алиментов и пр.). Как он объяснял в беседе с автором этих строк, в его случае перепутали статью, 158-ю приняли по невнимательности (что неудивительно: арестанты поступали сплошным потоком) за 58-ю. Палочку не заметили! Так Мальцев оказался вместе с политическими, среди которых он увидел врача Розенгольца, как ему сказали знающие соседи. Держали арестантов в нечеловеческих условиях.

«...В тюрьме № 1(ныне СИЗО) в камеры вместо 30 человек набивали по 100, – рассказывал Мальцев. – Аж пар из окошек идет. Зима, а стекло в окнах нет. Спали – кому как повезет: кто стоя, кто свалившись на соседа. Кормили раз в день какой-то баландой».

Вскоре с Мальцевым разобрались, и поскольку был своим человеком, он стал служить в НКВД, охранником на стройке в Ераничах. А «социально чуждый» з/к Розенголец отправился дальше мотать свой бесконечный срок.

«Виновным себя не признаю»

Дело Розенгольца рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании в Москве. Обвиняемый нашел в себе мужество отказаться от показаний, данных им на предварительном следствии, объяснив свой отказ:

«Меня вынудили подписать заготовленный заранее протокол. Надо мной издевались 7 суток... Я виновным себя не признаю. Я никакого отношения не имею ни к каким к-р организациям. Я поражен всей конструкцией обвинительного заключения и всего хода предварительного следствия».

И надо сказать, его упорство хоть частично, но было вознаграждено. Как выясняется из следственного дела, одна из статей, 58-9, с него была снята как недоказанная. Стоит привести ее содержание: «Разрушение или повреждение с к-р целью взрывом, поджогом или другими способами ж/д или иных путей

и средств сообщения, водопровода, общественных складов и иных сооружений или гос. или общественного имущества» – а это значит, что приговор: к высшей мере.

Большой интерес представляет последнее слово подсудимого, в котором Герман Павлович не признал себя виновным.

«Граждане судьи! Прежде всего, я прошу суд передопросить всех лиц, которые меня оклеветали, так как я никакого отношения к контрреволюционной организации не имел. Ведь можно установить правду.

Я хочу работать и быть честным человеком. Я всегда был вне крупной политики. Я читал газеты, изучал Маркса, Энгельса.

Я хочу снять грязь, которую на меня набросали. Я очень прошу Вас вызвать этих людей и выяснить правду. Я прошу Вас дать мне возможность очиститься. Второе, что я хотел Вас попросить, это вызвать тех людей, которые слышали от К., что он меня оклеветал. Эти люди Вассер и Далингер находятся сейчас на свободе и их можно вызвать и допросить.

К. утверждает, что наш институт в течение года разослал 1500 литров вакцины против брюшного тифа в загрязненном виде, которая вызвала осложнения с очень серьезными последствиями. Но ведь это немыслимая вещь.

Или его утверждение о 80 литрах сыворотки, которая также вызвала осложнения. Эти утверждения неверны. Об этом имеются соответствующие документы. Спрашивается, какое же может быть доверие к этому протоколу?

По материалам дела упоминается, как будто бы я занимался плагиатом. Это неверно. Я плагиатом никогда не занимался. Я в Пермском институте написал 13 научных работ. Из них 3 работы выпущены как труды Бактериологического института.

Я прошу суд обратить внимание на то, что я работал по бактериологии в течение 17 лет». (Документ хранится в ГАНИ Пермского края, цит. по книге «Политические репрессии в Прикамье 1918-1980-е гг.»).

Герман Розенгольц был приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ, с последующим поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

«Мечтаю участвовать в общенародном деле изгнания оккупантов...»

Великую Отечественную войну Герман Розенгольц встретил в положении невольника. Бывший профессор – зэка-врач несколько раз подавал прошения о зачислении в действующую армию. Сохранился архивный документ за его подписью:

«В НКВД СССР – ГУЛАГ – отдел кадров.

От з/к- быв. профессора по кафедре микробиологии Моло- товского медицинского Института – Розенгольц Г. П.

Коми АССР – ж.-р., п/я 243/22 – Вожаель –УВЛ НКВД

Прошу об использовании меня по специальности. Имею свыше 25 научных работ по инфекционным заболеваниям и микробиологии. Владею клиническими методами исследования (р. Вассермана и пр.). Имею многолетний опыт лечебной работы.

В годы Отечественной войны мечтаю о посильном участии в общенародном деле изгнания фашистских оккупантов из пределов моей родины. Четыре раза подавал прошения о зачислении в Красную Армию. Прошу предоставить мне возможность своим трудом в области, которой отдал много лет жизни, доказать полную преданность Советской власти и Партии.

З/к врач Г. Розенгольц

9.5. 44.

PS. Прошу при определении места работы учесть ослабление состояния моего здоровья и вредного влияния на него севера.

Из воспоминаний дочери Татьяны Германовны:

«...Три года тюремного заключения – допросы, пытки, а затем лагеря...С 1940 г. – Ухта, здесь руководил центральной санитарно-бактериологической станцией. И там выполнил несколько научных работ по вопросам туберкулеза, пневмонии и др. инфекционных заболеваний. Работал в невероятно трудных условиях, необходимое оснащение для лаборатории изготавливал сам или по его чертежам это делали другие – все кустарным способом. В этих условиях выполнено две работы по вопросам туберкулеза и пневмонии (одна из статей помещена в труды по клинической медицине, 1948 г.).

Принимал роды, вскрывал трупы

В 1948 году вернулся из лагеря, проживал в Оренбургской области. В 1949 году Г. П. Розенгольц был вновь арестован «за принадлежность к антисоветской организации». Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР сослан на поселение в Новосибирскую область.

Из воспоминаний дочери Татьяны Германовны:

«...В 1948 году назначен на руководящую работу в Чкаловский институт микробиологии (Чкаловск – так назывался одно время Оренбург – ВГ). Здесь за полтора года выполнил три работы. В 1949 г. снова репрессия, ссылка в Новосибирскую область. В 1950-53 гг. – участковый врач Еланской больницы. Практически приходилось делать все: обслуживать вызова в районе 20 сел и деревень, принимать роды, оказывать акушерскую помощь роженицам, вскрывать трупы... В любой работе Герман Павлович находил интерес и работал всегда с увлечением, поэтому и уважали старого профессора жители всей округи. Каждый больной старался попасть на прием обязательно к опытному доктору.

В 1953 г. обстановка изменилась, отцу разрешили переехать в Казахстан, в г. Караганду. Он работает фтизиатром в противотуберкулезном диспансере. И тут врач не оставляет научный поиск, пишет научную работу, надеется на публикацию...»

Положение безработного мучительно

Реабилитирован Герман Розенгольц был в 1955 году. Представление, хотя бы отдаленное, о том, как жилось ему в последние годы, можно получить из его собственных признаний, написанных в своеобразном жанре прошений (таковы реалии первых реабилитаций):

«В Президиум сессии тов. Микояну А. И. (зачеркнуто) – Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н. С.

От профессора Розенгольца Германа Павловича. (Вписано от руки: доброволец Красной армии 1918 г.). Москва, Арбат, 18/1, кв. 29.

...Я в общей сложности провел в заключении и ссылке 18 лет, и реабилитирован только в прошлом году. Единственная

сестра – Ева Павловна (художница) – персональная пенсионерка по мужу – писателю В. Левину, погибшему на Финском фронте в 1940 г., была арестована в 1949 г., сослана и возвращена в Москву только в 1956 г., когда и была реабилитирована.

87-летняя приемная мать Аркадия Павловича (персональная пенсионерка), потерявшая трех сыновей (студентов), работавших в подполье, в тылу у Врангеля, с нашим арестом потеряла и последних детей.

Репрессии, которым неправильно, по формальной причине все мы подвергались, отменены, мы реабилитированы. Но над покойным братом все еще висит тяжелейшее обвинение, и оно незримо стоит над всеми нами. Это обстоятельство и является основной, главной причиной, создающей мне и членам моей семьи тяжелое положение, причиной наших настоящих мытарств. Вот уже более года не могу получить соответствующей работы.

Имею до 30 научных работ, часть которых премирована Государственным ученым советом. Имею патенты на изобретения. С 1930 г. состоял профессором кафедры микробиологии в ряде высших учебных заведений, а также научным руководителем научно-исследовательских институтов. Со студенческих лет вплоть до ареста и будучи в заключении и ссылке работал по специальности врача-бактериолога и врача-фтизиатра (см. справки), заведовал Центральной лабораторией лагеря (Устьвымлаг), руководил туберкулезным отделением Центральной больницы (Ухтымлаг), состоял консультантом лаборатории (см. справки). Находясь в лагере и в ссылке, я написал две монографии, получившие положительные отзывы академика, профессора Павловского Е. Н., а также профессора Моделя Л. М. (выдержки из отзывов прилагаю). В ссылке мною выполнены две научные работы по вопросам туберкулеза (сданы в печать). Отзывы о моей работе этого периода прилагаю. Фактически я почти непрерывно работал по специальности в течение всех этих лет. Люблю область своего труда, которому отдал большую часть жизни.

Положение безработного – мучительно. Хочу и могу еще с пользой хорошо и творчески работать. Желание – оправдать свое существование на земле. Разве не удивительно,

что вместе с моей реабилитацией, когда, казалось, это обстоятельство должно было бы открыть передо мною более широкие возможности творческой работы, я, несмотря на многочисленные попытки в этом направлении, хождения и хлопоты, получить таковой не могу. Только одни обещания, извинения и т. п.

С февраля 1955 г. проживаю в Москве, дочь из-за отсутствия жилой площади живет в Караганде (место моей последней ссылки). Живу в небольшой комнате с матерью. Поселиться в ней вместе с дочерью невозможно (ниже санитарной нормы). Жена и дети добровольно следовали за мной в ссылку, где переносили со мной вместе нужду (я полностью был разорен) и моральное унижение.

Неужели после всего пережитого мною и моей семьей, мы не имеем права на получение соответствующей работы и условий нормальной, спокойной жизни?

Я обращался в Секретариат с просьбой о приеме. Очень прошу не отказать мне в этом.

Профессор Г. Розенгольц.

7 февраля 1957 г.

Достойной работы ученый так и не получил..., да и смог ли бы он, после всех перенесенных мучений, работать плодотворно, как привык с молодости?

Скончался Герман Павлович в Москве в ноябре 1959 г. В том же году была опубликована одна из последних его работ в журнале «Проблемы туберкулеза». Скрытое страдание, сожаление об изломанной судьбе сквозят из приведенного нами обращения в вышестоящие инстанции:

«...Люблю область своего труда, которому отдал большую часть жизни. Положение безработного – мучительно. Хочу и могу еще с пользой хорошо и творчески работать. Желание – оправдать свое существование на земле».

Владимир Гладышев

У НАС ЕЩЕ БУДУТ ХОРОШИЕ ДНИ

Воспоминания Аллы Александровны Гавриловой

*Наш папа – Александр
Коземирович Ланевский.
Фото начала 1920-х
годов.*

Вот какой была наша семья до 1937 года: отец Александр Коземирович Ланевский, мама Екатерина Николаевна, бабушка Елена Ивановна, старшая сестра Ангелина, младшая Тамара. И я Алла, 1925 года рождения.

Легкой жизни мы не знали, как многие в те годы. Но все-таки пробились, росли сами и растили своих детей, учились. Мама из Астрахани. Она рассказывала нам о своей молодости. Её мама (моя бабушка) Елена Ивановна работала швейей. До революции ходила по богатым домам, брала заказы. Бабушке не повезло с мужем. Решила уйти от непутевого супруга и уехать к сестре Варваре

в Сибирь. Сестра держала в Новосибирске швейную мастерскую. Елена Ивановна забрала четверых детей и уехала.

Дочь Екатерину, мою будущую маму, она устроила на работу, когда той исполнилось всего 15 лет. Работа была необычная: читала слепому хозяину фабрики. Читала Тургенева, Лермонтова, Достоевского, других классиков. Каждый день читала. Фабрика размещалась в двухэтажном здании. На первом этаже мастерские, на втором – контора хозяина. И если вдруг какой-нибудь станок начинал барахлить, он по звуку мог определить, какой именно сломался. Прерывал чтение и отдавал приказания, что и как делать. Мама работала у хозяина, пока не познакомилась с папой. Ей тогда пошел 21 год. Папа был на 12 лет старше.

Отец родился в деревне Скорбы, недалеко от города Вильна. Этот город тогда входил в состав Польши. Потом стал литовским – Вильнюс. Отец у него был садовник. Он мечтал дать детям образование, учил их, платил за учебу, несмотря на то, что время было трудное, а семья большая. Сначала папа

закончил 4 класса, насколько я помню из рассказов бабушки, приходского училища, потом закончил железнодорожное училище. У него было два брата Николай и Станислав и две сестры Антонина и Елена. В 1918 году папу отправили в Новосибирск, чтобы привез из Сибири эшелон хлеба, потому что был голодный год, хлеба не хватало. Но так случилось, что папа заболел в Новосибирске тифом, пришлось остаться. Там, в Новосибирске и встретил маму, и там же они поженились.

*Мама Екатерина
Николаевна.*

Жизнь сложилась беспокойная, семья подолгу не задерживалась на одном месте. Гнала нужда. Сначала поехали в Бийск, там родилась Ангелина (в семье мы ее звали Лина). А тут начало 20-х, шел НЭП, тот короткий период, когда еще разрешалось создать свое дело. Отцу пришла мысль организовать артель. Он и два его друга решили поехать на юг, и там уже приступить к делу. Мама в то время была беременна мной. Папа взял всю семью с собой, бабушка Елена Ивановна была как повариха. И так приехали в Сочи. Но вскоре «фирма» распалась, не довелось им стать артельщиками.

В Сочи, точнее в селе Раздольном, родилась я. Еще через год родилась сестра Тамара. Папа работал помощником машиниста на паровозе. Мы пожили здесь еще год, и папа принял решение переехать на Урал. Как мне кажется, чтобы продолжить обучение. Он поступил в Уральский политехнический институт на заочное отделение. Переехали сначала в Свердловск, прожили там еще 2 года, потом в 31 году в Губаху (это уже будущая Пермская область).

Там мы, кажется, устроились. Папу назначили начальником городского коммунального хозяйства. Когда мы только приехали, водопровода не было. Воду развозили в бочках. К каждому дому подъезжали, и люди по талонам покупали. Потом уже только появился водопровод. Коммунальщики проводили трубы по всему поселку, рыли траншеи. А мама пошла бухгалтером на шахту Калинина.

*Мы с мамой
Екатериной Николаевной.*

На Комсомольской улице нам дали трехкомнатную квартиру, половину дома. Там были только одноэтажные домики коттеджного типа на две семьи. С одной стороны 3-комнатная квартира, с другой 2-комнатная. А огород, палисадник делили на две семьи. Около школы – дом учителей. Там, если учитель молодой, без семьи, то занимал одну комнату. Если с семьей, как Галина Афанасьевна, учительница русского языка и литературы, и ее муж, который преподавал черчение и рисование, – они занимали двухкомнатную квартиру.

Вслед за папой, мама тоже решила учиться, подала документы в московский бухгалтерский институт на заочное. До 37 года мы жили в этой квартире. Папа ухаживал за палисадником, держал его в чистоте. Сеял рассаду, высаживал, поливал. Ему это передалось от отца-садовника. Окна квартиры выходили на стадион. Мы еще тогда маленькие были с Тamarой. Все уходило на работу, Лина в школу. Нас оставляли с Тamarой дома, и мы сидели, ждали, пока вернутся родители или Лина. В детсад не ходили, сидели так до школы. Встанем, бывало, на окно и смотрим на стадион. В хорошую погоду там всегда бегали, в футбол играли.

Не суждено было маме получить образование. И папа тоже не успел закончить институт. Он учился на пятом курсе, когда за ним пришли. В одно утро все изменилось. 13 октября 1937 года рано утром постучали в дверь. Пришли из НКВД, а с ними Кобыльский, он был комендантом в Губахе, к нему

спецпереселенцы ходили отмечаться. Он пришел как понятой. Все перевернули вверх дном. Мама нас побыстрее отправила в школу. Мы ушли в тревоге, не могли понять, что происходит, ведь и отец, и мама у всех были на хорошем счету.

Описали папины ружья, облигации. Уже без нас все остальное конфисковали. Отца увели. Увезли в Кизел и поместили в здании «Кизел-угля», где была временная тюрьма. Там уже много людей скопилось, ждали своей участи.

Запомнила: окна тюрьмы заколочены досками, только в одном остался незакрытым маленький треугольный проем. Мы ездили к отцу, передачи ему возили. Первый раз отвезли передачу, идем обратно, и тут видим, он высунул руку в тот треугольник и машет нам. А у него двух пальцев не было, оторвало их на охоте, невозможно ни с кем спутать. Значит, получил нашу посылку. И второй раз мы к нему приехали, посылку передали.

И всё. Сказали больше не приезжать, его нет. Больше о нем ничего не слышали. Прошла молва по Губахе, что их всех из Кизела увезли в Тагил. Через много лет мы узнали, что отца расстреляли в Свердловске через два месяца после ареста. В архиве показали документы, мы узнали, что обвинили его в создании повстанческой организации и проведении вредительской деятельности.

На допросах он все отрицал, но бесполезно, никто его не хотел слушать. Также из документов нам стало известно, что юрист по фамилии Диченя на отца написал донос. А я с Галей Диченя училась в одном классе. Позже из письма Нади – младшей сестры Гали – я узнала, что и на самого Диченю кто-то донес. Он год просидел, но его выпустили. После этого они уехали в Белоруссию.

Каждый друг на друга доносил, так получается. Неужто все были такими предателями? Я слышала, их там мучили, били, заставляли подписывать напраслину. Вот в чем причина. А потом мама всю жизнь повторяла: «Никому ничего не говорите, не болтайте! Ничего лишнего не говорите». Скажешь, что чем-то недоволен, сразу заберут. И мы, хоть и старость пришла, до сих пор такие молчаливые. И мама тоже молчала, только работала, работала, работала.

Отца посадили, мама прекратила переписку с его семьей. Решила, что так можно подвести его братьев и сестер, сломать им жизнь. Скажут, мол, родственники врага народа... А папа

Я с младшей сестрой Тамарой.

был у нас такой хороший, добрый, его все уважали.

Я помню последнюю квартиру, комнаты родителей, детскую и гостиную. В детской наши кровати и бабушкина – четвертая. Занимались за партой, ее заказал сам папа. Он учил нас немецкому языку, мы говорили

немножко, учили слова. Еще об отце говорили, что он хороший охотник. Его ружья при аресте забрали и не вернули. Он ходил на охоту с Линой, она хорошо стреляла, у нее даже значок был Ворошиловского стрелка. А меня брал, когда ходил за грибами.

Рядом с нами жила семья Богомоловых. Половину дома занимали они, а половину – главный механик шахты. Из их семьи забрали мать Веру Ивановну и ее дочку Тусю, она училась тогда в 9 классе. Тусю через два месяца отпустили, а мать не вернулась. У механика Петра Ивановича осиротели четверо детей: Славка, Галка, Ира и Юра. Мы заметили – больше брали служащих, тех, кто на шахте работал на руководящих должностях. Взяли папу, взяли Богомоловых, взяли главного механика.

После ареста отца маму выгнали с работы и из трехкомнатной квартиры выселили. Переехали в поселок Ворошиловку, за 3 километра от Губахи. Нас было четверо у нее на руках: бабушка, Лина, Тамара и я. Надо что-то делать, искать работу, нас кормить. Тогда мама стала брать надомную работу. Она составляла бухгалтерские отчеты детскому саду, врачебному участку. Нас поселили с женщиной, заведующей детским садом, она была безграмотна, и мама ей составляла отчеты. Мама всю жизнь работала, нас поднимала на ноги. Держалась изо всех сил. За всю жизнь ни одной слезы мы у нее не увидели.

Это стихотворение мы с Линой посвятили нашей маме:

Твой путь по жизни
Был тернист и труден,
Но ты его уверенно прошла,

Отцу навеки верность сохранила,
А всю себя нам, детям, отдала.
Нас к нежностям и ласковым
Словам не приучала,
Но честь и долг мы
Помним каждый час.
И вышли мы, наверно,
Не такими уж плохими
Коль с нами дружат те,
Кто лучше нас!

В Ворошиловке поселились у спецпереселенки Фени. Через стенку жил дед Шелудька, ссыльный, из раскулаченных казаков. У него было два сына: Григорий и Петр. Обоих забрали в 37 году. У Григория была жена, Милашей ее звали, у них трое детей. Половину дома занимал дед Шелудька, а другую половину – его дочь Феня, замужняя, молодая. У нее мужа тоже в 37-м году взяли. В Фениной половине было две комнаты, в маленькой жила она, а в большой – бабушка, Тамара и я.

В это время начали строить шахту Нагорную. Маме удалось устроиться туда бухгалтером. Но жить ей пришлось далеко от семьи, примерно в 20 километрах от Губахи, в общежитии. Весь учебный год мы жили с бабушкой, а на лето приезжали к маме. Чтобы добраться до нее, приходилось сначала одолеть пешком около 5 километров до Губахи-2, а потом садились на дачный поезд. Полтора-два часа ехали. Хорошо было с мамой! Малину, грибы собирали, варили варенье. А осенью возвращались к бабушке, в школу.

В 7 классе я написала министру, не помню его фамилию, просила сообщить хоть что-нибудь про папу. Мне ответили, что ваш отец осужден тройкой без права переписки. Как потом оказалось, его уже не было в живых. А мы-то не знали, что он расстрелян. Узнали только в 1956 году.

После семилетки я решила поступить в горный техникум. Принимали всех, специалисты нужны. Поступила, проучилась полгода и сбежала обратно, заскучала, захотелось домой. Стала учиться в вечерней школе, а потом перевелась в Тамарин класс. Она была на год младше меня, поэтому я к ней в класс и пришла, за компанию легче.

Слева направо – я, мама и Лина.

Мы с Тamarой жили с бабушкой, бегали в школу за 3 километра. Перед войной ввели плату в школе. За нас по 150 рублей надо платить, и еще Лине посылать. Не было таких денег... Лина это поняла, решила вернуться домой, чтобы помочь маме поднять нас на ноги. Приехала и устроилась на работу.

Потом началась война. В школе учились в 3 смены. До 12 – школяры, маленькие совсем, с 13 до 17 – среднее звено (5, 6, 7 классы), а с полпятого вечера до 22 – 8, 9, 10 классы. Мы учились в третью смену. После последнего урока бежим скорей за хлебом в коммерческий магазин. Он работал до 12 часов ночи. Продавали хлеб по килограмму каждому. И такие мы счастливые были, когда купим этот хлеб! Идем в первом часу ночи домой довольные, и больше ни о чем думать не хочется. А бывало, бабушка наварит гречневую кашу, лука мелко накрошит, и мы набрасываемся на эту кашу, даже и без хлеба.

Летом старшеклассников посылали в колхоз. Представляете, дети шли 60 километров от Губахи до деревни Печенки – это где-то в Добрянском районе. Днем шли, ночь отдыхали. Нас сопровождали молоденькие учительницы – сестры Нина Павловна и Евгения Павловна. Встречал председатель и распределял по избам. Помню, поселили к женщине-колхознице. В избе сколотили что-то наподобие нар. В наволочки матрасные

набили соломы, положили самодельные подушки на «кровать» и повалились спать. Мы убирали горох, снопы вязали, молотили зерно. Тяжелая работа, руки все исколоты. Зато ели ягоды, зеленый горох. Домой ничего не разрешали везти из деревни. Строго наказывали, если что находили. И так до самой осени. Обратного снова шли пешком. Осень, уже холодно, заморозки в начале сентября. А мы в тапочках идем, и так скользко, холодно. Но другой обуви нет, все изорвалось.

Не поверите, но ни эти 60 километров, ни нелегкая взрослая работа не казались нам тогда какими-то особо тяжелыми. Так тогда жили все, и дети тоже, все несли на себе груз войны.

В свободное от учёбы время занимались самодеятельностью, ходили по госпиталям, помогали нянечкам ухаживать за больными, за ранеными солдатами. У нас было три госпиталя в Губахе: в нашей школе, в военкомате и в клубе. Правда, когда раненых привозили, нас не брали, мы были еще маленькие. Брали старших, они выгружали, по госпиталям развозили. Сколотили хороший хор, танцевальный ансамбль, давали больным и раненым солдатам концерты. Ещё траншеи рыли, щели такие. И железную дорогу чистили от Губахи-1 до Губахи-2. На Губахе-2 был основной вокзал, а на Губахе-1 – полустанок.

Все это мы, школьники, вместе делали. И никто не обижал нас, не обзывал детьми врагов народа. Часто ребята и не знали, у кого в семье есть репрессированные. Например, учительница Зоя Спиридоновна Коровкина. Работала директором нашей школы во время войны, вела историю. У нее отца взяли, а я об этом узнала только когда вышла замуж. И таких случаев много. С одной стороны, об этом не говорили, не принято было, да и опасно. А с другой – все жили одной жизнью, поровну делили и горе и радость.

Рядом с нами в Губахе жила семья Андреевых. Федор, одногодок мой, учился с моим будущим мужем в одном классе. Их семья тоже была из спецпереселенцев. Через многие десятилетия, в 90-е годы мы, члены общества «Мемориал», ездили на 12-й километр возле Екатеринбурга, где лежат косточки наших расстрелянных родных и близких. И тогда я нашла на мраморной плите имя отца Феде. А когда мы жили вместе, в Губахе, я ничего не знала, не ведала, что у него отец тоже расстрелян.

...Часто вспоминаю маму, ее советы, ее безмерное терпение. Был такой случай. Осень, время выкапывать картошку. Мы пришли с Линой на поле, а картошки нет, вся кем-то

Школьные годы в Губахе. 40-е годы.

выкопана. Сели с Линой, плачем, не знаем, что делать. Что маме скажем? Картошка-то была основной пищей, спасением от голода. Приходим домой, говорим маме: весь урожай украли. Ждали чего угодно – испуга, слез, упреков. А она: «Ничего, девочки, без картошки проживем зиму». Мы сразу приободрились, поверили, что, да, обязательно проживем.

В подвале нашего дома было две комнаты. В одной кухня, в другой две кровати и диван. На кухне – не-

большая печурка, там мы готовили, там же стояла бабушкина кровать. На тумбочке зеркало необычной, яйцевидной формы. Мама сидит на диване, я на кровати. И вдруг ни с того ни с сего зеркало с тумбочки покатилося, упало и разбилось. Мы все опешили. Плохая примета! А мама встала и говорит: «Ничего, это не к несчастью, а к счастью. У нас еще будут хорошие дни».

В 1943 году, действительно, стало полегче. Мама перешла работать в трест «Андреев-уголь» главным бухгалтером. Сестра работала там же диспетчером, а я устроилась в транспортный отдел оператором. Нам давали рабочие карточки, мы начали приходить в себя, встали, как говорится, на ноги.

В 1943 году, когда казалось, что все плохое уже позади, семью постигло новое несчастье – погибла Тамара. Она только перешла в 10 класс. Купалась на речке Косье и вдруг ее не стало, пошла ко дну. Вытащили из воды, но было поздно, спасти не удалось. Ее похоронили, потом похоронили ещё и бабушку. И мы остались втроем: Лина, мама и я.

Да, всего было, всего хлебнули. И счастье тоже было, Победу праздновали, но как в песне, со слезами на глазах. Плакали, поминали погибших. Потом замужество, новые переживания и радости. В трудные минуты я всегда вспоминаю мамины слова: «У нас еще будут хорошие дни». Вспомню, и легче на душе становится.

МЫ ДУМАЛИ, ЧТО СТАЛИН НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ

Воспоминания Ларисы Николаевны Никифоровой

Свою маму, Лидию Николаевну, я запомнила очень красивой, высокой, статной женщиной. В детстве она жила в посёлке Ашар (45 километров от Кунгура, Осинский уезд) с тётками, которые отличались строгостью в вопросах воспитания. Мама окончила всего 3 класса начальной школы, но училась очень хорошо. Её дядя, Иван Дмитриевич, который служил присяжным поверенным в Кунгурском суде, настаивал на том, чтобы девочку отдали в гимназию, обещал помочь материально, но тётки, как их ни уговаривали, были против. Так мама больше и не училась.

Еще в 12 лет на неё стал засматриваться Александр Осокин, взрослый мужчина, на 18 лет старше мамы. Ясно, что выходить замуж в таком юном возрасте рано. Пришлось ему ждать четыре года, пока невеста подрастёт. Вскоре после свадьбы он показал себя во всей «красе»: был непомерно вспыльчивым, жестоким, к тому же пьющим. Много натерпелась от мужа молоденькая мама.

Через четыре года родилась я. Скандалы в семье сразу прекратились, ребенок всех помирил. Но началась гражданская война. Мы в потоке беженцев уехали вглубь Сибири. Мама на тот момент ждала второго ребёнка, чувствовала себя очень плохо, ноги распухли, и дальше ехать мы не смогли. Остановились в Барабинской степи, в какой-то деревушке, в чужом доме. Там прожили около года, а в мой день рождения, 20 ноября, отец уехал куда-то, да так и не вернулся. Не оставил жене даже адреса. С тех пор о нём никто ничего не слышал. Я совсем не помню отца.

У мамы родился мальчик, но он не прожил и дня. Мама была в беспамятстве. Кроме того, тогда свирепствовала эпидемия тифа. Местный священник написал на родину, сообщил, что мама лежит в тифу, при ней ребенок. Откликнулся на письмо дядя Витя, который служил в действующей армии. Он оформил пропуск, чтобы перевезти маму и меня в Белебей. Так нам удалось вернуться.

Спустя какое-то время на маму стал заглядываться библиотекарь Николай Иванович Цыпляков. Еще до войны он женился первым браком. У него было двое детей, жена Прасковья Яковлевна. Николая Ивановича призвали в армию, и вскоре как человека грамотного, положительного, определили на офицерские курсы. Он участвовал в сражениях первой мировой войны. В бою получил контузию, в тяжёлом состоянии его привезли в московский госпиталь. А потом началась революция. После лечения в госпитале вернулся домой инвалидом, в поле работать уже не мог, ходил с тросточкой.

Потом случилось несчастье – жена тяжело заболела и умерла. С ним осталось двое детей – сын Ваня и дочь Лиза. Спустя какое-то время новое несчастье – заболела девочка, потом мальчик. Лечить их было нечем, дети умерли. В короткое время Николай Иванович овдовел и потерял обоих детей. Он пережил огромную потерю, страшное несчастье.

Прошло какое-то время, душевные раны постепенно затянулись. Тогда-то Николай Иванович и встретил мою маму. Ей тоже понравился этот спокойный, надёжный человек. Он был родом из крестьянской семьи, мастер на все руки: умел шить, мастерить, готовить... Подростком его определили на фанерную фабрику купцов Мамонтовых. У нас даже была фотография, где юный Коля стоит у станка. Но снимок не сохранился. Вскоре они поженились. Обращались друг к другу исключительно на «Вы», и очень друг друга любили. Папа всегда со вкусом одевался, носил штиблеты с калошами, костюм, у него имелось зимнее пальто... Он был по характеру мягким, добрым. А мама наоборот: строгой и властной.

Тётки, с которыми жила мама, её выбор не одобрили. Говорили: «Нашла себе какого-то укра́инца!» (укра́инцем тогда называли человека с окраины). Считали ниже своего достоинства признать членом семьи какого-то крестьянского мужика. И еще они не понимали, как можно жить невенчанными.

Николай Иванович обладал врождённой грамотностью, очень красиво писал. По возвращении домой его пригласили работать библиотекарем в Народном доме, который располагался в бывшем имении помещицы Козловой. Там был большой зрительный зал, сцена. Папа (Николая Ивановича я считала своим отцом) играл в пьесах Островского «Свои люди – сочтёмся», «Бедность – не порок», в новых революционных постановках. Когда объявили кампанию борьбы с неграмотностью, организовал курсы для учителей.

Из-за неприязни к мужу со стороны тёток мама ушла жить отдельно (в дом своей рано умершей матери – Александры Афанасьевны). Тетки были очень религиозными, суровыми. А их двоюродный брат Павел Иванович Паньков, который когда-то служил управляющим у господ Сведомских, жил в гражданском браке с одной женщиной. Поэтому, когда тётки начинали ругать Николая Ивановича, у мамы был козырь, она говорила: «Павлу Ивановичу, значит, можно в гражданском браке жить, а мне нельзя невенчанной?» На что ей отвечали: «Ты с кем себя сравниваешь?! То господа, а ты кто?»

Но папа не хотел венчаться, потому что стал атеистом после того, как умерла жена и двое детей.

Время шло, тётки потихоньку старели, сил вести хозяйство не хватало. Вот и вспомнили свою племянницу Лиду, позвали вместе с семьей обратно. Мама согласилась. Потом, пришел час, тётки умерли. Первой скончалась Пелагея Афанасьевна. Она была парализована, мучилась высоким давлением, целый год лежала, маме приходилось за ней ухаживать. Раз в неделю носила её в баню: на спину себе взвалит и тащит.

Я хорошо помню вторую тётку – Надежду Афанасьевну. Она меня воспитывала, рассказывала, как жили в старину, учила народным песням, читала сказки. В 1928 году и её не стало.

Мама родила ещё двух дочерей – Валю и Юлю. Жили дружно, отец любил всех троих. Иногда случались небольшие ссоры, но в целом царил покой и порядок. Валя часто говорила: «Наш папа – городской голова, церковный староста». Мы остались жить в двухэтажном доме тёток. Внизу большая комната и кухня, а наверху – спальни. Маме не нравился двухэтажный дом, она хотела его перестроить, уговаривала папу, а тот молчал, не хотел ничего менять.

Как говорится, капля камень точит, она-таки добилась своего. Закончили перестройку в 1929 году. В доме царил идеальный порядок – всё всегда на месте, наглажено, уложено. У всех отдельные кровати, а у меня, у старшей, – отдельная комната. Однако когда в детстве сосед смастерил мне туфли, я их терпеть не могла, всегда бегала босиком, в отличие от моей подружки, которая носила дырявые старые ботинки.

А по деревне ходили слухи, что у Цыпляковых восемь одеял в доме. В то время это было необычно: люди на полатах спали, одним одеялом укрывались, а иногда просто какой-нибудь одеждой, а у нас аж восемь одеял! Люди завидовали.

1929-30-м годах наступило тяжёлое время – кампания по коллективизации, а с ней и раскулачивание. В магазинах не хватало продуктов, получали по спискам. Мы тогда переехали жить в Тавду (в Свердловской области), потому что леспромхоз, в котором работал папа, закрыли. Это было страшное время.

С Украины ехали люди, обездоленные, без копейки денег в кармане, переезжали на Урал. Мы помогали им, чем могли. Крестьянки приносили спидницы (ночные рубашки), а взамен просили хоть что-нибудь из еды. Картошки не было, только крупа и хлеб – этим и делились, чтобы люди не умирали от голода.

В Тавде мы прожили год, а потом у Юли начался авитаминоз. Пришлось вернуться обратно в Ашاپ. Там как раз открыли школу для колхозных детей. Школьники сажали овощи, сеяли...

Ашاپскую школу я закончила на «хорошо». В 16 лет пошла работать учительницей младших классов. Работа была очень беспокойная, я стала активисткой, выступала на собраниях, вела общественную работу, разъясняла постановления правительства.

Папу пригласили счетоводом в колхоз. Первыми колхозниками стали 17 семей, в том числе и наша. Всего в Ашаве было три колхоза: «Двенадцатая годовщина Октября», «Красное знамя» и колхоз имени Сергеева (участника Гражданской войны). Контора, в которой работал отец, называлась «экономия». В нашей местности сеяли много льна. Осенью школьники не отдыхали по воскресеньям, потому что нас отправляли рвать лён.

В 1930-е гг. стали создаваться МТС (машинно-тракторные станции). Они были тогда символом технического прогресса. Папа работал на МТС бухгалтером-кассиром. Когда он ездил

в Орду за деньгами, начальник политотдела давал ему с собой пистолет. Папа приезжал, через окошко передавал маме деньги и пистолет. Мама пистолет прятала под перину в своей комнате. Когда я заправляла постель и находила этот пистолет, до ужаса боялась его, мне казалось, что он вот-вот выстрелит.

Доверяли, пистолет выдали, а потом взяли и арестовали... Когда Николай Иванович работал на машинно-тракторной станции, у него началась болезнь почек, ноги сильно распухли, а работы было очень много. Он вечерами засиживался допоздна, а бывало, и до утра. Его отправили лечиться в Свердловск на три месяца. А когда вернулся, оформили инвалидность.

В то время в сельмаге постоянно обнаруживались какие-то недостатки, рабочие были неграмотные, и Николая Ивановича уговорили поработать, навести порядок. Он устроился продавцом. Люди завидовали. Во время раскулачивания земли стали общественными, а земли у нас было достаточно, благодаря наследству, доставшемуся от маминых тёток. Хотя кулаками назвать нас было нельзя, работали сами, работников не нанимали.

Мы видели, как арестовывают соседей, как заколачивают их дома, отбирают имущество, и боялись потерять свой дом. Причём соседи тоже не были кулаками, не держали батраков и имели средний достаток, а другие и вовсе бедствовали. Но их всё равно арестовывали, ссылали. Семья Вавиловых состояла из пяти человек, они никогда никого не нанимали, сами обрабатывали поля. Но их все равно выселили. Антоновы тоже были настоящие трудяги. Уезжали на полевые работы рано утром, а приезжали затемно. Когда их стали раскулачивать, к дому пригнали несколько подвод с пустыми мешками, приказали хозяину открыть амбар и наполнить мешки зерном. Хозяйка в это время вышла на крыльцо, увидела, что творится, и упала замертво – сердце не выдержало. Семью из дома выселили, кого-то сослали на шахты, кто-то умер.

Неподалёку от нас жил мясник Кимшин, у него было четверо детей. Его семью также раскулачили, выгнали из дома и отправили неизвестно куда. Беда приходила практически в каждый дом. Арестовывали священников, церковных старост.

В 1936 году я поступила в Кунгурский педагогический техникум. Отец и мать работали, сёстры подрастали. Всё случилось в ночь на 16 февраля 1938 года. Семья ожидала гостей,

обещавших у нас переночевать. В 4 часа утра в дверь постучали. Мама открыла – на пороге стояли заместитель начальника Ординского НКВД Манюров и понятые: председатель сельсовета Мордвинов и тракторист Алексей Марышев. Отцу предъявили ордер на арест. За что, почему – никто ничего не сказал. Дом обыскали, ничего не нашли. Папа оделся и, не взяв с собой ничего из вещей, ушёл вместе с незванными гостями.

Мама была так потрясена, что не сумела толком попроситься с мужем. Так и осталась биться в истерике, когда его увезли. Это была страшная ночь. Долгое время от отца не было никаких вестей, мы не знали, где он, что с ним. И вот примерно через месяц пришло письмо от него из тюрьмы. Он писал, что с ним всё в порядке, он находится в Свердловске. Мама поехала в Свердловск. Пришла в тюрьму, там её принял следователь. Она спросила, что можно передать мужу. Следователь перечислил, какие продукты можно принести. Мама всё это купила, а на второй день принесла, чтобы передать мужу. Но следователь оказался другой. Она выложила продукты, но следователь отшвырнул их и закричал: «Кормить ещё таких!»

Мама сложила всё обратно и уехала домой. Нам, детям, привезла арахисовую халву и другие гостинцы, которые предназначались папе. То есть первый следователь хотел поступить по-человечески, по-видимому, был человеком порядочным. Потом мы узнали, что он застрелился...

Однажды к нам приехал бывший заключённый Павел Старков, который случайно встретил в местах лишения свободы Николая Ивановича. Он рассказал, что по официальной версии нашего отца осудили за участие в собрании эсеров, проходившем в ашапской школе. Кто дал такую информацию – до сих пор тайна. Мы были потрясены, потому что знали, что во время проведения этого собрания отец как раз лежал в госпитале и не мог в нём участвовать.

Мы стали собирать документы о том, что отец болен, что он служил в Красной Армии во время революции, пытались писать Сталину, ведь все думали, что он ничего не знает, думали, что произошла ошибка. Но ответа не было. Так шли годы. Мама продолжала ждать отца и всегда говорила: «Пусть мой муж заключённый, но он не растратчик, он ничего государственного не брал».

...Я вышла замуж в 1940 году за Николая Григорьевича Никифорова, у меня появились дети. Отец Николая Григорьевича был расстрелян белыми и похоронен в братской могиле. Муж мой к тому времени отслужил в армии (в Монголии). Ему предложили поехать в освобождённые районы, по-моему, в Латвию, но он написал, что отец его жены, Цыпляковой Ларисы Николаевны, репрессирован органами НКВД. Его и оставили в покое.

Перед самой войной, 19 июня, мы уехали из Ашапа в Оханск, куда мой муж был назначен управляющим Оханским отделением Госбанка. Как-то днём мама сказала: «Люся, вставай, сейчас по радио будет какое-то важное сообщение, наверное – война». Я, не поверив ей, сказала: «Ну, конечно, если Молотов выступает, так обязательно будет война». А оказалось, действительно война...

Мужа забрали в армию. Он служил лейтенантом в топографическом управлении Генерального штаба Красной армии (я запомнила, что его начальником был капитан Романенко).

В 1943 году мы снова перебрались на родину, потому что я осталась с двумя детьми и без работы, а в Ашапе все-таки свой дом, свой огород. Сестра Юля к тому времени окончила 7 классов, поступила в педагогическое училище. Жили очень тяжёло. На одного человека давали всего 200 граммов хлеба в день. Валя после школы поступила в Пермский медицинский институт. Помню, она приехала из колхоза, а у неё распухли ноги от недоедания и простуды, начались проблемы с печенью. Учёбу пришлось бросить.

Потом Валя прошла курсы бухгалтеров, её направили работать счетоводом на Ашапский маслозавод, там можно было хоть пахты изредка купить да сыворотки. Я снова стала работать учительницей в Ашапской школе. Теперь получала 600 граммов хлеба в день, а на маму и детей давали по 200 граммов. Затем вышло постановление, чтобы отрезать лишнюю часть усадьбы у служащих. Разрешено было иметь только 10 соток. В конце концов, из 18 соток у нас осталось только 2. Остальную землю отобрали под огород для колхозной столовой. Тогда мы стали по-настоящему голодать.

Помню, мама брала вещи, какие остались хорошие – пододеяльники, простыни, кружево самодельное – и меняла их в деревне на продукты. Как-то за одну простыню дали 200 фунтов мёда. А однажды мама пришла домой, разделась, а на ней

только рейтузы, а юбки нет! Оказалось, мама пыталась выменять что-то у знакомой Симы, предлагала ей то одно, то другое... А Сима говорит: «Да я, Лидия Николаевна, всего полно наменяла, а вот юбка на тебе добрая, я бы ее взяла». Так мама поменяла юбку на муку.

Только в конце войны объявили, что учителям можно иметь больше земли. Я была страшно худая, сил ни на что не было. Нас всю войну кормила коза Маська, только благодаря ей и выжили. Потом у нас появилась корова. А получилось вот как. У меня был костюм, еще перед войной сшитый, и шуба с шалевым воротником цвета спелой вишни. Мы решили продать эти вещи одной девушке – Сане Сивенцевой, она работала кладовщиком в колхозе. Саня взамен привезла нам ночью два или три пуда пшеницы. А весной мама пошла в соседнюю татарскую деревеньку и выменяла эту пшеницу и козу на плохую, тощую корову. Мы стали ухаживать за коровой, и, в конце концов, она отелилась, у нас появилось своё молоко.

Нужно было сажать огород, а сажать нечего. Мама пошла к председателю колхоза. Та ей сказала: «Мы слышали, Лидия Николаевна, вы корову купили? Так вы сдайте за нас 2,5 килограмма масла, а мы вам две или три чертухи (1 чертуха = 1 пуд) картошки дадим». Мама согласилась. Так мы маленько ожили...

У меня одежды совсем не осталось. Помню, надо ехать на конференцию в другой город, холода наступили, а у меня один тоненький жакетик, больше ничего... Когда в 1946 году муж демобилизовался, ему предложили должность управляющего отделением Госбанка в Сиве. Перед тем, как переехать туда, мама продала дом за 14 тысяч. А через несколько месяцев произошла денежная реформа, наши денежки обесценились. На новом месте всё пришлось начинать заново.

Купили корову, она вскоре отелилась, так что у нас стало две коровы. Но беда в том, что в Сиве место болотистое, дети стали часто болеть. Всё время то ангина, то пневмония, то скарлатина. Юля, моя младшая сестра, работала в детдоме медсестрой, а там эпидемия скарлатины. Юля, приходя домой, всегда надевала чистую одежду, но всё равно болезнь передалась моим детям, все трое переболели.

Николаю Григорьевичу, моему мужу, предложили возглавить отделение Госбанка в Кудымкаре. Переехали туда. Я работала, дети учились. Но взаимоотношения в семье испортились. Мы с

мужем решили расстаться на какое-то время. Он уехал в Кольчугино (под Москвой), там получил квартиру, а я обещала, что приеду к нему, но так и не собралась.

Тринадцать лет жили отдельно. Всё это время от отца никаких вестей не было. Как-то раз мама поехала в Кунгур и встретила там нашего бывшего односельчанина, Цыплякова Александра Павловича, который сказал, что Николай Иванович, наверное, всё-таки жив. И рассказал, что его на днях вызывали в НКВД, брали показания, но он ничего плохого про Николая Ивановича не сказал... У нас затеплилась надежда. Мама переживала, на нервной почве стала глохнуть.

Однажды, поздно ночью, кто-то позвонил в колокольчик на двери. Я проснулась и вышла посмотреть, кто пожаловал в такой поздний час. Мужчина спросил Цыплякову Лидию Николаевну и объяснил, что её вызывают в милицию по делу мужа. В милицию отправилась я. Всё это время не находила себе места, ждала, когда меня пригласят войти. А в ту ночь мне приснилась печка и трещина, пробежавшая по этой печи – нехороший сон. В милиции мне сказали, что Цыпляков Николай Иванович умер в 1940 году от воспаления почек. Я спросила, реабилитирован ли он, мне ответили, что этого они не знают. Мне дали направление, сказали, чтобы мать поехала в Ординский ЗАГС и получила документы, все сведения о нём. С таким известием я и приехала домой. Это было в 1956 году.

Время шло. Я решила обратиться в Свердловскую прокуратуру с вопросом о реабилитации моего отца. Оттуда пришёл ответ о том, что дело Цыплякова Николая Ивановича прекращено за отсутствием состава преступления. Мама так и умерла, не узнав правды.

А потом сестре Вале пришло письмо о том, что Николай Иванович Цыпляков был незаконно репрессирован, осуждён и 15 мая 1938 года расстрелян. Также в том письме говорилось, что какие-то люди понесли за это наказание. Место захоронения неизвестно. Люди, правда, говорят, что в это время расстрелы проводились в самой тюрьме. Трупы отвозили по Первоуральскому шоссе (Лариса Николаевна, скорее всего, имеет в виду известный 12-й километр неподалеку от Екатеринбурга, где лежат останки более 7 тысяч пермяков, расстрелянных в годы репрессий, – ред.) и выбрасывали в болото, с правой стороны. Там, судя по всему, и покоятся останки моего отца.

В архиве нам дали протокол его допроса. Там написано, что он занимался вредительством, и под всем этим – подпись отца. Сёстры были в растерянности, когда увидели эту подпись, а я объяснила им, что папа ещё дома болел, а в тюрьме его пытали, там что угодно подпишешь, лишь бы оставили тебя в покое. Младшая сестра сожгла копии этих документов. Испугалась, что про отца такое написано, да ещё и подпись его стоит.

Всю жизнь я боялась, что кто-нибудь ткнёт пальцем и скажет: «Вот она – дочь врага народа!» Но, слава богу, никогда такого не слышала. Только единственный раз испытала что-то похожее. У одной деревенской бабы, Анны Шадринной, была дочь, учительница, как и я. Как-то раз учителей из нашей школы пригласили на очередную конференцию в другой город. Нам с коллегой дали лошадь, а дочь Шадринной о конференции никто не предупредил, и лошадь ей не дали. Тогда Анна прибежала в сельсовет к председателю и стала кричать, мол, дочь врага народа лошадью обеспечили, а про дочь трудовой крестьянки забыли!

А так вроде никто не обижал. Когда меня хвалили, выдвигали куда-то, я всегда ёжилась, боялась, что кто-то возьмёт и скажет что-то дурное, поэтому старалась нигде не выделяться, заявить самоотвод.

Столько мы всего пережили, что и не перескажешь...

Изнемогает наша Родина в тяжких муках и нет врача, исцеляющего ее. Грех помрачил наш народный разум, вызвал сатану из бездны, воздвигающего открытое гонение на Церковь. Русский народ, неужели ты не возродишься духовно!

**Послание св. патриарха Тихона
от 8 августа 1918 г.**

Все религии есть органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса. Марксизм есть материализм, в качестве такового он беспощадно враждебен религии. Мы должны бороться с религией.

В. И. Ленин

НОВОМУЧЕНИКИ

Из доклада митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на Архиерейском Соборе 2000 года:

...С любовью и благоговением обращаемся мы сегодня к подвигу новомучеников Российских. В их жизненном пути, исполненном страдания и скорби, православные христиане находят образ веры, пример жертвенной любви к Богу и ближним, опору в переживаемых испытаниях. Подобно святым апостолам они на своем исповедническом пути претерпели все скорби и мученическую за Христа смерть, явив себя «как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке» (2 Кор. 6:4-7).

Сколько священнослужителей и мирян пострадало в XX веке во время гонений за веру? Точного ответа на этот вопрос сегодня не даст никто.

Гонения на Русскую Православную Церковь начались с 1917 года и приняли массовый и ожесточенный характер уже в 1918 году. Своего апогея они достигли в 1937-1938 годах. По данным Правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в 1937 году было арестовано 136 900 православных священно- и церковнослужителей, из них расстреляно 85 300; в 1938 году арестовано 28 300, расстреляно 21 500.

КРЕСТ ОТЦА НИКОЛАЯ

Очерк журналиста Николая Гашева о своем деде, новомученике, священнике Николае Михайловиче Гашеве – отце Николае

КОРНИ, ВЕТВИ И ЗЕЛЕННЫЕ ПОБЕГИ СЕМЕЙНОГО «ДРЕВА» ГАШЕВЫХ

Как записано в старинной летописи: «В 1643 году в деревне Подвинцево под Чусовым жил крестьянин Артем Гашев, сын Федора». Не от него ли, крестьянина Артемки Гашева, сына Федора, и пошел в середине семнадцатого века наш род Гашевых? Во всяком случае, Николай Михайлович Гашев, наш дед, родом тоже из Чусовского района. Он родился 26 ноября 1869 года в деревне Успенка, где и сейчас, говорят, Гашевы живут чуть ли не в каждом доме.

У Николая Михайловича Гашева, священника села Ильинское Пермской губернии, и его жены Капитолины Андреевны, нашей бабушки, было трое дочерей и шестеро сыновей.

Мария – провизор. Валентина – бухгалтер. Юлия – медсестра. Николай – хирург. Аркадий – учитель. Александр – агроном. Сергей, кажется, речник. Владимир – лесник, Алеша, погиб в 14 лет.

У Марии Николаевны – дочь Люся.

У Люси – сын, когда я ее видел в Ильинском, она была в положении, т. е. вскоре родила еще ребеночка, второго правнука отца Николая. Где они сейчас, я не знаю.

У Юлии Николаевны – приемный сын Коля. Он умер. Родные его, жена, дети, живут в Ильинском.

У Николая Николаевича, хирурга в Ульяновске, награжденного за свой труд орденом Ленина, – два сына: Борис и Лева.

Борис – участник ВОВ, награжден медалью «За отвагу» и орденом Славы. После войны окончил МГИМО, работал в наших посольствах в Египте и Сирии. В настоящее время – научный сотрудник ЦАИ – центра арабских исследований одного из отделов Института востоковедения АН Российской Федерации, доцент, преподает арабский язык на 5-ом курсе Восточного университета, живет в Москве.

Лева – выпускник высшего военно-морского училища, капитан дальнего плавания. Жил в Риге. Умер в прошлом году в возрасте 70 лет. У Левы – приемный сын. Где он? Чем занимается? Не знаю.

У Сергея Николаевича и его жены Зои – дочь Руфина и сын Коля.

Руфина Сергеевна – участница ВОВ. Штурман эскадрильи женского авиационного полка ночных бомбардировщиков, Герой Советского Союза. Живет в Москве.

У Руфины и ее мужа Михаила Пляца, тоже военного летчика, полковника, – дочь Марина.

У Марины – дочка Катя, праправнучка отца Николая, студентка.

Владимир Николаевич – это мой отец. У него и моей мамы Людмилы Васильевны – трое детей: Катя, Коля и Боря.

У Кати, старшей моей сестры, и ее мужа Алексея Васильевича – двое детей: Людмила и Сергей. У Людмилы, учительницы в Березниках, – две взрослые дочери, живут в Перми.

У одной из них, Ирины, недавно родилась дочка Юля, праправнучка отца Николая. У Сергея, он врач-стоматолог в Верещагино, – сын, еще один праправнук отца Николая, нынче будет поступать в первый класс.

У Бори и его жены Нади – дочка Ксюша, поэт, драматург. В Перми у нее издан сборник стихов, в областном драмтеатре поставили ее пьесу. В ТЮЗе идет спектакль по рассказам В. Шукшина, инсценировка Ксении Гашевой. У Ксюши – дочь Катя, еще одна праправнучка отца Николая, студентка педуниверситета.

Коля – это я. У нас с Ниной Васильевной – две дочери: Александра и Наташа.

У Александры, мы ее называем Сашенька, и ее мужа Ивана Маленьких, артиста театра «У Моста» – две дочери: Соня и Марина. У Марины, тоже артистки театра «У Моста», – сын Никита, ему 4 года. Это мой правнук, т. е. праправнук отца Николая.

У Натальи, нашей младшей дочери, доктора культурологии Пермского института искусств и культуры, – дочь Лиза, студентка этого же вуза. Она – праправнучка отца Николая.

Таким образом, – у отца Николая около десяти правнуков и правнучек.

Ближайшие родственники отца Николая, живущие сейчас на земле, его внуки: Руфина Сергеевна Гашева, Борис Николаевич Гашев, Николай Владимирович Гашев.

Из нас троих – только Руфина в 3-4-х летнем возрасте видела отца Николая в селе Ильинском, общалась с ним, лично от него, своего деда, получила божье благословение на всю свою жизнь.

От автора

Зимой 1930 года чекисты арестовали деда. В пермской тюрьме в Разгуляе «тройка» осудила старого, больного человека по статье 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) на три года лагерей на севере Урала, где он и принял мученическую смерть.

В 2000 году Архиерейский Юбилейный Собор Русской Православной Церкви, проходивший в Москве под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, канонизировал отца Николая, причислил его к лику святых новомучеников.

Нас воспитывали на положительных примерах

В книге иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия», подготовленной по благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и вышедшей в 1996 году в Твери, среди десятков тысяч священнослужителей, замученных и убитых за веру большевиками, за убеждения, есть фотография и жизнеописание Николая Михайловича Гашева, священника Пророко-Ильинской церкви в селе Ильинское Пермской области. Это мой дед по отцовской линии. В январе 1930 года по обвинению в антисоветской агитации (статья 58-10 тогдашнего Уголовного Кодекса Российской Федерации) он был арестован и по приговору «тройки» Пермского окротдела ОГПУ, выслан на север Урала сроком на три года. Там 62-летний больной старец и погиб. Причем ни его дети (а семья у отца Николая была большая – шестеро сыновей и три дочери), ни мы, его внуки и правнуки, не знаем, где находится его могила, а значит, не имеем возможности поклониться его праху. На все запросы в архивы следует один ответ: «Место захоронения неизвестно».

Село Ильинское, 1918 год.

Уничтожив священника, вычеркнув его из жизни, безбожная власть, очевидно, рассчитывала предать его полному забвению, вычеркнуть навсегда из памяти людей.

Странно, но в детстве я не помню, чтобы в семье нашей говорили о деде. Хотя что тут странного: отец мой, Гашев Владимир Николаевич, испытавший на себе, каково при советской власти быть сыном священника (его, мечтавшего стать врачом, исключили из университета с формулировкой «социально чуждый элемент»), старался, наверное, нарочно отгородить нас, своих детей, от деда. Потрясло его в юности, как я теперь понимаю, и самоубийство 16-летнего брата Алеши. Говорили, что девушка, в которую Алеша влюбился, с презрением отвернулась от него, не захотела иметь ничего общего с поповским сыном.

Отец воспитывал нас, так сказать, на положительных примерах. В нашем верещагинском доме с самой войны рядом с отрывным календарем был приколот кнопками к стене вырезанный из газеты портрет Руфины Сергеевны Гашевой, нашей двоюродной сестры. Она, внучка отца Николая, во время

войны была штурманом эскадрильи самолетов женского авиационного полка ночных бомбардировщиков, совершила 848 боевых вылетов, награждена Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Участвовал в Великой Отечественной и еще один внук отца Николая – Борис Николаевич Гашев. В январе 1943 года он, тогда еще ученик 10-ого класса одной из школ Ульяновска, был призван в армию. Сначала, как и его двоюродная сестра Руфина, хотел стать летчиком и даже уже был зачислен в летное училище, но подвело зрение – слишком много читал в школьные годы. Тогда его направили в училище связи.

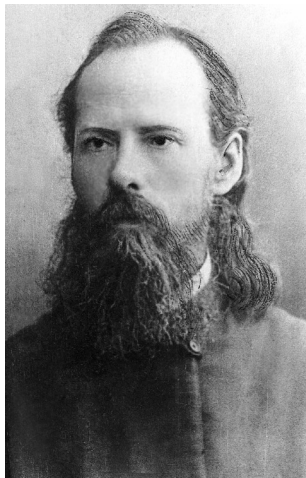
Война для рядового солдата, связиста-корректировщика артиллерийского огня Бориса Гашева началась в районе Рославля в составе сибирской стрелковой дивизии, а Победу встретил в Германии, на Эльбе. На плацдарме перед Франкфуртом командир пехотного батальона как-то сказал Борису:

– Гашев, у тебя странная фамилия. Недавно недалеко отсюда, в Польше, был сбит наш самолет У-2, одна из летчиц осталась жива. И у нее та же фамилия, как и у тебя, Гашева. Не родственница тебе?

Вот так Борис узнал, что его двоюродная сестра Руфина, дочка дяди Сергея, воюет с ним рядом, почти на одном участке фронта.

С удовольствием рассказывал отец и о своих братьях и сестрах. Александр был учителем, Анатолий – агроном, Сергей, отец Руфины – речник, плавал по Каме на пароходе. Маша стала провизором, Валентина – бухгалтером, Юля – медсестрой. Отец тоже обрел специальность – после того, как его отчислили из университета, окончил лесоустроительный техникум, всю жизнь работал в лесничествах, в леспромхозах.

Особенно гордился отец старшим братом Николаем. Во время гражданской войны он был красным командиром. Это,

*Священник Гашев
Николай Михайлович –
отец Николай.*

по-видимому, и спасло его от отчисления из университета, где он учился на медфаке в одной студенческой группе с моим отцом. Отец не без гордости рассказывал, что на вступительных экзаменах в вуз именно он, Владимир, написал за Николая сочинение – у старшего брата было плоховато с грамотой, многое перезабыл на гражданской войне. Николай закончил медфак, стал хирургом, славился умением делать самые сложные операции, в том числе и на сердце, был награжден орденом Ленина. Примером для нас были и сыновья старшего брата Николая – Боря и Лёва. Один из них, Лёва, – моряк, капитан дальнего плавания, другой – Борис, после войны окончил МГИМО, – на дипломатической службе, работал в нашем посольстве в Сирии, в Египте.

Так вот: о братьях и сестрах своего отца мы знали все, а об их отце Николае Михайловиче, нашем дедушке, – ничего. Как будто его и не было никогда на свете...

Однажды, работая в областной газете «Звезда», я приехал в командировку в Ильинский район, в отдаленную деревню. Меня определили на ночлег в дом к двум старичкам. За ужином они стали расспрашивать меня, кто я такой, откуда.

– Гашев? А у вас в Ильинском родня есть? Ах, Юлия Николаевна – ваша тетя? Значит, вы внук отца Николая!

Из человека постороннего, чужого я как бы сразу стал для этих старичков родным и близким. Они знали деда, хорошо помнили его, оба были прихожанами Пророко-Ильинской церкви, в которой служил отец Николай. Старушка называла себя его «сестрой», старик – «братом». При этом оба они смотрели на меня так, будто я, внук отца Николая, нес в себе частицу его веры, его доброты, его святости («неслучайно вас тоже нарекли Николаем!»).

Мне было стыдно, что я ничего не могу рассказать этим двум людям о судьбе деда. А ведь у меня была возможность узнать все, как говорится, из первых рук. Летом 1945 года, когда жизнь в послевоенной стране была особенно трудной (мы, например, в Верещагино питались летом пиканами да супом из крапивы), родители отправили меня, 12-летнего пацана, в Ильинское к тете Юле. Там же у своей младшей дочери жила Капитолина Андреевна, моя бабушка, вдова отца Николая.

Помню, как к ней каждый день приходили старушки, они вместе молились, постоянно говорили о Боге, о разных церковных

праздниках. Наверняка шла речь и об отце Николае, его судьбе, но мне даже в голову не приходило прислушаться или попросить бабушку рассказать о нем, поинтересоваться, почему люди со всего села тянутся к ней, почтительно слушают ее, называют «матушкой». У меня были какие-то свои мальчишеские дела и заботы. Летом 1953 года, когда я уже был студентом университета, мы с отцом приехали в Ильинское на похороны бабушки Капитолины Андреевны. Ее кончина собрала всех сыновей и дочерей. Вместе со своими дядьями и тетями я провожал покойницу на кладбище, куда собралось, наверное, все село, сидел за поминальным столом, где желающих сказать доброе слово о бабушке пришлось рассаживать в три-четыре очереди. Нет сомнения, что говорили тогда не только о бабушке, но и о ее муже, отце Николае. Слушать бы, запоминать, наматывать на ус! Но мне будто воском залили уши. Я, студент филфака, тогда увлекался поэзией Маяковского, даже сборник его привез с собой и, уединившись, читал его ломаные строки.

Возвращение к истокам

Отец о дедушке говорил неохотно, будто не доверял мне, опасался, что я каким-нибудь неосторожным словом оскорблю память о дорогом ему человеке. Однажды рассказал, как в декабре 1918 года (отцу тогда было 12 лет) в Ильинском вспыхнул мятеж расквартированного там 10-го кавалерийского полка. О жестокости этого восстания в тылу красных можно судить по количеству жертв: в Ильинском и его окрестностях было расстреляно около 800 человек!

Когда красные войска перешли в наступление, многие ушли с Колчаком в Сибирь. Так сделал, например, священник Ильинской церкви отец Евграф. Он и деда нашего уговаривал бежать: красные, мол, не пощадят.

Но дед остался. Не мог он бросить на произвол судьбы свою огромную семью. Когда части Северного экспедиционного корпуса особой бригады с боем ворвались в село, отец Николай даже прятаться не стал. Спокойно ходил по улицам в своей длинной рясе, вызывая изумление красноармейцев. Для многих из них каждый поп был контрреволюционером, по законам военного времени его следовало немедленно «поставить к стенке».

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ
г. Пермь

24 августа 1990 г.

№ 13/575-90

СПРАВКА

о реабилитации

Дана на Ташева Николай Михай-
фамилия,

Лобаса, 26 ноября 1868 года рождения,

уроженца с. Зеленского Зеленской
время и место рождения

волости Пермской губернии

до ареста 5 января 1930 г., работавшего
дата

священником с. Ильинского Пермской области
место работы и должности

в связи с необоснованным привлечением к уголовной ответственности в 1930 году за антисоветскую деятельность, в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.89 года признан реабилитированным.

Прокурор области

старший советник юстиции

И. Ю. Лумнов

исп. Сажкин А. С.

Справка о реабилитации отца Николая.

Арестовали деда только через 11 лет – в январе 1930 года. Из Ильинского его увезли в Пермь, в следственный изолятор. Отец, тогда еще студент университета, добился свидания с ним. Дед был тяжело болен, с трудом передвигал ноги. Не прошли для него бесследно этапирование ночью из Ильинского на станцию Шабуничи, оттуда поездом в Пермь, допросы с пристрастием по ночам.

– Я собирался подбодрить его, – рассказывал мне отец, – а как увидел, не выдержал и заплакал... Тогда он сам стал меня успокаивать, утешать. О маме расспрашивал, о всех нас. «Передай, что чувствую себя хорошо. Я ни в чем не виноват. Ничего дурного мне не сделали и сделать не могут...»

И еще один эпизод из рассказа отца врезался в память – как бабушка Капитолина Андреевна получила разрешение навесить мужа в лагере. Сначала она разговаривала с начальником лагеря. Он предупредил ее, что дед очень плох, не сегодня-завтра умрет.

– И знаешь, какой совет дал начальник? «Если не хотите, чтобы старика сбросили в общую яму, сегодня же закажите ему

гроб и могилу». И вот, представляешь: мама разыскала отца в бараке и с него, еще живого, снимала мерки для гроба...

Какое же преступление совершил отец Николай? В чем его вина? За что он принял мученическую смерть? Ближайшие родственники Николая Михайловича – его жена Капитолина Андреевна, его сыновья и дочери, которые больше всего пострадали от его ареста и высылки – увы, уже не получают ответа на эти вопросы. Никого из них нет в живых. Но есть мы, внуки и правнуки отца Николая, и нам, а также нашим детям, детям наших детей, далеко не безразлично, кто такой наш предок.

Что же произошло в Ильинском?

В 1990 году я написал письмо в Комиссию Священного Синода по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Православной Церкви, которую возглавлял Митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир. Рассказав о судьбе своего деда отца Николая, священника храма Пророка Ильи в селе Ильинское Пермской области, я попросил Комиссию Священного Синода сделать все возможное, чтобы его, осужденного в 1930-м году по статье 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация), поскорее реабилитировали, вернули доброе имя. При этом я перечислил всех сыновей и дочерей Николая Михайловича и Капитолины Андреевны и кем они стали: Николай – хирург, Анатолий – агроном, Александр – учитель, Владимир – технический руководитель в леспромхозе, Мария – провизор, Юля – медицинская сестра... Назвал я и внуков отца Николая, особо выделил Руфину Сергеевну Гашеву, летчицу, Героя Советского Союза, сказал, что среди его внуков и правнуков есть дипломат, капитан дальнего плавания, поэт, журналист, три доцента и кандидата наук: «За одно то, что после моего дедушки Николая Михайловича осталось такое потомство, – таким выводом завершил я эти перечисления, – государство давно должно повиниться, вернуть доброе имя безвинно замученному священнослужителю, широко оповестить об этой реабилитации всех его родных и близких, а также и прихожан в Ильинском».

И каково же было мое изумление, когда, перечитывая в сентябре 2008 года еще раз уголовное дело отца Николая в

*Храм Ильи Пророка,
накануне его полного разрушения.*

государственном общественно-политическом архиве Пермского края, я обнаружил там аккуратно подшитое в самом конце, после решения «тройки» о высылке подсудимого Н. М. Гашева на север Урала, это мое собственноручное письмо Митрополиту Ростовскому и Новочеркасскому Владимиру! По-ви-

димому, оно с соответствующей резолюцией или комментариями Митрополита Владимира было отправлено из Москвы в управление КГБ по Пермской области. И уж не это ли заставило чекистов разыскать в своих пыльных архивах дело бывшего священника церкви Ильи Пророка Н. М. Гашева, понять, что он ни в чем не виноват и принять, наконец, решение о его полной реабилитации? Как бы то ни было, но, перечитав свое обращение в Комиссию Священного Синода, написанное почти 20 лет назад, я и сегодня могу подписаться под каждым его словом!

Тогда же, в 1990-м году я вынул из почтового ящика казенный конверт, адресованный мне из КГБ. До сих пор помню: меня всего окатило холодом! Вроде бы ни в чем не виноват, и на дворе уже не 1937 год, а 1990-й. Но страх перед этой организацией – ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ – должно быть, отпечатался в моей геной памяти, передался мне от моего деда отца Николая, священника Ильинской церкви, и от моего второго деда по материнской линии Василия Васильевича Чудинова, раскулаченного крестьянина села Зюкай Карагайского района.

У него было крепкое хозяйство, три коровы, три лошади, да и жил Василий Васильевич в большом пятистенном доме на белом каменном фундаменте, который собственноручно построил на высоком берегу Обвы. Прибавьте еще к этому, что крыша

дома была покрыта железом, а главное – у этого мужика-земледельца была в доме собственная ножная швейная машина марки «Зингер»! И поскольку Василий Васильевич был человек самостоятельный, уважаемый на селе, то зарубежная фирма «Зингер» заключила с ним договор и сделала его своим агентом по распространению швейных машин во всех близлежащих деревнях! По видимому, поэтому его в 1929 году и сочли торговцем, и, как сообщили мне на мой запрос из архивного фонда Карагайского РИКа, внесли в список лиц, лишенных избирательных прав по Зюкайскому сельскому совету. В 30-м году его семью выгнали на улицу из просторной пятистенки на берегу Обвы.

*Гашев Владимир
Николаевич, сын отца
Николая – мой отец.*

Сам же хозяин, самостоятельный, дерзкий, самолюбивый, не стал дожидаться, когда его схватят за шиворот. Тем более, что из сельсовета кто-то шепнул ему:

– Василий Васильевич, ты у них первый в списке!

Ночью, опасаясь, что за домом установили наблюдение, он вылез из кухонного окна, на плоскодонке переправился через реку и, отмахав за ночь около сорока километров, сел на станции Менделеево на поезд и уехал в Пермь. Бабушка рассказывала потом, как разозлились чекисты, не обнаружив хозяина. Перерыли весь дом, вилами протыкали сено в сарае, в конюшне. Старший поспешил в сельсовет, чтобы организовать погоню, во что бы то ни стало задержать беглеца.

А дед даже не прятался в Перми, по своим собственным документам устроился сторожем на кондитерскую фабрику. И даже ухитрился построить собственный дом вблизи завода «Красный Октябрь»! Правда, не пятистенок, как в Зюкае, а дощеник, в котором для сохранения тепла насыпали между досок обыкновенные опилки. Мы – мама, сестра Катя, маленький Борька и я – жили в этом промерзающем насквозь дощанике зимой 41 года, когда нашего отца осудили и посадили на год за ... хулиганство! Человек исключительно мягкий, добрый,

интеллигентный, он, выпивший, возвращаясь из Перми в Верещагино, не смог быстро нащупать в кармане железнодорожный билет, купленный в кассе на Перми второй.

По-видимому, контролер сказал ему что-то очень обидное, оскорбил его, поэтому отец в ответ назвал его... паразитом! И все – за одно это слово отца тут в вагоне взяли под белые руки, посадили в кутузку, а на другой день осудили на один год заключения за колючей проволокой. Свое наказание отец отбывал в Перми, в Ераничах, где, как он сам мне рассказывал, около 600 таких же, как он бедолаг, на ночь загонялись в огромную яму, закрытую сверху от дождя и снега щелистой крышей из плохо обструганных плах. Это был первый год войны, заключенных кормили безобразно, многие из них заболели, каждую ночь в яме умирало по несколько человек. Поскольку отец был чуть ли не единственным образованным человеком среди заключенных, то лагерное начальство потребовало, чтобы именно он каждое утро докладывал, сколько человек умерло и сколько заключенных можно выгнать на работу. Блатные, которые даже в этой яме старались верховодить, потребовали от отца, чтобы он ни в коем случае не называл точную цифру покойников, а наоборот – занижал ее, тогда оставшиеся в живых могли рассчитывать на дополнительный черпак баланды, на лишний кусок хлеба. И отец вынужден был подчиниться и жить по этому жестокому лагерному закону: умирай ты сегодня, а я – завтра. Он даже пользовался каким-то авторитетом у блатной верхушки. Один раз, рассказывал он мне, вор поделился с ним украденным у кого-то из заключенных салом.

– Бог наказал меня за это: у меня начался страшный понос! Я до того ослабел, что думал уже: все, умираю. И знаешь, кто спас меня? Тот самый ворюга! Принес мне полстакана самогона. Украл, конечно... Я выпил и стал поправляться.

Я помню, как отец зимой в страшный мороз прибежал к нам в дедовский дощаник на «Красном Октябре». Я сидел у окна, потому что из-за отсутствия обуви только один месяц проучился в первом классе. Отец в сером ватнике, в такой же серой шапке-ушанке с каким-то потертым, желтым баулом за спиной пробежал по нашему занесенному снегом дворику. Когда он в клубах морозного воздуха (никаких сеней в дощанике не было – дверь из комнаты сразу распахивалась на улицу),

переступил порог, мы все – мама, сестра Катя, Борька и я, бросились к нему.

– Нет, нет! – закричал он. – Вши! Я весь во вшах!

Тут же у порога он содрал с себя верхнюю одежду, выбросил ее на мороз, а потом дед, бабушка и мама долго кипятили воду на раскаленной плите подтопка и отмывали, отмывали отца в корыте.

Из Перми, из промерзающего насквозь дощаника деда Василия наша семья снова переехала в Верещагино, где отец сразу стал работать в том же леспромхозе и в той же должности, что и до странного столкновения с железнодорожным контролером из-за такого страшно оскорбительного слова – «паразит». А может, это было Божье испытание отца и всех нас, его родных и близких, на прочность? Ведь впереди у нас была еще долгая и очень непростая жизнь. Кстати, и Василий Васильевич Чудинов, мой дед по материнской линии, вскоре тоже перебрался к нам в Верещагино. Мы и проводили его в последний путь, похоронили.

...В начале 80-х я был в командировке в Карагайском районе, и, конечно, не преминул завернуть в село Зюкай, где до раскулачивания жил мой дед Василий Васильевич Чудинов и его семья. Здесь же, в этом уральском селе мой отец Владимир Николаевич Гашев, молоденький выпускник лесоустроительного техникума, познакомился и полюбил мою маму Людмилу Васильевну Чудинову. Поразительно, но почти через семьдесят лет после того, как все это произошло, мне удалось встретиться в Зюкае с пожилой женщиной, которая помнила и моего тогда совсем молоденького отца и веселую, кареглазую хохотушку Милку Чудинову, в которую влюбился приехавший из Перми лесничий! Она, эта старушка, а тогда тоже совсем молодая девчонка, работала в лесничестве уборщицей, нередко стирала отцу его белье, готовила для него, доброго, очень внимательного к людям, красивого (это она особенно подчеркнула, потому что этот приезжий молодой человек тоже, очевидно, нравился ей) обеды и ужины.

А вот дом Чудинова, пятистенок на каменном фундаменте, под железной крышей, я уже, увы, не увидел. Его сожгли дотла. Хотя после того, как дед сбежал ночью в Пермь, а его семью, как семью кулака и торговца, агента фирмы «Зингер», выгнали на улицу (спасибо, что не выслали куда-нибудь в Сибирь или

на север Урала!), в просторном доме Чудиновых размещался сначала детский сад и ясли, а потом – фельдшерский пункт, вернее, небольшая сельская больничка.

Отчего случился пожар? Случайная искра? Поджог? Никто не знает. Теперь в том месте, где стоял пятистенок на крутом берегу Обвы, – гладкая, присыпанная снегом, площадка. Разрушили семью, погубили хорошее крепкое крестьянское хозяйство, вынудили хозяина сбежать в город. И вот, как итог всех этих разрушений, – сожгли и дом Чудинова. Уничтожили все, что было связано с этим человеком, с его прошлой жизнью...

«Карающий меч революции» безжалостно рубанул и по близким моей жены. Деда ее, Григория Афанасьевича Веретенникова, который своим трудом и талантом выбился из бедности, стал владельцем нескольких булочных и пекарен, большевики разоряли дважды – сначала после гражданской войны, потом после нэпа. По приговору «тройки» его тоже сослали куда-то на север, но он ухитрился сбежать, долгое время прятался в подполе в доме своей дочери Тони, сельской учительницы. Кто-то из деревенских донес. Старика вытащили из подпола, избили и снова отправили на лесоповал. Дочку его Тоню за то, что прятала отца, лишили учительского продовольственного пайка. Дескать, детей продолжай учить, но кормить мы тебя не будем!

Вот так сразу трем нашим семьям почти одновременно подрубили корни. А сколько их было таких подрубленных, разоренных семей по всей стране!

По приговору «тройки»

И вот я в областном управлении КГБ, в комнате, которая специально предназначена для разговора с родственниками невинно репрессированных людей. Дело моего деда, начатое 5 января и законченное 13 января 1930 года (всего за неделю управились чекисты!), насчитывает всего 24 страницы. К первому листку, где оперуполномоченный Ежов рапортует начальству об аресте священника, приколоты канцелярской скрепкой две крохотные фотографии отца Николая, сделанные, очевидно, в тюрьме. Высокий лоб с залысинами, впалые щеки, окладистая, почти белая борода, под глазами мешки, взгляд направлен куда-то внутрь себя.

Из рапорта оперуполномоченного ОГПУ Ежова явствует, что 30 декабря 1929 года в селе Ильинское состоялось два схода. На одном из них с лекцией «Был ли Христос» выступил хорошо подготовленный лектор из Перми. Основываясь на том, что религия – опиум для народа, тут же на сходе было принято решение о немедленном закрытии церкви в Ильинском.

А в это время священник отец Николай, церковный староста Н. Л. Ермаков, «сестра» А. Н. Кичигина собрали в храме верующих. Неизвестно, сколько людей слушало лектора-атеиста, а в храме, как значится в рапорте, собралось около четырех сотен прихожан.

Назвав это собрание верующих в храме «подпольным антисоветским сборищем», оперуполномоченный Ежов обвинил отца Николая в антисоветской агитации. Нашлись и свидетели. Одна из них показала на допросе: «Священник Гашев вел яростную агитацию среди верующих, говорил, что надо во что бы то ни стало отстоять церковь, призывал биться за нее с советской властью до последней капли крови, указывал при этом на пример первых христиан, принимавших смерть за веру...» А вот показания курсанта – батрачки (были, оказывается, и такие категории людей в деревне!): «Священник Гашев ходил по приходу с иконой Богородицы, говорил родителям, чтобы они не пускали детей в комсомол, потому что ничему хорошему их там не научат». Нашелся свидетель, который заявил, что отец Николай агитирует против колхозов. А учитель местной школы, кстати, сам в прошлом священнослужитель, но, как он сказал, «отказавшийся от Евангеля», заявил, что отец Николай и вообще церковь мешают воспитывать детей в коммунистическом духе.

Не хочу называть фамилии тех, кто своими показаниями обрек деда на арест и гибель. И не потому, что их уже нет в живых и они не могут оправдаться, объяснить, почему тогда, в январе 1930 года, поступили так, а не иначе. У них ведь тоже, наверное, остались дети, внуки и правнуки. Не хочу, чтобы зло передавалось из поколения в поколение.

Однако даже тогда, в той обстановке, когда всякое доброе слово о священнике могло навлечь беду и даже погубить человека, его семью, нашлись в Ильинском люди, которые не побоялись защитить отца Николая. Например, 72-летняя Манефа Петровна Черных прямо заявила на допросе оперуполномоченному Севастьянову:

– Наш священник Николай Гашев – очень хороший человек. Службу в храме ведет аккуратно, не пьет. В селе его все любят и уважают.

А 73-летний Сергей Дементьевич Кузнецов вдруг вспомнил на допросе, как крестил в церкви свою внучку:

– Лето было, сенокос. Пришли мы с ребеночком домой к отцу Николаю, а он как раз с сыновьями сено метал на сеновал. Белая рубаха вся в поту, в руках вилы. Идите, говорит, в церковь, я сейчас, только переоденусь...

– Ну и что? – попытался остановить старика оперуполномоченный. – Зачем ты об этом? Белая рубаха в поту, вилы?

– Да у него же семья большая! Он, как все мы, крестьянствовал. Сам косил, сам пахал, сам хлеб собирал... Вот и на этот раз – оставил все свои дела, пришел в храм. Как положено, окрестил внучку... Она его в купели за бороду схватила ручонками! Так все смеялись! Она и сейчас у нас растет бойкая, озорная девчонка...

А вот фамилии тех, кто судил отца Николая, решал его судьбу, приговаривал старого больного человека к мучительной смерти в лагере на севере Урала, сохранились для истории с их собственноручными подписями и резолюциями в материалах уголовного дела. Кстати, а почему «уголовного»? Будто дедушка мой, священнослужитель, украл что-то или кого-то ограбил? Да нет же! Нет! Вся вина его заключалась только в том, что он верил в Христа, призывал своих прихожан молиться, отстаивать свое право посещать церковь, пятиглавую красавицу на берегу Обвы, построенную, как известно, по проекту знаменитого русского архитектора Воронихина! И вот за это, только за это, его, как уголовного, решили привлечь к ответу?!

Перепечатаваю дословно, без всяких исправлений и вычеркиваний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ВОПРОСУ

1930 года Января 13 дни. Я. Дьяк. Уполномоченного 1-го Собрания Пермского округа ОПУ - СЕВЕРЯКИН, рассмотрев следственное дело № 8, по обвинению ГИШЕВ Николая Михайловича по 58-10 ст. УК

И. Д. В. Д.:

В декабре месяце 1929 года в Пермский округ ОПУ поступили следующие сведения, что священник с. Ильинского, Пермского округа ГИШЕВ Николай Михайлович, под видом религиозных проповедей и бесед ведет агитацию против Советской с целью подорвать авторитет последней среди религиозных масс, с этой же целью устремляет навлечь на соборы верующих.

Проведенным следствием указанные факты подтвердились и установлено следующее:

ГИШЕВ Николай Михайлович, по убеждениям старокаменник, пользуется своей нестройной популярностью среди религиозного населения, своими проповедями побуждал верующих к выступлению против Советской власти, так, например, в декабре месяце 1929г. на собрании верующих ГИШЕВ призвал всех присутствующих накопить боту за то, чтобы их церковь не оборвали большевики. На этом же собрании священник ГИШЕВ с выносом проповедей вразумлял речь следующего содержания: "привославная церковь в условиях Советской власти перемещает точку зрень толения, что еще за время существования христианства такой темени следовать не приходится" (д.л.д. 6, 10, 11). Помимо подобных проповедей, священник ГИШЕВ шел с верующими частные беседы на тему о великом Советской власти над церковью и над крестьянами-зрудниками, так, например, во время заседания ГИШЕВ вел разговор с крестьянами следующего характера: "звучные Дозина мне повелю: на меня наложены непосильный налог, который я выполняю не в состоянии. Брак многогосподствующий Советской власти, не разбавляя при-

знава на пример первых христиан, страдавших и подвергавшихся гонения за слов великую правдность веры христовой, но на него преступного в таких бедах не находил (д.л.д. 16).

На основании указанного, а также руководствуясь приказом ОПУ от 1924 года за № 172 -

И. Д. В. Д. В. Д.:

- 1. Настоящее следственное дело направить на рассмотрение Общого Собрания при Коллегии О.Г.П.У.
- 2. Преставленного по делу ГИШЕВА Николая Михайловича перечислить с него для дальнейшего содержания за Коллегией ОПУ.

ОПРАКА: Преставленный ГИШЕВ находится под стражей в Пермском Исполгоре № 1 с 19/11/1930 г. Временный Ассистент по делу не имеет;

ПОМ. УПОМОМ. 1-го отг. *В. Минин* (Секретарь нов) (Хоровакин) "УТВЕРЖАЮ" НАЧЕРТОПТИ

В. Минин
Секретарь нов
Хоровакин
УТВЕРЖАЮ
НАЧЕРТОПТИ

ли, представляя, темка же участь свидетел и меня, если бы не опомте мне и великая же насилие большевиков. Советское ПР вдало не только издеваться над духовенством, применяя различные непосильные познания, оно также встретится обла- чать непосильными налогами и смене церковные организации. овская власть не только на грешных облагает налогом, но : худшее крестьянство, вырывает от мужиков только деньги леб, дьяволокло, но готовы срыгать и поладнее. Советом от Об- еской власти житья не стало (д.л.д. 8, 9, 10, 11). По повору олективизации священник ГИШЕВ говорил среди верующих: пока нет еще у нас коллективизации, я службу сколько желаю оружке, а как только придет коллективизация, всех верующих оставят отсызаться от бога и изкохоя в поладнее. Советом от Об- тмнство не будет вымещать церковь и нас" (д.л.д. 9, 10, 12). ГИШЕВ также указывал верующим: "не надо давать детям выписывать в комсомол, тем никому хорошему их не научат, лишь призываят они так развратничать" (д.л.д. 7).

На основании всего вышесказанного - ГИШЕВ Николай Михай- онч. 1887г. рож., великорос. из крестьян Пермского губ. Пермско- ого Уезда, Успенской вол. с. Успенского, женат, на иждивении два сына, образование - двухклассная школа, профессия-служи- ель религиозного культа, в настоящее время священник с. Иль- инского Пермского округа, не судим, на учете в/обязанных не состоит по возрасту, но ареста представлял в с. Ильинское, Пермско- о округа - О Б В И Н Д Е Т С Я по 58-10 ст. УК.

Допрошенный обвиняемый на вопрос о причинах побуждения го к антиговетской агитации, пояснил, что он действительно был с верующими беседы на религиозные темы, в которых при- выл верующих чаще молиться и укреплять веру Христу, Ему.

Семьи с подрубленными корнями

Сразу после опубликования в «Звезде» моего очерка о судьбе отца Николая «Мерку для гроба снимали с живого» (14 декабря 2000 г.) мне неожиданно позвонил Владимир Михайлович Ширинкин, тоже журналист, мы с ним знаем друг друга и дружим еще со студенческих лет в университете:

– Ты написал, что к судьбе твоего деда приложил руку некий Севастьянов? Оперуполномоченный? Так вот: этот Севастьянов сломал жизнь и моему деду, Ширинкину Александру Дмитриевичу! В том же 30-м году!

– Значит, и твой дед, Володя, был священнослужителем?

– Крестьянином был, крепким, зажиточным. И одновременно выполнял обязанности старосты храма в Юго-Камске. Ты, наверное, даже не знаешь, что в Юго-Камске был прекрасный собор? Взорвали. Разрушили до основания, как и церковь в Ильинском. Судили моего деда по той же статье – 58-10. Я знакомился с его уголовным делом. У деда была в доме кухарка, он ей сказал на кухне: «Что-то большевики никак не могут наладить отношения с нашим братом, с мужиками-крестьянами...». Вот и вся его вина. Приговор вынесли 11 сентября, а уже через два дня привели в исполнение – расстреляли!

Это надо же! Знаешь человека много лет, общаешься с ним, и вдруг выясняется, что у нас с ним одна беда – предков наших, основателей рода, в один и тот же год арестовали по вздорному обвинению, осудили как «врагов народа»! Только одного сразу убили, а другого замучили в лагере, за колючей проволокой. А началось все с одного и того же оперуполномоченного Севастьянова! Сколько же человек еще обрек на страдания этот ретивый борец с духовенством?

Был и еще один неожиданный звонок после той моей публикации в «Звезде», причем не из нашей Пермской области, а из какого-то городка недалеко от Екатеринбурга. Какая-то женщина настойчиво допытывалась у меня, не было ли у отца Николая брата или еще каких-то из родных, тоже верующих в учение Христа, готовых, как отец Николай, пострадать, если надо, за веру?

– А в чем дело? Я не очень понимаю?

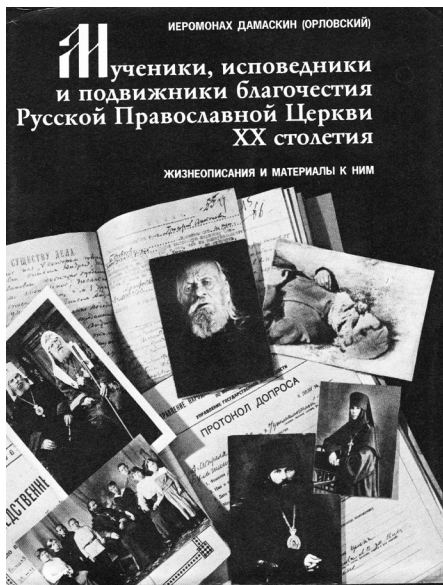
– У нашего священника была такая же фамилия: Гашев!

Однофамилец? Или действительно какой-то родственник? В 70-х годах Надя Гашева, жена моего брата Бориса, тогда редактор Пермского книжного издательства, готовила какую-то

краеведческую книгу о Прикамье и в одной из старинных летописей наткнулась на такие строки: «В 1643 году в деревне Подвинцево жил крестьянин Артем Гашев, сын Федора». Не от него ли, крестьянина Артемки Гашева из деревни Подвинцево, и пошел наш род Гашевых? Во всяком случае Николай Михайлович Гашев, наш дед, родом тоже из Чусовского района. Он родился 26 ноября 1869 года в деревне Успенка, где, говорят, и сегодня Гашевы почти в каждом доме. Кстати, как свидетельствует старинная летопись, в 1581 году в той же Успенке на берегу Чусовой атаман Ермак получил благословение на свой легендарный поход в Сибирь...

То, о чем рассказала женщина, было по-настоящему страшно: священника Гашева, однофамильца нашего отца Николая, борцы с «опиумом религии», как тогда говорили, воинствующие атеисты, ... ра-с-пя-ли!!! Очевидно, священник поспорил с теми, кто явился закрывать церковь, не захотел отдавать храм на поруганье. И тогда они гвоздями приколотили его к стене храма!

До какого же состояния ненависти и озлобления к церкви, к священнослужителям, вообще к любому, кто думает не так, как требуют власть предержащие, надо довести людей, чтобы они опустились до такого зверства! Во вступлении к книге «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (Тверь, издательство «Булат», 1996) Патриарх Московский и Всея Руси Алексей Второй так сказал об этом времени: «Двадцатое столетие – особое время в жизни Русской Церкви. Это – эпоха невиданных гонений за веру, по своим масштабам, циничности, коварству и жестокости превосходящих все,

Книга «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия».

что когда-либо выпадало на долю последователей Христовых». А составитель этой книги иеромонах Дамаскин (Орловский) высказался по этому поводу еще более резко и определенно: «За двадцать первых лет советского строя Русская Православная Церковь была почти уничтожена». В книге собраны многочисленные высказывания, служебные записки, речи вождей революции – Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Молотова, требующие от властей на местах ужесточить борьбу с церковниками.

В книге «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» – более пятисот страниц и около двухсот из них посвящено нашей Перми и области. Читать их страшно.

Архиепископа Пермского Андроника чекисты живым закопали в землю, предварительно заставив самому себе вырыть могилу; 21 сентября расстрелян священник Свято-Троицкой церкви Константин Широкинский; в ночь с 3 на 4 декабря утоплены в Каме священники Воскресенской церкви Иоанн Пьянков и Алексей Сабуров; священник заводского юговского собора Алексей Стабников расстрелян 21 сентября; священник единоверческой церкви села Сретенского Петр Вяткин расстрелян 9 октября; диакон села Сылвино-Троицкого Василий Кашин 4 декабря расстрелян вместе с десятью прихожанами своей церкви...

И так далее в том же духе: сотни, тысячи убитых священнослужителей! Пермская земля обильно полита кровью новомучеников, и где их мощи – неизвестно, кроме того, что лежат они в пределах нашей родной земли...

В августе 2000 года на исходе второго христианского тысячелетия, когда мир праздновал Юбилей Боговоплощения, Русская Православная Церковь принесла плод своих голгофских страданий – великий сонм святых мучеников и исповедников российских XX века. Рассмотрев церковное предание и мученические акты о подвигах новомучеников и исповедников, Архиерейский Юбилейный Собор, проходивший в Москве 13-16 августа, принял решение о прославлении для общецерковного почитания в лике святых новомучеников и исповедников, принявших смерть на пермской земле.

Областная газета «Звезда» (2 ноября 2000 г.) опубликовала имена 92-х новомучеников от Пермской епархии, в том числе: архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, епископа Соликамского Феофана,

настоятеля Белогорского монастыря архимандрита Варлаама и иже с ним 26 убиенных иноков этой обители, 10 протоиереев, 38 священников, 5 диаконов, двух мирян, а также священников и пятерых мирян, замученных большевиками вместе с епископом Феофаном, имена которых не установлены.

В этом длинном списке новомучеников и священник храма Ильи Пророка в селе Ильинском Николай Михайлович Гашев. Причем в газете, где в качестве иллюстрации напечатан снимок «Старшая братия Белогорского монастыря» (1913 год), особо выделена в кружочке последняя прижизненная фотография отца Николая, сделанная во время его заключения в тюрьме в Разгуляе, а также и фотография церкви Ильи Пророка в селе Ильинское, где он служил много лет и откуда был после ареста этапирован в Пермь. Таким образом отец Николай, скромный сельский священник, стал как бы своеобразным символом мученичества и страданий всех новомучеников Пермской земли, которые в годы невиданных гонений на церковь отдали за свою веру в Христа самое дорогое – свои жизни.

В комментариях к этой публикации в «Звезде» журналист и писатель Владимир Михайлюк написал: «С причислением

ЗВЕЗДА

Последняя фотография отца Николая (из уголовного дела)
Ильинской братии, арестованной в 1925 году. Ученые считают, что он стремился выйти по проекту Варлаама
Фото из семейного альбома И. В. Гашева
Старшая братия Белогорского монастыря, 1913 год.

НОВОМУЧЕНИКИ ПЕРМСКИ

В августе текущего года произошло важное историческое событие, касающееся в большой мере Пермского края. На основе отцовских предостережений, когда миру преподает Ильяше Богослововича, Русская Православная Церковь принесла под свяже гитлеровских страданий - великие сомы святыи мучеников и исповедников Российские 22 века. Распространение информации о мучениках и исповедниках в Пермском крае и области.

Статья в газете «Звезда» от 2 ноября 2000 г.

четырёх древних епископов Стефана, Герасима, Питирима и Ионы пермская земля имеет теперь 96 своих святых. Православный люд Прикамья может обращаться к ним с молитвой: «Новомученики пермские, молитесь Бога за нас!»

Подвижники веры и благочестия – это небесные покровители нашей святой и грешной земли. Мы, выросшие в период воинствующего атеизма, страшно далеки от понимания того, что из себя представляют святые. А в книге «Старец Силуан» (М., 1998 г.) о них сказано: «Ради неведомых миру святых изменяются течения исторических и даже космических событий, и потому каждый святой есть явление космического характера, значение которого выходит за пределы земной истории в мир вечности. Святые – соль земли; они – смысл ее бытия, они тот плод, ради которого она хранится».

Вот тут, мне кажется, уместно процитировать стихотворение пермского поэта Игоря Тюленева «Уральские палачи». Кстати, знаменитый писатель Виктор Астафьев, творческий путь которого в литературу начинался у нас, в Прикамье, человек глубоко верующий, любил это стихотворение, при мне не раз цитировал его отдельные строки.

Ты, Урал, не в славе – в сраме,
Между небом и землей,
Здесь царевен сапогами
Пролетарский бил конвой.
Где Свердловск и Алапаевск,
Да и Пермь по грудь в крови,
Не стена и не каюсь,
Жили выродки твои.
Бледные мерцают лица,
Жутко кожанки скрипят –
Хочешь Богу помолиться,
Да чекисты не велят.
Господи! Твой бич разящий
Не коснулся их голов!
Образ твой животворящий
Не испелелил врагов!
За убийцами убийцы в церкви
Бродят меж свечей...
И до гроба мне молиться
За уральских палачей.

Показания самого деда, записанные в пермской тюрьме следователем Севастьяновым, хочется привести полностью:

«Я, Гашев Н. М., привлекающийся в качестве ответчика, показываю следующее: по поводу предъявленных мне обвинений в антисоветской агитации заявляю, что я, как всякий гражданин, отношусь к советской власти лояльно, но не отрицаю, что как священнослужитель должен был ревностно защищать веру Христову и показывать пример в этом своим прихожанам. Поэтому я действительно в церкви призывал прихожан укреплять веру Божью, молиться чаще, указывал на пример первых христиан, страдавших и подвергавшихся гонениям за свою великую преданность вере Христа. Все мои беседы были исключительно религиозного характера. Каких-нибудь высказываний против советской власти в проповедях не допускал, церковную службу проводил по уставу, избегал вообще каких-либо конфликтов с властями.

Поэтому виновным себя в агитации против советской власти не признаю. Никаких бесед против советской власти не проводил и не устраивал никаких нелегальных собраний.

С моих слов записано верно – Н. Гашев».

ТВЕРДО СТОЯЛИ В ПРАВДЕ

Из воспоминаний о священномученике
Николае Алексеевиче Ермолове

Перепишите икону

Такое случается нечасто: в церковь обратились родственники человека, объявленного святым, и попросили... исправить икону, переписать лик святого, сделав его похожим на человека, который был для них родным отцом, дедом. Оказалось, иконописный лик был написан обобщенно, без конкретики, потому что не было в распоряжении художника фотоматериала. Подлинную фотографию новомученика удалось обнаружить (это уже большая удача!), но в комиссию по канонизации фото было предоставлено с запозданием...

Очень непростое и ответственное это дело – канонизация тех, кто жил еще в «нашем» временном периоде, у кого еще живы, быть может, родные и близкие. И память еще так свежа

порой, так болит и стонет... Процесс сбора и проверки данных затягивается на годы, поэтому у современных историков церкви появился новый жанр – документальное жизнеописание. Случай, с которого мы начали наш рассказ, касается судьбы православного священника, чья жизнь одно время была связана с Уралом. Здесь, в Перми жил его сын, Сергей Николаевич Ермолов, год рождения которого – 1913-й.

В последнее время Сергей Николаевич писал воспоминания об отце, о времени, о жизни длиной в целый век. Писал, хотя и руки уж не слушались, как он сам жаловался. Но память работала, память не давала покоя...

Родился он в Уфимской губернии, в башкирских краях. Многодетная семья православного священника Ермолова жила в мире и согласии до тех пор, пока не разразилась революция. Ярko запомнились сыну «попа» события гражданской войны, то, как в их село вошли красноармейцы отряда Азина.

Из воспоминаний Сергея Николаевича Ермолова:

– Они устроили расправу над жителями села Байки, расстреляли несколько человек, в том числе старосту Безденежных Александра Тимофеевича. Очевидно, за то, что жили они побогаче других. Затем отряд Азина двинулся в Пермскую губернию, захватил Чернушку. Там устроили такую же расправу, как и в Байках. Среди расстрелянных был Абашев Иван Данилович, дедушка моей будущей жены. Семья его состояла из пяти человек, земли было мало, потому что её выделяли только на мужчин, а у Абашевых было три дочери. Искали дополнительный заработок. Абашев занялся доставкой жерновов для мельниц в окружающие села. Около села Кишерть есть разработки камня-песчаника, из него вытачивали жернова. Один жернов могли поднять 5-6 мужиков. Иван Данилович вывозил эту тяжесть. Трудились всей семьей, батраков не было... Расстреляли их в Чернушке, а в снег зарыли за селом Тауш, хоронили после отъезда азинцев.

Наша семья – 6 человек – уехали из родного села, потому что близко шли бои между войсками Белой и Красной Армий. Стало известно, что в нескольких селах убили священников. Родители решили уехать на восток, подальше от военных действий. Уезжали на лошади, запряженной в тарантас. Все пришлось распродать в Кургане. И дальше решили двигаться

по железной дороге, в Новосибирск (тогда Новониколаевск), к папиному брату...

На таких семьях держалась Россия

Родом будущий священномученик Николай Алексеевич Ермолов был из обычной крепкой русской семьи, отец служил псаломщиком. Родители сумели дать всем четверем сыновьям хорошее образование. Двое стали священниками, один – профессором Московского ветеринарного института, а четвертый – бухгалтером. Николай окончил Самарскую духовную семинарию (1897 г.), через три года рукоположен в священники. В жены взял Ольгу Ивановну Похваленскую, и родилось у них четверо детей, дочка и три сына, Сергей – самый младший.

Отец Николай был на хорошем счету, его уважали сельчане. Батюшка имел церковные награды: скуфья (1904 г.), камилавка (1910 г.), наперсный крест (1925 г.), палица (1935 г.). В сан протоиерея был возведен в 1928 году. В Новониколаевске отец Николай получил назначение в церковь села Доронино, а с 1924 года стал служить в храме села Ордынское, где и прослужил до 1937 года...

Из воспоминаний Сергея Николаевича Ермолова:

– ...Нашу бедность без слез нельзя описать. Деньги, вырученные от продажи лошади, быстро кончились, часть их, керенки, потеряли ценность. В те годы в сельской местности торговли не было. Летом 1920 года папа тяжело заболел, ему трудно было дышать. Врачей не было, привезли из соседнего села солдата, который на войне был санитаром. Вскрыл нарыв, выпустил гной, но рана долго не заживала, лекарств не было. А осенью папу арестовали. Так больного и увезли, как большого преступника, в тюрьму. И мы ничего о нем не знали.

Мы оказались в очень тяжелом положении. Ни еды, ни дров. Брат Серафим (12 лет) начал работать у крестьян на лошадях: боронил, возил копны сена и т. п. Мама, чтобы зарабатывать на пищу, стала вязать шарфы и шали сельчанам. Ниток не было, мы все распускали старые шали, а Володя (9 лет) мотал клубок. Цену мама не назначала, говорила: «Сколько дадите». Иногда расплачивались недобросовестно,

считая, что нам это легко дается. А так уставали и спина, и глаза, ведь освещения-то не было.

В заключении папа пробыл 9 месяцев, и все время в госпитале. Потом стали искать, кто из заключенных умеет ухаживать за пчелами. В коммунах появились пчельники, отобранные у зажиточных крестьян, а ухаживать-то не умеют, много пчел стало гибнуть. У нас раньше была пасека, папа окончил даже курсы пчеловодов. Отпустили его из тюрьмы, и даже выдали удостоверение инструктора по пчеловодству. Когда ульи поставили на зиму в хранилища (омшаники), папа приехал домой и снова стал служить в церкви.

Очень тяжелыми для зажиточных людей, для священников были те годы, 1920-е. Погибли без всякого суда тысячи людей. Убийства совершались ночами... К нам приходили дважды. Семья жила в страхе. Залезали с лампой в подпол, отсиживались. Где-то к 1922 году убийства прекратились. Мама стала работать учительницей. Районное начальство предлагало ей разойтись с мужем-попом, но она отказалась. В ШКМ (школу крестьянской молодежи) нас, детей «лишенцев», не приняли, пришлось учиться в школах разных сел за сотни километров от дома.

Репрессии: арест за арестом

Причину первого ареста, в 1920 году, даже самому отцу Николаю не сообщили. Судя по всему, священника взяли по подозрению в связях с контрреволюционерами и с Колыванским восстанием (один из многочисленных примеров народных волнений, охвативших Сибирь при новой власти).

С того времени безбожная власть в покое его не оставляла. В 1933 году Ордынский сельсовет обязал гражданина Ермолова в трехдневный срок поставить 100 килограммов мяса. Откуда, как, какими силами? Исполнить это предписание он не смог, и был вновь арестован. Через два месяца освободили. Брата его, священника Павла Алексеевича Ермолова, служившего в церкви села Барабановка Оренбургской области, арестовали 5 октября 1933 года, приговорили к 10 годам лишения свободы. Он отбывал наказание в Коми-Зырянской области.

Николая Алексеевича вновь арестовали 27 июля 1937 года по так называемому делу «Сибирского церковно-монархичес-

кого центра». По этому, насквозь лживому и инспирированному делу «центра» и его филиалов проходил сразу 101 человек. Почти каждому священнику можно было задать вопрос «Архиепископа Василькова знаете?» и, получив утвердительный ответ, обвинять его в подготовке взрывов на шахтах Кузбасса, сколачивании террористических групп на строительстве Дворца Науки и Культуры (будущего Оперного театра), срыве хлебозаготовок, отравлении скота и т. д.

Из воспоминаний Сергея Николаевича Ермолова:

– День ареста отца помню как сейчас, спустя 70 лет... Это было в июле, мы втроем, Серафим, Нина, и я, гостили у родителей, Володя уехал накануне ареста. Я был тогда студентом Пермского педагогического института. Пришли за отцом ночью 28 июля, во время обыска особо интересовались письмами, искали оружие. Была лунная ночь. Я дальше всех ушел провожать отца. Потом начальник чекистов сказал, что дальше нельзя. До сих пор в памяти: луна, и два удаляющихся силуэта.

Арестованных заключили под стражу в КПЗ. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения от 28 июля написано следующее:

«Я, временно исполняющий обязанности начальника Ордынского районного отделения НКВД сержант Госбезопасности Чуркин, рассмотрев следственный материал по делу и приняв во внимание, что граждане Ермолов Николай Алексеевич, Кикин Иннокентий Арсентьевич, Косырев Григорий Никитич и Павлов Евграфий Павлович достаточно избличаются в том, что по обоюдному сговору между собой вели активную организованную контрреволюционную работу, группируя вокруг себя недовольные и кулацкие элементы. Широко распространяли среди населения контрреволюционную агитацию за поражение СССР в будущей войне, распространяли провокационные слухи о скором падении сов. власти. Формировали повстанческие элементы на случай войны для ослабления тыла внутри страны и организовывали диверсионные акты в колхозах».

В результате допросов новых арестованных и новых свидетелей следствие к середине сентября располагало показаниями о том, что «поп Ермолов на собрании в квартире церковного старосты Худякова доказывал, что скоро будет война

**Выписка из протокола № 37/7 – к
Заседания ТРОЙКИ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ЗАПСИБКРАЯ**

От 1 октября 1937 года

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 10035 Ордынского РО НКВД. ЕРМОЛОВ Николай Алексеевич, 1874 г. рожд., уроженец Куйбышевской обл., с. Секретарка, протоиерей. Обвиняется в контрреволюционной, террористическо-шпионской деятельности.	ЕРМОЛОВА Николая Алексеевича – РАССТРЕЛЯТЬ. Лично принадлежащее ему имущество конфисковать.

Выписка верна: Инспектор 8 отд. УГБ УНКВД по ЗСК Подпись.

[Л.Д. 100]

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД Запсибкрая от 1 октября 1937 о РАССТРЕЛЕ Ермолова Николая Алексеевича приведено в исполнении «26» октября 1937 г. в «___» часов.

Верно:

Сотрудник Оперштаба: Подпись.

[Л.Д. 101].

Выписка из протокола заседания тройки.

с Японией и Германией, Советская власть будет уничтожена и, следовательно, уничтожены будут и колхозы. Поэтому нет никакой необходимости работать усердно... это бесполезный труд. Чтобы успешно обеспечить победу Японии и Германии, нужно подрывать работу в колхозе путем вредительства и распространения провокационных слухов о войне».

Кроме того, «свидетели» уверяли, что отец Николай дал задание найти человека, который смог бы осуществить поджог паровой мельницы в колхозе «Красное Знамя» и начальной школы в селе. Выбив из людей такие показания, следствие вновь приступило к допросам протоиерея Николая и священника Иннокентия. Но на допросе 15 сентября отец Николай на вопрос следователя о руководстве им контрреволюционной организацией заявил: «Повстанческой контрреволюционной организации я никакой не знаю, и поэтому избличающих свидетельских показаний в отношении меня быть не может, и прошу вызвать тех свидетелей, которые меня могут избличить в контрреволюционной деятельности».

18 сентября 1937 года допросили отца Иннокентия Кикина, он также категорически отрицал свое членство в организации и факт вербовки его со стороны протоиерея Николая Ермолова. Тогда устроили очную ставку между одним из арестованных священников и Ермоловым. Якобы отец Николай говорил ему о неизбежности войны Японии против СССР и что священники должны помочь Японии в этой войне, а для помощи Японии необходимо объединиться в контрреволюционную организацию. И что по заданию отца Николая он распространял контрреволюционные листовки. Отец

*Будущий священномученик
Николай Алексеевич Ермолов.
Фото 1920-х годов.*

Николай категорически отрицал эти «показания». 20 сентября 1937 года всем обвиняемым вновь был задан вопрос о признании ими своей виновности. Протоиерей Николай Ермолов и священник Иннокентий Кикин свою вину категорически отрицали, остальные обвиняемые признали себя виновными полностью или частично.

В обвинительном заключении, составленном 27 июля 1937 года, все арестованные обвинялись в том, что, «имея непосредственную связь с руководителями контрреволюционного террористического шпионско-диверсионного центра церковников в Запсибкрае, митрополитом Асташевским, архиепископом Васильковым и благочинным Аристовым, продолжительный период времени проводили в Ордынском районе контрреволюционную повстанческую и подрывную работу, которую возглавлял протоиерей благочинный Ермолов. Формировали вокруг себя недовольные кулацкие повстанческие элементы на случай войны для ослабления тыла внутри страны путем восстаний и совершения диверсионных актов...». После этого все обвиняемые были этапированы в Новосибирск.

1 октября Тройка УНКВД Запсибкрая приговорила Ермолова Николая Алексеевича, Косырева Григория Никитича, Кикина Иннокентия Арсеньевича, Павлова Евграфа Павловича,

Ермолов Сергей Николаевич

Мои воспоминания. март 2009 года.

Я родился в Башкирии 19 сентября 1913 года в селе Байки. Раньше называлась Ирминая губерния. Летом 1919 года в село вошел отряд Азиза. Они устроили расправу над жителями села. Расстреляли несколько человек, в том числе и старосту села Безденежных. Я и мой дядя Тимофей были. Мы находимся от нас. У них были дети. Старшая дочь была цыганкой. Она была в одном классе с моей сестрой Ниной. Они ходили друг к другу в гости. Об Азизе есть книга. Очевидно, расстреляли много людей за то, что жили они богаче других.

Отряд Азиза двинулся с юга на север из Башкирии в Пермскую губернию. В декабре 1919 года отряд был в Тернушке. Устроили такую же расправу, как в Байке. Расстреляли несколько человек. Нашим об этом рассказывали. Там были батальоны. Это был дед моего будущего моего жены. Сын его состоял из 5 человек: жена и 4 дочери. На Азизе в то время землю выделяли только на мужиков. Поэтому в Азизе земля была мало, он был вынужден искать дополнительные заработок. Он был среднего роста, но сильным человеком. Занимался доставкой жерновов для мельниц и для крупорушек окружающих сел и деревень.

Около села Киммерты находилась Камынь-Кегаганка, из него вытаскивают жернова. Один жернов для мельницы можно поднять 5-6 человек. У него была сильная лошадь, и он возил по 2 жернова. Дороги были плохие, гаето из-за тяжести ломались колеса, а сажи-зимой. Расстояние от Тернушки до Киммерты более 100 км, а надо еще довести до Камынь-Кегаганки. Мудрили своей семьей, батраков не было.

Расстреляли в Тернушке, а в снег зарыли за селом по дороге в Стайки.

Хорошим после вылета отряда. ^{летом 1919}
Наша семья ^(в селе) переехала из Башкирии в Пермскую, это был дом между войсками белой и красной армией. близко от нашего села. ^{рано} Известно, что в некоторый селе были убиты священники. У меня отец священник Николай Алексеевич Ермолов. Родители решили на лошади ехать на восток, где нет военных действий. Лошадь продали и по железной дороге решили ехать в Новороссийск к патристичу брату Петру Алексеевичу. Не буду описывать все трудности и переживания. В Сибирь тогда был один путь. Поезда подалу стояли на развязке.

Страничка из мемуаров сына Н. А. Ермолова Сергея Николаевича.

Худякова Василия Федоровича к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего им имущества.

26 октября, в день празднования иконы Божией Матери «Иверская», все они были расстреляны в Новосибирске. В деле № 7649 есть еще акт № 657. В этом документе, составленном 19 мая 1939 года, сказано, что комиссия в составе представителей 1-го спецотдела НКВД, 1-го спецотдела ГУГБ и Прокуратуры Союза, руководствуясь циркулярным распоряжением НКВД СССР № 5 от 13 января 1939 г., постановила разную переписку и контрреволюционную литературу, фотографии без документов, изъятые при обысках и арестах обвиняемых по делу Ермолова, уничтожить «как не имеющие отношения к делу и не представляющие ценности».

Этим и объясняется, что фотографий расстрелянных и замученных людей осталось наперечет.

Препятствий к канонизации не было

Своего кормильца семья Ермоловых так и не дождалась. Реабилитирован Николай Ермолов был посмертно. Матушка Ольга – Ольга Ивановна – получила лживую отписку, что ее муж умер от тифа. И только в 1990-х дочь С. Н. Ермолова Татьяна узнала, когда точно состоялась казнь невинного человека.

В семье Сергея Николаевича на память от отца остались две иконы. Видимо, скоро появится еще одна, на которой он появится уже в лике святого...

В 2000 году Архиерейским Собором было прославлено 1097 подвижников. Сегодня новомучеников уже около 30 тысяч. Исследования продолжаются во всех епархиях. В результате Екатеринбургская епархия выпустила к 90-летию Царственных Страстотерпцев фундаментальный труд с житиями святых, в том числе 55 новомучеников (еще по восьми погибшим от рук богоборцев продолжается сбор материала и изучение).

В Новосибирской епархии стало известно о двух священномучениках (была еще одна кандидатура, но в том случае было решено продолжить изучение). Страдальцы за веру протоиерей Николай Ермолов и священник Иннокентий Кикин проходили по общему делу. И расстреляли их в один день 26 октября 1937 года. Могила у них оказалась, скорее всего, также общая. Судьба объединила их навечно. Теперь

и молитва о «новосибирской двойце» (фраза из тропаря) произносится общая.

С Иннокентием отца Николая объединяло многое. Сколько сил они положили в борьбе с обновленческим расколом, с терпением перенося лишения и испытания безбожного времени! С непреклонным мужеством выдержали они тюрьму и допросы, оговоры лжесвидетелей и предательство ближних.

Комиссии по канонизации Новосибирской епархии, возглавляемой протоиереем Виталием Бочкаревым, пришлось провести кропотливую работу, и в итоге удалось установить важные факты: – оба священника не состояли в расколах и противоцерковных группировках, – до дня ареста совершали священническое служение, – в ходе следствия виновными в антигосударственной деятельности себя не признали, – на допросах ими не были названы иные лица как совершители каких-либо противоправных деяний, то есть их показания не могли служить материалом для обвинения, страданий и смерти других лиц.

Их подвиг был изучен, препятствий к их канонизации не встретилося.

«Явились светом миру и солью земли»

О жизни и подвиге мучеников и исповедников Российских можно сказать словами из Евангелия от Матфея: их «твердое стояние в правде и мужественное исповедание веры явились светом миру и солью земли».

Святейший Патриарх и Священный Синод на своем заседании 24 апреля 2002 года приняли решение о причислении протоиерея Николая Ермолова (1874-1937) и священника Иннокентия Кикина (1878-1937) к лику священномучеников для общецерковного почитания и включения их имен в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века. В решении также говорится:

«...Память священномученикам Николаю и Иннокентию установить в день их мученической кончины 13 (26) октября, а также в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января (7 февраля), если этот день совпадет с воскресным днем, а если не совпадет – то в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля)».

Так совпало, что день памяти святого отца Николая празднуется верующими в самый канун Дня жертв политических репрессий, а спустя неделю родные, потомки отмечают его день рождения – именины священника и доброго человека.

В очерке использованы воспоминания С. Н. Ермолова и данные из документального жизнеописания епархиальной комиссии по канонизации Новосибирской епархии.

ОТЕЦ СТЕФАН – НЕИСТРЕБИМЫЙ ПОП

Владимир Гладышев. Размышления внука

...Читая в архиве новейшей истории протоколы допросов «врагов народа», я нашел однажды строки, от которых нехорошо стало на душе, сердце сжалось от неясного предчувствия какого-то страшного откровения. По делу попа Степана Гладышева чекисты «притянули» его родного брата Ивана Леонтьевича Гладышева, незадолго до событий перебравшегося из Быма в Пермь. Следовательно упорно надеялся выжать из родственников компромат друг на друга.

– Да... брат есть, примерно 48 лет..., – давал показания священник. – Проживает он в Перми на Балашихе... Имел я с ним личную связь, бывал он у меня и я у него, а теперь примерно года два связь с ним не поддерживаю... Связь он прервал, видимо, как со служителем культа... Боже мой, что за подлые времена были... Так натравливали друг на друга, брат на брата. Ведь это же мои родные деды, предтеча рода...

* * *

Отец Стефан, один из участников страшной «контрреволюционной повстанческой фашистской организации церковников», раскрытой доблестными органами НКВД в Кунгурском районе, жил в старинном селе Бым, что в переводе с татарского означает «яма». Село, в далеком прошлом демидовский медеплавильный завод, действительно расположилось в низине.

Бым лежит на пути в Белогорский монастырь, сюда теперь часто заходят паломники. В начале века посреди села стоял

памятник царю, бюст Александра-Освободителя, редкий случай по тем временам. И когда новая власть снесла памятник, среди жителей толковали это так: «Снова в рабство, знать, попадем». В Бымовском заводе было две церкви, в одной из них, единоверческой Петра и Павла, или нижней, как называли ее сельчане, и служил отец Стефан, в миру Степан Леонтьевич Гладышев. Был и псаломщиком, и дьяконом, затем был рукоположен в священнический сан.

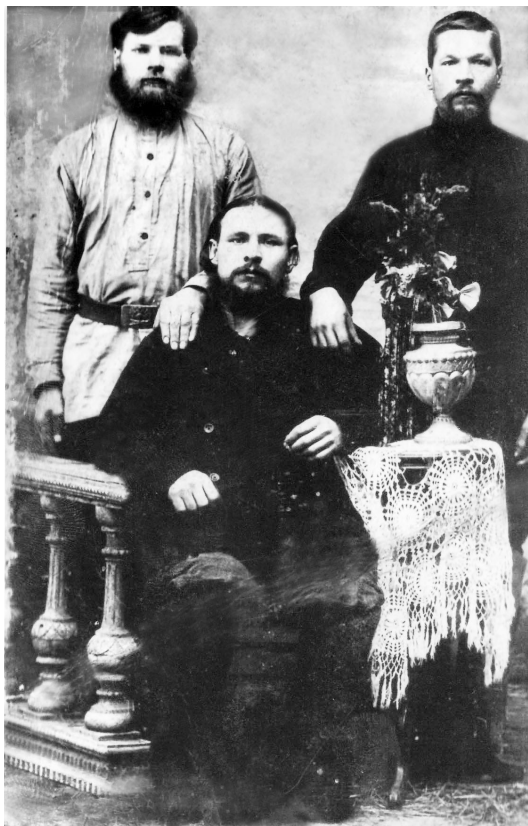
На нем обрывается история местного прихода советских времен. Именно он, отец Стефан, в 1931-м году снова открыл сельский храм, к тому времени уже закрытый Советской властью. Дал ей, так сказать, последний бой, доказав, совсем по Библии: да, и один в поле воин. В это трудно поверить, но рыжебородому священнику удалось «распропагандировать» односельчан, они отозвали свои подписи обратно, и замок с церковных врат был сбит.

Церкви этой теперь в Быму нет, снесена. Народ здесь живет все больше новый, много приезжих. В 30-е годы, когда жить стало почти невозможно, сельчане массами, семьями переезжали в город, кто куда. На окраине Перми, в поселке Красный Октябрь появилась даже целая улица из бымовских, названная вскоре, словно в насмешку, Колхозной. Первая Колхозная, потом Вторая... От колхозного рабства многие бежали – и на Колхозную попали жизнь кончать. Прижились, впрочем, вновь обзавелись домами-огородами, поколение за поколением крепили трудовую славу близлежащего лесокombината «Красный Октябрь» да Дзержинского завода. Что-что, а трудолюбия бымовским было не занимать. Это качество сохранилось в людях, несмотря на многие «чистки» и классовые прореживания.

Варфоломеевская ночь

Агент ОГПУ под кличкой «Перо» сообщал: «Поп Бымовской церкви Гладышев 21 февраля (1932 г.) во время богослужения выступал с проповедью: «Миряне, давайте эти дни больше и пуще молиться, потому что скоро будет устроена Варфоломеевская ночь, придут злые люди – комсомольцы, и будут вырезать население...» (Из секретных меморандумов).

Сообщение ценного источника внесено уполномоченным Кунгурского райотдела ОГПУ Галуновым в месячный меморандум (так называлась в органах сводка данных) на Гладышева С. Л., 1882 года рождения. Здесь же протокол допроса свидетеля Гладышева Степана Никандровича, председателя колхоза-завода, коммуниста и однофамильца обвиняемого. «... Действительно, в эту ночь в деревне была тишина, никого не видно, не слышно, некоторые сидели на запорах... Поп Гладышев принимал покаяние. У одной

Единственная сохранившаяся фотография 1920-х годов: отец Стефан Гладышев (в центре, сидит) с односельчанами.

гражданки спросил, если она употребляет конину, то должна в целях покаяния сделать 500 поклонов, иначе не даст причастия...»

Страсти накалялись, село, уже несколько лет не знавшее спокойной жизни из-за раскулачивания, вновь гудело, как встревоженный улей, на этот раз из-за церковного вопроса. Когда закрывали «церкву», отца Степана в Быму не было (ездил в Пермь, хотел устроиться где-то на производство, потому как прокормить семью становилось все труднее). Местные активисты воспользовались его отсутствием, провели свою атаку

на население, и довольно успешную: подписку на закрытие храма дали 68 процентов жителей! А тут приехал этот яростный поп – и все испортил. Как показал председатель сельсовета В. Ф. Кузнецов, «Гладышев провел молебствие, совет, после чего те лица, которые дали подписку о закрытии, на общем собрании отказались от закрытия(!). Другими словами, сорвал работу...» (Из секретного меморандума ОГПУ).

Варфоломеевская ночь, которую предрекал настоятель храма (пусть и не в том выражении, которое донесло угодливое и малограмотное «Перо»), была отодвинута на более позднее время. А вот нажим на верующих, о котором прослышал отец Степан, начался жестокий. Забрали и его самого. Правда, в тот раз священника выпустили. Кому-то сегодня это может показаться странным и даже подозрительным, не правда ли? Вот и мне тоже.

В поисках свидетеля

Мягкость наказания объяснил мне один старожил, которого я с трудом отыскал в селе. Искал-то, собственно, следы свидетеля Охахлиной, помогавшей отцу Степану и, как сообщал уполномоченный ОГПУ, скрывшейся из села. На самом деле свидетельница никуда не сбегала, а тоже искала приработок. Муж Надежды Александровны Васильевой (в девичестве Охахлиной, она «сродственница» той свидетельницы) Александр Яковлевич, хорошо помнил отца Стефана и охотно, почти обрадованно вспоминает о нем (в отличие от жены, которая молчала, словно дав какой-то зарок или подписку).

– Это был поп-работяга, – рассказывал дядя Саша. – И на пахоте, и на лесопилке Степан работал. Смотришь: утром ранешенько в церкву идет, и поздно вечером тамо служит. Детей моих крестил. Даже когда уже запрещали крестить, я отцу Степану в ноги упал – он и согласился тогда, у меня на дому прямо, в комнате и окрестил. Спились только потом сыны те, не вышло толку без Бога-то жить.

Хлопотавшая по хозяйству жена дяди Саши прислушивалась к его «болтовне» и раз все же вставила словечко:

– Я в верхнюю церковь ходила, там пели лучше, и звон колокольный красивый такой... Дедушка звонил там – как на пианино!

– Отца Стефана-то несколько раз садили, – снова берет беду в свои руки дядя Саша. – Его посадят – он отречется от всего, вот и выходит на волюшку. А там опять за свое втихаря. А как скроешь-то? Шпионов у нас немало было, одна Клещикина чего стоит (советская активистка – В. Г.). Но та идейная была, она плохо кончила, за свои гонения на религию. Ну, батюшку опять посадят. Последний раз уж не вернулся, услали его далеко, там и сгинул.

Странно было в родном селе отца Стефана слышать про него самые невероятные легенды, слухи, домыслы. Объяснить это можно отчасти все тем же: народ здесь сильно переменялся, старожилов осталось немного – раз-два и обчелся. Про конец его жизни мне рассказать никто не мог; одна из старушек сообщила, правда, что священника застрелили при попытке к бегству на кунгурском мосту...

Не все из устных свидетельств подтверждается, но вот что касается версии дяди Саши насчет того, почему батюшку отпускали из тюрьмы, – это, представьте себе, нашло подтверждение в материалах следственного дела, хранящегося в госархиве политрепрессий. Священника вербовали в «стукачи».

«...Он, будучи дал обязательство (так в тексте. – В. Г.) РО ОГПУ об информации (в 1931 году), задания не выполнял, проявив сознательно контрреволюционный саботаж, заявив, что он морально был разложен, вследствие его раскулачивания в 1930 году, поэтому делать не мог, другими словами – не выполнял в силу враждебного настроения».

И в заключение уполномоченный написал следующее: «Винным себя не признал, за исключением по вопросу информации, в этой области берет вину на себя. 26 июня 1932 г. Галунов. Заключение утвердил начальник РО ОГПУ Фокин».

Ясно, что священник обманывал органы, ваньку ломал, как говорят в его селе, хотя и понимал, что играет с огнем. Как он сам поясняет: «Это обязательство (доносить. В. Г.) вылетало из головы...»

Что же получается? Где надо, для пользы дела, отец Стефан мог и схитрить. «Гнется, да не ломается». Впрочем, в иных случаях батюшка бывал и непреклонен. Так, он близко не подпускал к дому старообрядцев. Как рассказала дочь батюшки, «папка шибко ругал тетку нашу за то, что шла замуж

за старовера». После общего застолья-знакомства всех гостей даже «перекрещивали». Так-то вот...

Дочерей священника я разыскал в Перми, на самой окраине. Две старушки доживали свой век по соседству в деревянных домишках. Когда-то давно все разъехались-разбежались из родного села, спрятались кто как мог. Один из сыновей священника оказался аж на юге, в Крыму, где и умер. А две «поповны» живут на Гайве, напуганные на всю жизнь...

Одна из них, та, что помоложе, Елизавета Степановна, вспоминает:

– Нас так жали из-за происхождения-то, что спасу не было, поэтому и уехали все кто куда. «Поповичами» дразнили, имени путевого не было, в общем. Мы даже детям своим не говорили, кто у них был дед, боялись все. Из 16 детей нас восемь выжило. Ой, какие угнетенные мы люди!.. Выжили вот горе мыкать. Один братишка родился больным, ноги не ходили, так его на Белую гору носили – помогло, начал ходить, но пожил все равно недолго. Когда отца нашего забрали, у Санечки припадки начались... А Афоню мама в поле родила, на работах. Тятя пуще всех любил его. Я его вынянчила, Афоню нашего ненаглядного. Играли с ним, помню, и попом наряжали, и всяко. А папка-то придет, «смотрите, говорит, девки, не потеряйте мне мальчика»...

Его забрали, когда церковь закрыли (уже второй раз). Вернулись с поля, в лапоточках. Его повели уж под конвоем. Я побежала за ним. Вцепилась, реву... А его подтыкают винтовкой конвоиры, все наши стоят рядом, у ложка. Когда бортовая машина, в которой папу увозили, поднялась в гору-то, он только и крикнул: «Анфисья! Анфисья!...» Сестра Анфисья несла Володю, самого младшенького. И рукой махнул – и все.

Писем от него не было. Одно, правда, пришло, на мое имя. Я и писала ему, в лагерь-то. Мама наша, Мария Михайловна, просила: «Давай, Лизонька, весточку пошлем...»

Как нас из дому выгоняли – страх божий! Все забирали: книги, корову, лошадь... Маму под скамью запинали, чтобы не мешала. Меня дак в окно выбросили, прямо в снег. Это неместные были... А местные церковь зорили зато. Они и прожили все недолго, – знать, Бог наказал.

Я часто думаю: отчего столько горя человеку выпадает? И наши судьбы ведь не сложились... Детство было взъерошен-

ное такое, сколько голодов перенесли, и чем еще жив человек, кажется. Иконы прятали сколь раз, спрячем – потом опять вырываем из земли, из потайного места. Хлеб все тоже искали у нас. Отцу ведь не раз говорили добрые люди: уезжай, мол, хороший мужик, а пропадешь ни за грош. «А семью-то на кого оставлю?» – отвечал он.

И остались мы одни-одинешеньки. Сызмала работали в поле, на косьбе, зароды уминали, хлеб жали. Вместо Ф30 меня на шахту отправили, девчоночку, после на вредном производстве опять робила. Ой, как досталось, за что только – не знаю... В лагере отец недолго пожил. Земляк рассказывал: работать их гоняли в лес, вечером в зону вернулись, папа заболел, а утром уже холодный. Катанки (валенки) передал земляк отцовские, красивые такие, расшитые. Последний его привет...

Да, много же вынесли поповичи в земной юдоли... Но у каждого появились свои семьи, детей подняли, хорошими людьми выростали. Вот только фотографии своего отца не сохранили.

Неистребимый поп

Слушая родственников отца Стефана, его бывших земляков, я все больше убеждался в том, насколько жизнестойкая его порода, и как помогала ему духовная твердость держать удары судьбы. Поистине – «неистребимый поп», словно вставший со страниц произведений Лескова. Примечательна одна фраза из показаний его однофамильца-председателя колхоза: «Могу констатировать, что единоличники дают Гладышеву материальную помощь. К примеру: у него отбирали хлеб, но у него всегда и все есть».

Вот поди ж ты: у человека все отбирают, а он чем-то жив, как так?!

Из других свидетельских показаний: «...Среди верующих пользуется авторитетом, надо сказать... Имеет хорошую связь с крепкими середняками, фанатиками и с так называемой общиной, «десяткой», которые активно тормозят все кампании. Помогали Гладышеву кто чем мог...»

«...Проводил так называемые трудники, на которые ходили странник Ляпин, Минаева, она беднячка, но антисоветски настроенная (срывала хлебозаготовки, ссыпку семян)».

Это что-то новенькое: как будто среди бымовских жителей расслоение прошло не по классовому признаку, а прежде всего, по религиозному. И даже больше того: по человеческим качествам, по вечным библейским ценностям. Хотя в агентурных делах охраны отца Стефана упорно числят за «кулака»:

«Происходит из кулацкой семьи. До революции сам лично имел два больших дома с надворными постройками, земли тридцать десятин, держал порядочное количество скота... Сохранил одного постоянного батрака до 1929 года...»

Станный, надо отметить, был батрак: когда батюшку раскулачили, то уже батрак помогал ему, поддерживал, чем мог... И это в то время, когда кругом началась суцкая истерия: «Истребим как класс!»

– Такая ненависть пошла, страшно вспоминать, – сказала мне одна из немногих старожилок, помнящих довоенный Бым.

На многое проливает свет документ из фондов краевого архива новейшей истории: прошение отца Стефана, поданное им в Пермское епархиальное управление в марте 1923 года. Он просит уволить его с занимаемой должности диакона на псаломщицкой вакансии (за штат). Причины? «Жил я своим личным трудом, обрабатывал землю, тем и кормился. В настоящее время, при создавшемся взгляде на духовенство, землю от меня отбирают и прямой источник содержания у меня отпадает. При многочисленности моего семейства (8 человек) приход не в силах содержать меня на свой счет и мне существовать очень трудно, да как лицу духовного звания приходится платить разные побочные взносы (за патент, общегражданские и свои общественные)».

В том же месяце просьба его была удовлетворена, с тем, чтобы состоя за штатом, службу он совершал по праздникам, а остальное время мог «свободно употребить на приискание средств содержания себя и своего семейства».

Теперь понятно, почему одной из бымовских старушек, тете Дусе, так она представилась, более всего запомнилось из детства, как она ходила на причастие к отцу Стефану. Тетя Дуся даже всплакнула, вспоминая прошлое, а при прощании спросила: «Счас церкви снова открывают, да, знать, ненадолго?» Что можно ей ответить?

Матушка Мария, жена отца Стефана (скончалась в 1969 году), получала пенсию от епархии, в последние годы сумма ее составляла, по воспоминаниям родственников, 22 рубля 50 копеек. Ничего не нашёл батюшка, никакого наследства не оставил. При обыске (произошло это 6 августа 1937 года) у него было изъято: религиозных книг 86 штук, сундук, утварь. Как сообщил нам в свое время отец Герман Бирилов, секретарь Пермского епархиального управления, ныне покойный, одна книга, по которой служил отец Стефан (требник), чудом сохранилась...

Когда читаешь пожелтевшие листы дела, то невольно возникает ощущение, что этот рыжебородый сельский священник в печенках сидел у властей, у следователей ежовско-сталинской закалки. Почему, видно, и в 1955 году оставили его приговор в силе (выделив в особое производство по статье 58-10 и передопросив свидетелей). И свидетели «подтвердили, что Гладышев действительно вел в 1936 году антисоветские разговоры среди жителей Быма, проводил агитацию, направленную на подрыв колхозного строя...»

Итак, «оставить в силе». «Согласен» – и подпись начальника УКГБ полковника Малютина. Отца Стефана, напомним, к этому моменту нет в живых уже 17 лет. Полностью священник-антисоветчик реабилитирован только в 1990-е годы...

Тогда же комиссия установила, что все дело «контр-революционной фашистской повстанческой организации церковников», из которого «выделили» С. Л. Гладышева, было сфабриковано. Как показали свидетели, к ним применялись незаконные методы следствия. В частности, к жителю села Калинин М. И. Харитонову: «...Угрожали оружием, допрашивали в холодной комнате с открытым окном (Кунгурского РО НКВД. В. Г.), в силу этого один из протоколов мной был подписан, но что в нем было записано, мне не зачитывали...»

В селе восстановили недавно верхний храм, Александра Невского. Народ здесь живет все больше новый, много приезжих. Сегодня «непокорного попа» Стефана Гладышева вспоминают редко. Некому уж вспоминать. К истории села здесь вообще отношение несколько отстраненное, если судить по разваленному памятнику героям гражданской войны, что стоит на высокой горе, и по заросшему бурьяном обелиску участникам Великой Отечественной, под горой, в самом центре села.

На обелиске несколько раз встречается фамилия «Гладышев». А чаще всего отца Стефана поминают в Белогорском монастыре, где за упокой его души ставят свечи, да помнят старушки внуки и правнуки, для которых он был просто отцом, родным человеком...

Во время одного из приездов на Белую гору настоятель монастыря подозвал меня и многозначительно сказал: «Появилась у нас книга богослужебная, принадлежавшая твоему деду, есть там его подпись, Стефана Гладышева. Загляни, посмотришь...»

49, 320 чм
...вадилла;
...Ивановна по это.
...виль Александрович, е
...муль и наказанию -
...датель (10) пей, е
...веш в избурителни
...пей и с кондрем
...стащон и муу себе
...а.
...традиз Александрович
...тра Григорьевича
...мазь Александрович
...подвргнут и кан
...срокам на пярбь (5) по
...капдои
...избурителни
...ориснашеи пяркы ии
...Даркост
...и 1 августа 1945г.
...и Дво
...Мару
...Б.В. Свд
...Фриголь
...Веркельд

ПОБЕДА. СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

ДОБРЫЕ ЛЮДИ Снесите платок по адресу 3-20 Р
Молодова ул. Коммунистическ. №72 кв.4 во флигеле
Плещев Витя или №70 Детясли Барминок Поле нине
Витя я в ташкент не уехал арестовал и посадил в
Тюрьму №1 НК.Г.Б. у театра Оклеветал Цехотск.
После суда переведут №1 сообщу жиеи с матерью
Приласи зим. одеж. продукты учебу продолжай.
Носите передачи пишите и тамните обшине
Подать лю девлет отдай. и носите передачу
Прешай!

Авторы воспоминаний, опубликованных в этой главе, свидетельствуют о том, что маховик репрессий продолжал раскручиваться и с началом Великой Отечественной войны. На плечи многострадального народа легли тяжелые лишения и человеческие потери. Но, несмотря ни на что, продолжал действовать политический сыск, шли массовые аресты как в тылу, так и на фронте. По-прежнему (а может быть, с еще большим остервенением) действовала машина пыток, невинных людей заставляли оговаривать себя, близких и родных людей.

В пособии «Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе», изданном Музеем и общественным центром имени Андрея Сахарова (М., 2002), об этом периоде, в частности, говорится: «...Сталинский режим с его параноидальной подозрительностью по отношению к собственному народу продолжал практику жестоких преследований так называемых внутренних врагов из числа ни в чем не повинных людей. Чтобы снять с себя ответственность за крупные военные поражения первых недель войны, Сталин приказал арестовать руководство Западного фронта: командующего – генерала армии Д. Г. Павлова, начальника связи А. А. Григорьева, командующего артиллерией Н. А. Клича, командующего 4-й армии А. А. Коробкова. Ровно через месяц после начала войны все они были расстреляны».

Пик политических репрессий военного времени пал на 1942 год. В этом году зафиксирована и наибольшая смертность в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа. Она была вызвана голодом и непосильным трудом, постоянными издевательствами над заключенными.

С первых же дней войны продолжились депортации малых народов, в массовом порядке обвиненных в измене родине, сотрудничестве с оккупантами. 28 августа 1941 года была ликвидирована национальная автономия поволжских немцев, а они сами

депортированы в районы Казахстана, Сибири и Урала. Депортациям подверглись сотни тысяч ингерманландских финнов, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, ногайцев, турок-месхетинцев, понтийских греков и других народов. Сталинский режим санкционировал эти операции вопреки тому, что представители этих народов так же, как и все, сражались в рядах Красной Армии и принимали участие в партизанском движении.

В воспоминаниях Анатолия Павловича Кузнецова, опубликованных в этом томе Книги памяти, есть такие проникновенные строки: «Во многих семьях Победу отмечали, как сейчас поется, со слезами на глазах. Но в слезах моей мамы был иной, скрытый от посторонних смысл. Кому расскажешь о своем горе, кому оно понятно было в те годы, кроме сына и самых близких людей? Нашим матерям приходилось молча глотать слезы, терпеть и из последних сил биться за своих детей, за их будущее».

Матери и дети, оставшиеся в одиночестве, отвергнутые государством и людьми, оклеветанные, бесприютные... Им, ни в чем неповинным жертвам репрессий, всеми способами давали понять – это не ваша Победа. Так что, действительно, Победа в Великой Отечественной войне для многих, очень многих семей репрессированных, стала долгожданной радостью, но не меньше – горем.

ВЫШИТЫЙ ПЛАТОК – ПИСЬМО ИЗ ГУЛАГА

Воспоминания Виталия Васильевича Лаищева

От редактора:

30 октября 2004 г., в День памяти жертв политических репрессий, состоялась презентация сборника документов и материалов «Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980-е гг.». Сборник был подготовлен Государственным общественно-политическим архивом Пермской области (сейчас этот архив называется Государственный архив новейшей истории) и учеными трех пермских университетов – классического, технического и педагогического. Главными участниками события стали бывшие репрессированные и их родственники из Перми, Чусового и Лысьвы.

Один из участников презентации, Виталий Васильевич Лаищев, рассказал о тяжелой судьбе своего отца Василия Ивановича, отбывшего более десяти лет в сталинских лагерях и тюрьмах и восемь лет в ссылке. А еще он продемонстрировал участникам презентации удивительный «вещдок», хранящийся в личном деле осужденного отца, – платочек с вышитым на нем посланием к сыну.

Текст послания можно разобрать на представленной здесь фотографии, а в расшифрованном виде прочитать в воспоминаниях Виталия Васильевича. Там же и ответ на вопрос: почему заключенный в тюрьму человек предпочел не писать письмо на бумаге, а кропотливо вышивал его? Ведь это гораздо дольше и труднее.

До создания того удивительного письма была долгая история крестьянской семьи Лаищевых, так похожая и непохожая на судьбы миллионов других семей. Семья Лаищевых пережила октябрьскую революцию 1917 года, три войны – первую мировую, гражданскую, Великую Отечественную. Большевистские репрессии выкосили чуть ли ни весь род Лаищевых. Но передаем, наконец, слово автору воспоминаний.

Мой отец родился 7 апреля 1902 года в деревне Большая Осиновка Оханского уезда Пермской губернии, в семье крестьян. До революции вместе со старшим братом Николаем окончил церковно-приходскую школу в городе Ирбите, получив похвальную грамоту.

А перед первой мировой войной семья переехала в Пермь. Глава семьи устроился охранником, а братьев Николая и Василия отдали в услужение к купцу Овечкину, где они были мальчишками на побегушках. Зарабатывали сначала по три рубля в месяц, потом за хорошую работу купец прибавил до пяти рублей. По тем временам, для мальчишек это была приличная зарплата и заметная поддержка семье.

В начале первой мировой моего деда, папиного отца, взяли в армию. Попал на фронт под Ригу. Во время газовой атаки немцев отравился хлором, после чего его демобилизовали. Вернувшись домой, дед стал, как когда-то раньше, заниматься сельским хозяйством.

Революция 1917 года, казалось бы, никак не затронула небогатую крестьянскую семью. Но потом началась гражданская война. Адмирал Колчак, захвативший территорию Пермской области, мобилизовал старшего брата Николая в свою армию. На сборном пункте в Екатеринбурге Николай заболел тифом. Спасла его от смерти влюбившаяся в него сестра милосердия: забрала из тифозного барака к себе домой и вылечила.

Когда Екатеринбург взяли красные, Николай вступил в их армию и провоевал до конца гражданской командиром эскадрона в полку имени Степана Разина конной армии Семена Буденного.

В 1921-1922 годах один за другим умерли от тяжелой голодной жизни мои дедушка, бабушка, родители моего отца. На его попечении остались четверо младших братьев и сестер. Петру было четырнадцать лет, Анне – одиннадцать, Раисе – девять, Александру – пять.

Старший брат Николай, оставшийся служить в армии в Семипалатинске, писал Василию, что в Сибири урожайный год, звал к себе. И вот Василий вместе со всеми изголодавшими братьями и сестрами отправился к нему. Там немного откормились и домой привезли муки и масла. А в августе 1922 года и в Прикамье выдался хороший урожай ржи.

В 1924 году Василий женился на Пелагее Ваулиной. Молодая жена привела в приданое стельную телку и овечку. А

Старший брат Николай, 1926 год.

младших братьев и сестер отца она заставила отдать в детдом, говоря: «Я же не за вдовца вышла замуж».

Отец всегда мечтал учиться. Он был очень способен к математике. Заочно закончил рабфак. Чтобы подкопить денег на дальнейшую учебу, он, ведя свое хозяйство, еще подрабатывал, развозя почту по деревне. В 1927 году приехал в отпуск из армии Николай и уговорил Василия больше не откладывать свои планы, а ехать учиться как можно скорее. Он, как член

ВКП (б), уже знал, что скоро начнется коллективизация и все более-менее крепкие крестьянские хозяйства раскулачат.

И через два года мой отец решился. Продал по дешевке все свое хозяйство, кроме амбара, ключи от которого отдал брату жены. В амбаре было около шестисот пудов зерна. Меня с мамой он отвез в Югокамск к ее сестре тете Фене. А сам уехал в Пермь.

В Перми отец поступил в землеустроительный техникум. В это время в стране начали создавать колхозы, и папу после окончания техникума (выпуск был ускоренным) направили в Верещагинский район землеустроителем. Туда к нему переехали и мы с мамой. В 1930 году мои родители разошлись.

...Хорошо помню начало Великой Отечественной войны. 22 июня с утра мы с отцом ходили рыбачить. Рыбалка выдалась удачной, наловили большую корзину рыбы. Возвращались около полудня и на сельской площади услышали выступление Молотова по радио о вторжении фашистов в нашу страну.

Именно в этот день в нашей школе открылся пионерлагерь, но не для сельских ребят, а для детей работников Чусовского металлургического завода.

Когда городские дети ушли спать, на площади собралась сельская молодежь, в том числе и я, конечно. Бегали, дурачились. Кто-то принес белые кальсоны и повесил их вместо флага. Представляете: висят эти подштанники, кругом стоит хохот. Дальше больше: кто-то с кладбища притащил железные кресты и поставил их к портретам вождей – Сталина, Молотова и Ворошилова, которые стояли на трибуне, установленной тут же на площади к Первомайской демонстрации и пока еще неубранной. Кто поставил кресты, не помню. Никакой «политики» в этом, думаю, не было. Просто в подсознании мальчишек еще не окрепло подобострастное отношение к большевистским функционерам – чужеродным, в общем-то, для нашего села людям. Был хохот, все веселились.

Вечером школьный учитель позвонил в НКВД, и на следующее утро приехали следователи. Начали всех допрашивать. Учитель указал, что организатором всего этого был я. Почему, не знаю. Я ведь только смотрел на то, что происходит, бегал и смеялся, как все другие парни. Таким вот памятным, но не только из-за начала войны, оказалось для меня 22 июня 1941 года.

От редактора:

Впрочем, в том, что сельская ребятня дурачились в этот летний день не как обычно, а с каким-то особым выкрутасом и даже, можно сказать, с беспределом, на грани фола, что ли, думаю, есть своя и весьма серьезная подоплека. Мальчишки были в тот день внутренне напряжены от другого обстоятельства, происшедшего рядом с ними, да, впрочем, и с ними самими тоже: в их деревне, в их собственной школе расположился лагерь для отдыха «чужаков» – такими ведь представлялись тогдашним сельским ребятишкам все горожане. Сталинский курс на индустриализацию, сопровождавшийся разорением деревень, напрочь поссорил селян и горожан. И вот, увидев, что «чужакам» создали все условия: постели с белыми простынями, котлеты и компот на обед, всякие игры и спортивный инвентарь, каковой деревенским ребятишкам и не снился, сельские, даже не осознавая это, своим необузданным весельем устроили издевательский протест против большевистского флага и портретов вождей. И получилась непонятая ими самими

своеобразная политическая демонстрация. Думаю, участие Виталия Лаищева в этом спонтанном протесте в какой-то мере сказалось на последующей судьбе его отца.

...Утром приехавшие в село следователи НКВД вызвали отца и устроили весьма серьезный допрос. Он вернулся домой сильно расстроенный. Побил меня ремнем, правда, не очень больно, для острастки. Это был первый и единственный случай, когда он меня бил. На этот раз и НКВД-шники ограничились лишь запугиванием.

В 1942 году отец перешел в геолого-поисковую контору «Молотовнефтекомбинат» топографом первого разряда, потому что в сельских хозяйствах тогда очень мало платили даже специалистам. И мы с ним переехали в Молотов (так тогда называлась Пермь). А в 1943 году он поступил в главное управление «Молотовнефтекомбината». 1 августа 1945 года его уволили из конторы по пункту «Д» ст. 47 КЗОТа – как осужденного.

Случилось это так. Отцу дали командировку в Ташкент. Я его проводил на станцию «Молотов-2». Мы поцеловались, и он сел в поезд. Я вернулся домой, не зная, что почти сразу, как только состав отошел, отца сняли с поезда на станции Бахаревка и увезли в КПЗ (камеру предварительного заключения – ред.) следственного отдела НКВД, располагавшегося на углу улиц Коммунистической и 25 Октября. Там стали допрашивать в связи с доносом об участии отца в антисоветской группировке.

В то время я уже учился на втором курсе геолого-разведочного отделения Молотовского нефтяного техникума. Ходил по два раза в день на учебу мимо здания, где допрашивали отца, и ничего не знал об этом. Был уверен, что он по какой-то причине задержался в Ташкенте.

Перед отъездом отец оставил мне 500 рублей. Не дождавись его, я стал думать, что делать, как жить, где взять средства, чтобы доучиться в техникуме.

Приближалась зима. На отцовские деньги я купил машину дров. Затем обменял нашу двухкомнатную квартиру на однокомнатную в этом же дворе, чтобы экономить на отоплении. И продолжал ходить в техникум мимо того ужасного здания, где страдал мой отец.

Намного позже из рассказов отца я узнал, как велись допросы. Его приводили из камеры в кабинет следователя,

направляли в лицо свет мощной лампы, по сути, – прожектора. Допрос шел целые сутки без перерыва. Следователи менялись, а он стоял под бьющим в лицо, ослепляющим светом и все отрицал. Так продолжалось день за днем. Однажды отец потерял сознание и упал...

В другой раз ему одели на глаза повязку и повели куда-то. Он понял, что ведут вниз по лестнице. Насчитал тринадцать ступенек. Вдруг раздался душераздирающий женский крик. Содрогнувшись, отец подумал: «Ну все, мне хана». Завели его куда-то, и, когда сняли повязку с глаз, он увидел, что находится в металлическом коробе, в котором можно было только стоять. Лязгнул замок на железной двери. Потом открылась крыша короба, и на отца сверху стала капать холодная вода. Он не помнит, сколько времени продолжалась эта пытка пронизывающей мозг ледяной капелью, потому что потерял сознание. Когда открыли дверь, он выпал из короба на бетонный пол.

Потом я узнал фамилии мучителей отца. Считаю своим долгом назвать их здесь, страна должна знать палачей. Начальником следственного отдела был Шихман. Следователи отдела: Иванов, Лежнев, Воронин, Чекалдин. Узнал я позже и о тех, кто оклеветал отца. Одним из них был его начальник Цехотский. Но особенно пакостный донос написал наш сосед Василий Хренников, старшина дивизии НКВД, дислоцированной в Молотовской области. Сам-то он был невероятный жулик. Раньше в каком-то колхозе незаконно на липовые документы получал машинами картошку, лук, другие овощи, а потом торговал ими на базаре. Так и сколотил состояние. После войны купил себе большую дачу в Подмосковье. Вот люди, подобные ему, и писали доносы.

А когда стали допрашивать сослуживцев отца, никто о нем ничего плохого не сказал, кроме Цехотского.

...В конце ноября пришли с обыском к нам домой. Посмотрели, конфисковать-то нечего. Забрали все документы отца, книги стихов французского поэта Беранже да дореволюционные издания Некрасова. Обыск делали капитан Елисеев и лейтенант (фамилию его я не запомнил).

Прошло пять месяцев с тех пор, как арестовали отца. Следователи НКВД от него по-прежнему ничего не могут добиться. Наконец, нашли выход. Вызвали отца на очередной допрос и объявили, что если не подпишет «бумагу» о том, что он – организатор антисоветской группировки, то арестуют сына, то есть

меня. Он спрашивает: «За что?» А ему: «Мы найдем за что!» И таким образом сломали его. Приговор был подписан 10 января 1946 года. Дело № 17012, статья 58-10 часть 2 и ст. 58-11 – антисоветская пропаганда и агитация – десять лет лагерей и потом еще 8 лет колонии-поселения.

По всей вероятности, НКВД-шники следили за отцом, а заодно и за мной, еще с весны 45-го. Например, на следствии ему показывали фотографии, сделанные во время нашей рыбалки. На нее мы уезжали довольно далеко. Ночью обычно рыбачили – ставили мережу, бродили с бреднем. Днем сушили сети, варили уху, загорали. А они, значит, в это время нас фотографировали. Правда, сам я этих фотографий не видел, когда через много лет знакомился с отцовским делом. Интересно, куда они подевались?

Сидя в КПЗ, отец искал любые способы сообщить мне о том, где находится. Письма-то писать не разрешали. И вот придумал: взял белую тряпицу, как-то раздобыл иголку и красные нитки и вышил такое письмо:

«Добрые люди снесите платок по адресу за 20 руб. Молотов ул. Коммунистическая дом № 72 кв. 4. во флигеле. Лаищев Витя или № 70 детская Ваулиной Поле – няне.

Витя, я в Ташкент не уехал, арестовали и посадили в тюрьму 1/VIII у театра. Оклеветал Цехотский. После суда переведут № 1. Сообщи, живи с матерью, приноси зим. одежду и продукты. Учебу продолжай. Носите передачи пишите и помните обо мне. Подателю деньги отдай, и носите передачи прощай».

Большинства знаков препинания отец не вышил, скорее всего, из-за экономии времени и ниток. К сожалению, письмо до меня не дошло. В камеру к отцу поместили так называемую «подсадную утку» – провокатора. Тот сказал, что скоро выйдет на волю. Отец доверился ему, дал платок, просил передать мне. Но провокатор отдал его следователю, а тот приобщил к делу, как вещественное доказательство.

В феврале я, наконец, получил от отца первую весточку. К тому времени его уже перевели в тюрьму № 1 возле Егошинского кладбища и разрешили написать письмо. Собрав передачу, я понес ее в тюрьму. Простоял в очереди весь день, так как народу было очень много. Под вечер подошла моя очередь. Отдал заявление на передачу. Жду... Мне сообщают, что отца перевели, а куда не сказали.

Следующее письмо пришло в марте из лагеря, расположенного в поселке Ераничи в черте города Молотова. Собрал я целую кошевку (это такие сани) картошки, хлеба, махорки, сала. Повез в Ераничи. Отдал передачу и думал, что отец будет, наконец-то, сыт. Но в следующем письме он мне сообщил, что у него все отобрали бандиты и воры, сидевшее в том же лагере. Больше, писал, передачи не вози.

Потом я долго не получал от отца вестей, ведь ему разрешалось лишь одно письмо в год. Следующее пришло из Воркутинского лагеря (Коми АССР). Спустя многие годы я узнал, что по пути в этот лагерь отец долго содержался в Кировском пересыльном пункте, где дошел до дистрофии последней степени. Так что в Воркуту он прибыл «доходягой», как тогда говорили. Поэтому его сначала определили на конный двор. А как только немного окреп, перевели на шахту № 2, где он проработал три года.

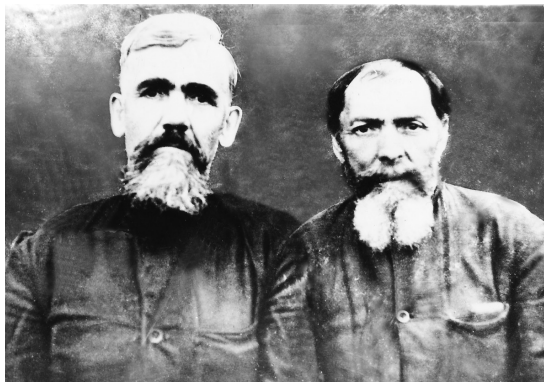
От выполнения нормы выработки зависела норма питания зэка. Выполнишь на сто процентов – получишь один килограмм двести граммов хлеба и приличный приварок. Но попробуй,полни эту норму!

...А я в это время продолжал учиться и искал любую возможность заработать на жизнь. Не гнушался ничем. В то время не было не только мусоропроводов в домах, но даже и уличных контейнеров для мусора. Все нечистоты выбрасывали в выгребные ямы объемом, примерно, 20-30 кубометров. Их надо было вычерпывать специальными черпаками. И туалеты были, в основном, на улицах. Их нужно было чистить. Вот это и была моя работа. Платили прилично, хватало на жизнь и учебу. Кроме того, я еще убирал снег на дорогах, грузил металлолом в железнодорожные вагоны.

От отца снова долго не было писем. Я даже думал, не погиб ли он в шахте. Предчувствие меня не обмануло: действительно, отец попал под обвал, но его, к счастью, придавило не на смерть. С поврежденным позвоночником он долго пролежал в больнице, а после выписки получил группу инвалидности.

За полярным кругом, на 66 градусе северной широты, в поселке Абезь создали специальный лагерь для больных заключенных. Туда собрали со всех лагерей около 55 тысяч человек – по сути, умирать. И нормы питания у них были очень низкие. Вот туда и перевели моего отца, когда он стал инвалидом.

А вообще в 40-60-е годы в лагерях Коми АССР содержались сотни тысяч заключенных. Целые лагерные города. Чтобы не рассекретить такую высокую численность, тюремщики придумали специальный код: каждую тысячу человек называ-

*Василий Иванович Лаищев
и его друг Михаил Николаевич Калинин.*

ли порядковой буквой алфавита – от А и далее. Например, у отца на тряпочке, которая пришивалась на бушлат или телогрейку, был номер Ф-682. Буква Ф в алфавите двадцатая. Это значит, настоящий номер у отца был 20 682.

Если в номере указывались две буквы, то первая означала уже десятки тысяч. У отца в лагере был друг – пермяк, бывший эсер Михаил Николаевич Калинин. Он имел номер ЕГ-780, то есть – 64 780. Если в номере было три буквы, то первая означала сотни тысяч, вторая – десятки, третья – просто тысячи.

...После окончания техникума меня с приятелем Станиславом Пясковским распределили на Украину, в объединение «Укргаз», расположенное во Львове. Там я раньше никогда не бывал, но однажды видел Львов во сне. Когда приехал в город, удивился тому, насколько настоящий Львов похож на привидевшийся мне. Большой парк, гора, ресторан, весь увитый виноградом...

А еще меня и друга поразило то, что на Западной Украине, оказывается, сохранилась частная собственность на магазины, рестораны, столовые и т. д. Прошло почти пять лет опустошительной войны, Россия еще только-только отходила от разрухи и голода, продукты покупали по карточкам. А здесь, на Львовщине, в магазинах всего было много – и промтоваров, и, особенно, продовольствия. И все не так дорого, как на Урале. И никаких, конечно, карточек.

И еще что нас удивило: на Западной Украине продолжали действовать церкви. Во время больших церковных праздников,

как, например, пасха, повсюду раздавался колокольный звон. Особенно поразил крестный ход. Мы впервые увидели живых монашек. Они шли колонной в черных рясах и белых пелеринах. Все молодые и, как нам показалось, очень красивые. В свободное от молитв и крестных ходов время монашки работали в госпиталях сестрами милосердия. Всего этого мы никогда не видели на Урале. В Перми и в деревнях, где мне доводилось бывать, церкви были закрыты и превращены то в склад, то в цех какой-нибудь мастерской, то в клуб...

Из Львова нас с другом направили в Северную Буковину, в Черновицкую геолого-поисковую экспедицию. Платили по тем временам прилично – по семьсот рублей в месяц, плюс шестьдесят процентов полевых. А если буровая хорошо работает, то еще и премию в пределах трех окладов давали.

В середине октября 1947 года я узнал, что в Западной Украине идет раскулачивание крестьян. Сам видел: к дому очередной жертвы подходит американская машина «Студебеккер», хозяину объявляют, что его раскулачивают, дают два часа на сборы. Грузят на машину. Жена плачет, дети плачут. Собирают несколько семей и увозят. Мы с другом были потрясены. В России-то раскулачивание прошло, когда мы с ним были еще совсем маленькими, не помнили этот ужас.

...А мой отец, между тем, продолжал сидеть в колонии. От него приходили редкие письма. Однажды он попросил купить учебник по метеорологии. Оказывается, его перевели работать метеорологом.

В 1948 году нас с Пясковским отправили в Москву за оборудованием. Там я и купил для отца нужный учебник. После возвращения он рассказал мне, как, будучи метеорологом, помогал заключенным, работавшим на лесозаготовках, выживать в лютые морозы. Работать лесорубов заставляли при температуре до минус 40 градусов. Если ниже – в лес не гоняли. Отец стал хитрить. Если температура была минус 38-39, он сообщал лагерному начальству: минус 40-41.

Однажды у отца запросили погоду на ближайшие два-три дня. Он сообщил, что погода будет хорошая, и начальство уехало на охоту. А тут вдруг начался сильный буран, снегопад, ветер. Охотники чуть не погибли. Такая ошибка случилась у отца впервые. Раньше, если он и давал неправильный прогноз, то, как я уже говорил, сознательно, желая помочь подобным себе.

Начальство, конечно, не простило ошибку. Отца уволили и отправили обратно в лагерь смерти «Абезь». Хорошо, еще не расстреляли.

Я был как-то в Польше, в бывшем фашистском концлагере «Освенцим», превращенном в музей. Увидел, что там творили гитлеровцы. Лагерь «Абезь» был не менее страшным. Там отец опять дошел до полного истощения, до дистрофии последней степени. Посылки принимали только раз в год, да и то блатные все отбирали. Спасло отца то, что летом его отправили на сенокос, где конюх-казах отпоил овсяным отваром.

Кончился сенокос, и снова отца вернули в лагерь. В общей сложности в «Абезе» он просидел пять лет. Как выжил? Трудно сказать. Иногда заключенные спасались самыми невероятными способами. В самое голодное время его лагерного друга Михаила Калинина осенила идея: «Давайте ловить собак охраны». Собаки были жирные, их ведь кормили не так, как заключенных. Техническое исполнение взял на себя сам автор идеи: где-то нашел стальную проволоку, сделал из нее петлю. Он подманивал собаку и закидывал ей петлю на шею. Когда животному приходил конец, подключались отец и еще один его лагерный друг (как звать-величать не помню): забрасывали животину на крышу барака в снег и ждали, пока утихнут страсти среди охранников, потерявших пса. Потом снимали замерзшую тушку, разделявали ее. Из мяса варили бульон. Вот так и спасались.

От редактора:

Представляю, как могут возмутиться сегодняшние зоозащитники. Но ведь речь шла о выживании в невыносимых условиях. Скорее всего, заключенным, оказавшимся на грани жизни и смерти, даже в голову не приходило печалиться о сторожевых псах. Эти откормленные, злобные животные ассоциировались в их сознании с жестоким режимом, удерживающим безвинных людей за колючей проволокой в нечеловеческих условиях.

...Смертность в лагерях ГУЛАГа была огромная. Как рассказывал впоследствии отец, в их лагере всегда хватало работы для специально созданных похоронных команд. Летом сколачивали ящики на шесть-семь мертвецов каждый. Прежде, чем положить в ящик умершего, ему кайлом пробивали голову. Для

надежности. Ящики отвозили в тундру, где заранее был приготовлен с помощью взрывчатки котлован.

А зимой долбили проруби в расположенном близ зоны озере и бросали туда покойников с привязанными к ногам камнями. Половина того большого и глубокого озера была забита трупами.

И все-таки даже в таком страшном месте люди умели оставаться людьми. Здесь была своя самодеятельность. Организовывали ее, в основном, российские эмигранты первой волны – князья, графы, интеллигенция, бывшие офицеры царской армии... В конце и после второй мировой войны специальные команды НКВД вылавливали их на освобожденных от фашистов территориях и депортировали в СССР. А здесь судили, кому присуждали расстрел, кому пять, а кому десять лет лагерей.

Эти заключенные очень отличались от других сидельцев. Когда их назначали работать в столовую, они не воровали продукты, наводили порядок на пищеблоке, в результате улучшалось питание заключенных.

В лагере отец не переставал думать обо мне. В письмах убеждал меня продолжать учебу. Он считал, что техник – это лишь высококвалифицированный рабочий, надо поступать в вуз. Я внял его убеждениям и через год после окончания техникума подал документы в Московский нефтяной институт. Написал необходимую тогда для поступления автобиографию, не скрывая того, что отец сидит по 58-й статье. Я же от него не отказывался. В результате в институт меня не приняли. Но я был тогда наивным и не понял, что это из-за автобиографии...

Отец еще до ареста говорил мне: «Государство, которое имеет нефть, хлеб и свободу, – непобедимо». Вспомнив эти слова, я решил: раз не получилось с нефтяным институтом, поступлю в Московскую сельскохозяйственную академию, стану агрономом, буду выращивать хлеб. Но мне и там отказали в приеме документов, мотивируя это тем, что я хочу учиться не по профилю – техник-то я окончил нефтяной.

Ну, что ж, вернулся домой, пошел подавать документы в здешний сельскохозяйственный институт. Председатель приемной комиссии Алла Михайлова Кислова (до сих пор помню ее имя) вошла в мое положение и приняла документы.

До вступительных экзаменов оставался еще месяц. Но после поездки в Москву в карманах у меня оставалось всего 750 рублей. Этих денег явно не хватит на учебу, если поступлю.

Стал искать такую работу, где можно хорошо подзаработать. Пришел на берег Камы, а возле него – громадные плоты с лесом. Тогда город отапливался дровами. Я устроился пильщиком. Со своим напарником, пятидесятичетырехлетним Платоным, у которого на руках было лишь по одному пальцу, чтобы прокормить своих восьмерых детей, он был вынужден заниматься таким тяжелым трудом, мы вытаскивали из воды баграми и лебедками тяжелые бревна, распиливали их на двухметровые отрезки и складывали в штабель. За кубометр платили по десять рублей. До экзаменов я заработал три с половиной тысячи рублей. По тем временам это были большие деньги, их должно было хватить на первое время.

А еще удалось послать отцу посылку с продуктами и его любимыми папиросами «Беломор». Положил я этих папирос пачек двадцать. Кстати, «Беломор» очень ценился в лагере. Когда от тяжелой работы и плохого питания отец снова тяжело заболел и его положили в больницу на операцию, он подарил хирургу две пачки из моей посылки, и тот был очень доволен. Может быть, поэтому операция прошла успешно.

...Сдав вступительные экзамены, я стал студентом агрономического факультета Пермского сельхозинститута. Учился хорошо. Но чтобы получать повышенную стипендию имени Молотова, пришлось вступить в комсомол. Простая стипендия равнялась 270 рублям, а молотовская – 580. Существенная разница. Но не комсомольцам ее не давали, хоть заучись.

...Наконец, отец отсидел свои 10 лет. Начались годы ссылки, которая тоже проходила в Коми АССР. Ссылным выдавали лишь один документ – свидетельство об освобождении. Тем не менее, 17 мая 1955 года отец устроился инженером-геодезистом в проектно-сметное бюро Минлесхоза (еще Коми АССР). Но там он задержался ненадолго. Уже 24 ноября переходит в республиканскую проектную контору комбината «Комилес», тоже инженером-геодезистом. А 19 мая 1956 года переводится в проектно-изыскательное бюро комбината на должность старшего инженера. Там занимается прокладкой лесовозных дорог в самый центр тайги.

13 июня 1958 года отца назначают начальником изыскательной партии. В таких партиях, как правило, работали без выходных, отдыхали только в непогоду. У отца появилась отдельная комната, где он мог уединиться в эти вынужденные выходные.

В соседней комнате жил ветеринарный врач – тоже ссыльный. Было с кем пообщаться.

В 1957 году я приехал к нему на свидание. Мы не виделись больше двенадцати лет. Встретившись, оба заплакали. Я прожил у него пять дней, и все это время мы, по сути, не спали. Он рассказывал о жизни в тюрьме и лагерях.

Года через четыре отца перевели руководителем группы отдела подготовки проектов. В этой должности он проработал до 16 апреля 1962 года, то есть до выхода на пенсию. И, даже став пенсионером, он вынужден был оставаться в Коми АССР, пока не закончился срок ссылки.

...Но вернемся назад, в то время, когда до этого долгожданного дня оставались еще годы и годы. Я продолжал учиться в сельхозинституте. После окончания четырех курсов нас направили на семимесячную практику в сельскохозяйственные предприятия. Мне выпало практиковаться в Нытвенской МТС (машинно-тракторной станции). Потом перевели участковым агрономом сразу на три колхоза с громкими названиями: имени Сталина, имени Молотова и имени Ворошилова. Квартировал я в колхозе Сталина. Не из любви к «вождю народов», просто там выделили жилье.

Мой участок оказался очень большим. Для его объезда в моем распоряжении было три верховых лошади, по одной в каждом колхозе. Доезжаешь от одного колхоза к другому, и приходится менять коня. Одной лошади не под силу одолеть такие расстояния.

Во время практики, я увидел, как тяжело жили тогда колхозники. Их просто-таки душили налогами. Если налоги не выплачивались, то забирали скотину: корову, телку, овец и свиней. Как правило, отобранную живность отправляли на скотобойню. Я был свидетелем, когда у колхозницы забирали корову, а трое детишек бежали за ней и плакали. Это на меня произвело тяжелое впечатление. Кроме того, колхозников принуждали подписываться на облигации государственного займа. По существу, это был дополнительный налог – подписавшиеся ежемесячно должны были платить 10 процентов от зарплаты. Да плюс 13 процентов подоходного налога. Итого – 23 процента от заработка вынь да положь. Тех, кто не хотел подписываться на заем, принуждали насильно.

Мне, агроному, тем более несемейному, жилось намного легче. Я даже мог частенько приезжать в областной центр. Там

встречался с Михаилом Николаевичем Калининым, тем самым, который много лет сидел с моим отцом в лагере и, «отмотав» свой срок раньше его, вернулся в Молотов.

Я говорил уже, что он – бывший эсер. Когда в 1918 году партию эсеров разгромили, его почему-то не тронули, но взяли под наблюдение. Он окончил Пермский государственный университет по специальности «геоботаника». Первый раз его посадили в 1930 году. Дали пять лет по 58-й. Отсидел, вышел на волю и прожил несколько лет на свободе. А в годы «большого террора» снова посадили, уже на восемь лет. Итого отсидел он больше тринадцати лет. В лагерях Михаил Николаевич помогал ногами, и всю оставшуюся жизнь они болели. А в глубокой старости началась гангрена. Ампутировали одну ногу, через несколько лет отняли и другую.

Умер Михаил Николаевич восьмидесятипятилетним. Представляете, какое это крепкое было поколение? Они прошли через первую мировую войну, революцию, репрессии... И те, кто все это смогли выдержать, доживали, как правило, до глубокой старости.

...Окончил я сельскохозяйственный институт с красным дипломом. Мне позволили выбрать любое место работы из предложенного выпускникам списка. Я выбрал Кунгурский район. 7 апреля 1953 года началась моя трудовая деятельность по вузовской специальности. За год до этого по всей нашей области случилось страшное бедствие: вся озимая рожь заболела снежной плесенью и погибла. Снежная плесень – болезнь всходов озимых культур (пшеницы, ржи), вызываемая паразитическими грибами: на вышедших из-под снега растениях появляется паутинистый розоватый налет, и они перестают расти.

1953-1954 годы тоже выдались неурожайными. Меня поражала страшная бедность, беспросветная нужда колхозников. Лошади и коровы дохли от голода. Гарантированную оплату в деньгах и хлебе получали только механизаторы: за трудодень – два килограмма хлеба и 2 рубля 50 копеек. В народе их даже начали звать кулаками.

Неурожай – это, по сути, стихийное бедствие, не зависящее от человека. Оно может случиться в любой стране. Но прославляемое на все лады советское общество страдало далеко не только от неурожая. Его, как раковая опухоль, разъедали изнутри коррупция, мздоимство, казнокрадство и многие другие

Прокуратура Российской Федерации

**ПРОКУРАТУРА
ПЕРМСКОГО КРАЯ**

14990, г. Пермь, ГСП, ул. Луначарского, 60

№ 03.2009. № 13-114-2009

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н (ка) ЛАИЩЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
(фамилия, имя, отчество)
Год и место рождения 1902 г.р., д. Б.-Осиновка Оханского района Пермской области
Место жительства до ареста г. Пермь
Дата ареста 01.08.1945 года
Когда и каким органом репрессирован приговором Судебной коллегии по уголовным делам
Молотовского областного суда от 10.01.1946 года

Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) осужден по ч. 2 ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР за контрреволюционную пропаганду и агитацию в военной обстановке, участие в контрреволюционной организации к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 12.12.1989 года приговор отменен, дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

На основании ст. 3 п. «а» Закона Российской Федерации от 18.10.1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»

ЛАИЩЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ реабилитирован
(фамилия, имя, отчество)

Заместитель прокурора края
старший советник юстиции

В.М. Маленьких

Б № 003036

Справка о реабилитации В. И. Лаищева.

тяжелые недуги, доставшиеся через десятки лет в наследство и нам – жителям постсоветской России.

В конце 40-х, начале 50-х сельскохозяйственное районное начальство бессовестно обирало колхозы. Этот факт даже разбирали на заседании ЦК КПСС. Многих работников районного и областного масштаба исключили из партии и выгнали с работы. Под горячую руку попал и заведующий нашей МТС, механик Иван Михайлович Власов, хотя он был честный человек и пострадал напрасно. Но репрессивные органы, видимо, продолжали действовать по старому принципу: «лес рубят – щепки летят».

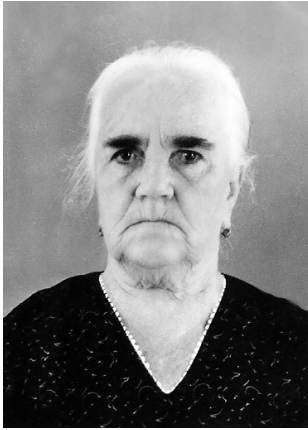
После ликвидации МТС меня перевели работать в Кунгур, назначили главным агрономом района. А в 1962 году отправили в Монголию помогать в организации совхозов. Об этой, тоже очень важной странице моей жизни и о послемонгольском периоде, я расскажу как-нибудь в другой раз. А сейчас постараюсь показать, как повлияла трагедия, случившаяся с моим отцом, на судьбы его братьев и сестер.

Для этого еще раз вернемся в 1952-й год, когда я, работая во время практики агрономом, за лето заработал свыше 8 тысяч рублей. На эти деньги съездил в Москву, навестил старшего брата отца – дядю Колю. Жизнь его показалась мне очень благополучной. Но, как рассказал дядя Коля, он тоже пострадал из-за моего отца.

А произошло это так. После демобилизации из Красной Армии в 1925 году его направили в Ростов-на-Дону заведовать большой нефтебазой, обеспечивающей горючесмазочными материалами всю Ростовскую область. После нескольких лет дядю переводят в Москву, где он работает на руководящих должностях. А позднее отправляют в Швецию торговым представителем по продаже нефтепродуктов. Годы «большого террора» он пробыл за границей. Это, вероятно, и спасло его тогда от репрессий.

Всю Великую Отечественную дядя служил заместителем начальника тыла по обеспечению армии горючесмазочными материалами. Закончил войну в звании полковника, с правительственными наградами.

В 1945-м его готовят к отправке в Иран в качестве представителя СССР по торговле ГСМ. И вдруг выясняется, что его родной брат (то есть мой отец) является закоренелым «врагом народа». Дядю не репрессируют, но карьеру ломают: вместо высокой должности торгового представителя в

Сестра Анна.

Иране назначают заместителем начальника Московского областного управления «Нефтепродукт». И эта должность для перспективного специалиста становится «потолком». А вот его детям, встававшим на ноги в менее людоедские времена, уже ничто не мешало. У него было трое детей. Дочери Галина и Елена окончили медицинский институт, сын Альберт – военную академию тыла.

Гораздо трагичнее сложилась судьба четырех младших братьев и сестер отца. Помните, я писал, что отцу пришлось сдать их всех в детский дом?

Дядя Петя, Петр Иванович Лаищев (1907-1927), прожил в детдоме до совершеннолетия. Потом поступил в Ленинградское артиллерийское училище. Погиб двадцатилетним от несчастного случая. Поживи он подольше, и его коснулись бы репрессии. Уверен в этом, потому что знаю, какова судьба остальных.

Тетя Аня, Анна Ивановна Лаищева (1910-2000), после детдома не смогла получить ни хорошего образования, ни профессии. В 1930 году вышла замуж за колхозного пастуха. В следующем году мужа принудительно отправили на лесозаготовки. Там его убило упавшей лесиной.

Осталась Анна в двадцать лет беременной вдовой. По трудодням колхозникам почти ничего не платили. В октябре пошла она с другими женщинами собирать ржаные колоски по снегу. Их увидели свои же, колхозные, сообщили в районную милицию. Приехали конные милиционеры и забрали женщин в райцентр. Там быстро состряпали дело. Всех женщин осудили по сталинскому указу о колосках на 8 лет. У некоторых дома остались по двое-трое детей.

В колонии тетя Анна родила двух мальчиков, но они умерли от голода. Потом ее отправили в пустыню Кызыл-Кум строить железную дорогу на Фергану. Десятки тысяч заключенных женщин строили эту дорогу. После отсидки срока, тетя Анна устроилась разнорабочей на масложиркомбинат в Фергане. Проработала там до пенсии, получала по 45 рублей в месяц.

Дядя Саша, Александр Иванович Лаищев (1917-1932), выйдя из детдома, выучился в училище на столяра. Не знаю за что, но его тоже репрессировали, отправили на 5 лет на Колыму. Там он и погиб.

Тетя Рая, Раиса Ивановна Лаищева (1917-1942), после детдома тоже отсидела 5 лет. После тюрьмы вышла замуж.

От редактора.

Подведем печальный итог. Из шести братьев и сестер Лаищевых четверо отсидели в тюрьмах и лагерях в общей сложности 28 лет, да плюс к этому 8 лет ссылок. А те, кто не сидел, все равно, так или иначе, ощутили на своей судьбе обжигающее дыхание репрессивного молоха.

ЖИЗНЬ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Воспоминания Маргариты Николаевны Спектор
(Ширяевой)

Архангельские

Мой дед, Архангельский Дмитрий Петрович, родился во второй половине XIX-го века. Он был грек по национальности. Его фамилия по-гречески, вероятно, была Архангелис, имя Димитриос. Как он появился в центральной России, не знаю, предположительно, он был из крымских греков, которые всегда жили на юге России и раньше русских исповедовали христианство. Служил диаконом сельской церкви. Умер, очевидно, в годы революции. Возраст его и причину смерти я не знаю. В это время многие священнослужители стали жертвами пришедших к власти большевиков.

Бабушка Архангельская Анна Игнатьевна происходила из семьи священнослужителей, была истинно верующим человеком, также служила в церкви на хозяйственных работах. Жили они близ города Сызрани в Бугурусланском районе в селе Погромное.

В семье Архангельских было пять дочерей-красавиц. Все дочери закончили церковно-приходскую школу, а две из них продолжили педагогическое образование и стали сельскими учительницами.

Бабушку Анну Игнатьевну я очень хорошо помню. Она была энергичная, преданная своим детям и внукам, всех нас горячо любила до самой смерти. Умерла она в 1943 году на 83-м году жизни в Ташкенте.

Старшая дочь семьи Архангельских Екатерина вышла замуж за священника Феоктиста Богоявленского. В Первую мировую войну он служил в Русской армии капелланом, находился среди солдат на передовой и вернулся домой без одной ноги. Умер в 1924 году, оставив в бедности вдову и шестерых детей – моих двоюродных братьев и сестер.

Судьба многодетной семьи Екатерины, оставшейся без кормильца, складывалась особенно тяжело. Спасаясь от голода, они в 1927 году едут в Среднюю Азию. Екатерина устроилась работать в колонию иностранных военнопленных, содержащихся в Ташкенте еще со времен Первой мировой войны. Среди них был молодой поляк Ян Станиславович Рошек, который, влюбившись в многодетную красавицу, женился на ней. Они прожили долгую жизнь. Ян Станиславович оказался очень хорошим мужем и отцом и единственным мужчиной среди всех родственников, который во время Великой Отечественной войны из-за иностранного происхождения не был мобилизован на фронт. И в эти тяжелые годы, как мог, помогал всем нам решать бытовые проблемы.

Яна Станиславовича я хорошо знала с раннего детства. Совсем молодого его во время Первой мировой войны мобилизовали в Польскую армию. Попав в русский плен, он оказался в колонии военнопленных иностранцев и больше никогда не увидел своей родины – Польши. После революции эта колония перешла в ведение НКВД, а иностранцев многие годы использовали как квалифицированную рабочую силу. Но даже когда колонию распустили, выезд за границу для них все равно запретили.

Через Красный Крест кое-кто смог уехать, но Ян Станиславович не успел. Он умер до того, как пришло разрешение на выезд. Свою горячо любимую жену Екатерину Ян Станиславович пережил только на пару лет. В 70-м году, находясь в Кракове, я встретилась с его младшим братом и рассказала о жизни Яна Станиславовича в Ташкенте, и о том, что наши родственники его очень уважали и достойно похоронили.

Следующей по возрасту дочерью Архангельских была Александра – моя мама. Она родилась в 1894 году. Мама была очень

сильной по характеру женщиной. Своего жениха в первом браке – сына батюшки местной церкви – ждала четыре года, пока он находился на фронте. В армии он пристрастился к спиртному и вернулся с тяжелой алкогольной зависимостью. Его отца – батюшку – в революцию большевики расстреляли. Мама после шести лет тяжелой семейной жизни вместе с семьей сестры Надежды уехала в Среднюю Азию. В маленьком городе Пскенте, близ Ташкента, она познакомилась с моим будущим отцом Ширяевым Николаем Иосифовичем и в 1927 году вышла за него замуж.

*А. Д. Тихомирова в первом браке,
г. Сызрань. 1914 год.*

Еще одна дочь, Елизавета, красивая девушка, очень похожая на отца-грека, прожила короткую жизнь. Работая сельской учительницей, она была вынуждена ежедневно проходить большие расстояния до школы, зимой простудилась и умерла от воспаления легких совсем молодой.

Следует заметить, что родители сестер Архангельских, истинно верующие люди, безусловно, хотели, чтобы их дочери создавали свои семьи либо с самими священнослужителями, либо с выходцами из таких семей. У двух дочерей так, фактически, и сложилось. Но жизнь преподнесла сюрприз, следующим членом семьи стал человек абсолютно новой формации, возглавлявший сельскую управу, большевик Атанов Сергей Архипович. Он стал мужем Надежды – четвертой дочери Архангельских.

Сестры Архангельские с дочерьми Лидией (в центре) и Лилией (в нижнем ряду в центре). Верхний ряд: Антонина и Екатерина. Нижний ряд: Александра и Надежда.

С. А. Атанов в годы революции окончил школу красных командиров. В гражданскую войну командовал дивизией, был ранен. Позднее по партийной линии его направили в село, где происходила пресловутая коллективизация. У них с Надеждой было двое детей, это тоже мои двоюродные брат и сестра. Брат, Атанов Борис Сергеевич, и сейчас живет в Волгоградской области. С ним жизнь нас, как и в детстве, связала в последние годы.

То ли большевик Атанов не выдержал партийных заданий по издевательствам над сельским населением, то ли по какой-то другой причине, но их семья, забрав овдовевшую бабушку, уехала в Среднюю Азию. Жизнь большевика Атанова закончилась плачевно – в возрасте около 45 лет он умер от алкоголизма, оставив в крайней нужде свою семью.

Дольше других в России задержалась самая младшая дочь Архангельских – Антонина. Она почему-то оказалась в Казани, преподавала там в школе. Ее муж заведовал лесным хозяйством, а в 1937 году был репрессирован как враг народа и расстрелян.

Забрав сына Германа, Антонина тоже приехала в Ташкент. Во втором браке ее мужем стал поляк Леонид Масич. У них родилась дочь Людмила, это моя теперь единственная двоюродная сестра, доцент, кандидат экономических наук, ныне со своей семьей проживающая в Москве.

В самом начале войны в 1941-1942 году Антонина тяжело заболела туберкулезом и вскоре умерла. А через короткое время в своем первом бою под городом Смоленском погиб офицер Леонид Масич. Люда осталась в семье нашей тети Надежды и жила с ней вплоть до окончания института.

Итак, вся семья Архангельских, четыре дочери, их мать и многочисленные дети перебрались в Среднюю Азию и обосновались в Ташкенте.

По воспоминаниям моей мамы, Средняя Азия и Ташкент вынужденных переселенцев встретили очень хорошо. Теплый климат, обилие фруктов и овощей сделали этот край просто спасением для оголодавших, измотанных войнами выходцев из России. Очень быстро все они перестали чувствовать себя переселенцами. Сюда приезжали врачи, учителя, экономисты, работы хватало всем.

А для нас, третьего поколения, этот теплый и добрый край стал родиной. Многие из нас хорошо знали узбекский язык. Все мы считали себя, если не узбеками, то и не очень русскими.

Забегая вперед, скажу, что в 1940 году, перед войной, всех родных со стороны мамы с их мужьями и детьми, уже тоже женатыми и замужними, насчитывалось 25 или 26 человек. Взаимоотношения сложились родственные и уважительные, жизнь налаживалась, создавались молодые семьи. Два сына Екатерины учились в институтах, все надеялись на лучшие времена. Великая Отечественная война еще не началась, и все были живы.

Ширяевы

Мой дед, Ширяев Иосиф Семенович, родился приблизительно в 1870 году на Южном Урале. Семья его была обеспеченной, что позволило ему получить хорошее техническое образование, очень престижное для Урала – специалист по горнорудным предприятиям – штейгер. Он занимал хорошее положение на золотодобывающих рудниках. Вблизи города Верхнеуральска находились 12 золотых приисков.

Хорошо помню: в семье хранили золотой самородок величиной с грецкий орех. Это был подарок деда и бабушки в честь первой встречи с семьей сына Николая – моего отца, долгие годы считавшегося погибшим. Продать самородок родители не рискнули, так как это жестоко каралось законом. Так и хранили его много лет, как реликвию и память, в укромном месте.

Здесь придется сказать, что конец самородку пришел неожиданно и просто. Во время ареста папы нашу реликвию старательные сыскари нашли, но в опись конфискованного имущества, естественно, не включили. У всех на глазах НКВД-шник своими «чистыми» руками опустил его в карман широкого галфе, сам того не зная, что избавил этим моего несчастного отца еще от одного обвинения. Спасибо тебе, родимый!

Семья Ширяевых свою долгую жизнь прожила на Южном Урале в городе Верхнеуральске. Этот уездный город в те времена был казачьей столицей, городом ярмарок, «воротами в Азию» и опережал другие города Урала в экономическом, военном и культурном развитии. Сюда в 1868 году из города Орска перенесли центр управления Вторым военным казачьим округом Оренбургского войска. А всего в Верхнеуральском уезде насчитывалось 12 казачьих станиц.

Мой дед не был выходцем из казачьей семьи. Он относил себя к городской технической интеллигенции. Дом Ширяевых стоял недалеко от реки Урал.

Дед был серьезным уважаемым человеком, примерным семьянином. До конца жизни работал в золотодобывающей промышленности. Последняя его должность – председатель артели старателей-золотоискателей. Дальнейшая его судьба очень похожа на судьбы многих честных людей того времени. Она трагически закончилась в 1938 году, о чем я обязана рассказать со слов его дочери Екатерины.

По доносу осведомителя деда, несмотря на 65-летний возраст, арестовали. Его обвиняли в «недоносительстве» на сына Николая, который служил в Белой армии в чине офицера и не предстал за это перед суровым судом народа, а скрывался в Средней Азии.

Приговор – восемь лет лагерей. Деда отправили по этапу для отбывания наказания. Была поздняя осень. Несколько сот человек были вынуждены ночевать на земле в плотном окружении «вертухаев» и их собак. Утром половина несчастных не проснулась. Замерзнув, они заснули навсегда. Среди них был Иосиф Семенович Ширяев, мой дед по отцу.

Семья Ширяевых. Мои родственники по линии отца И. С. Ширяев, В. П. Ширяева и их дети: Виктор, Клавдия, Николай (первый справа в заднем ряду), Александр (в центре) и Екатерина (в нижнем ряду). г. Верхнеуральск. 1912 г.

В девяностые годы он был реабилитирован.

Бабушка Варвара Прокофьевна происходила из семьи зажиточного казака. Семья была многодетная, трудолюбивая, но в течение нескольких лет их преследовали пожары. Решив, что это, не что иное, как божий промысел, по совету священника отец отправил одну из дочерей в монастырь замаливать семейные грехи. Этой дочерью была моя бабушка Варвара.

Умная, работящая, она восемь лет прослужила в монастыре. Тяжелая болезнь отца вынудила дочь сменить монашескую обитель на отчий дом. После смерти отца Варвара вышла замуж за моего деда.

В семье Ширяевых было три сына и три дочери. Девочки закончили гимназию, но высшее образование получить не удалось, так как учились уже в советское время. Сестры отца рано овдовели – двоих мужей убили на фронтах Отечественной войны. Каждая из них имела по одному ребенку, это мои двоюродные братья Лев, Геннадий и сестра Рита.

Н. И. Ширяев в молодые годы своей жизни.

Со Львом я не знакома, но знаю, что он был кадровым офицером, подполковником. Гена Лобашев – хороший художник-любителю – подарил мне четыре картины, написанные маслом. И одна из них – портрет моего папы, что особенно мне дорого. По образованию он техник-механик. Сестра Рита – талантливый музыкант-хормейстер, но, к сожалению, дальше учиться она не смогла из-за раннего замужества и материальных трудностей.

Судьба сыновей Ширяевых сложилась трагически. Два старших сына – Николай и Виктор – участники братоубийственной гражданской войны. Младший – Сергей – захватил Великую Отечественную.

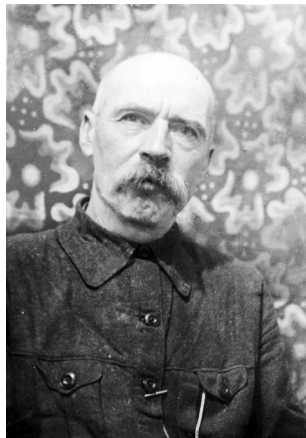
Старшим был мой отец – Николай. Родился он в 1898 году. После обучения в гимназии окончил реальное училище по экономической специальности. Верхнеуральский горнорудный уезд позволил бы ему прекрасно проявить себя на этом поприще.

Октябрьская революция, приведшая страну к гражданской войне, принесла много горя и ему, и его родителям. Семья Ширяевых не относилась ни к классу эксплуататоров, ни к классу эксплуатируемых. Это типичная трудовая семья с религиозным укладом, в которой глава семьи своим трудом обеспечивал нормальный уровень жизни. Свержение капиталистического строя во имя призрачного «торжества социализма», построенного любой ценой, о чем мечтали большевики, этой семье, как и многим таким же, не принесло ничего, кроме несчастья. Но революция свершилась!

Октябрь 1917 года в Верхнеуральске встретили спокойно. Власть в городе по-прежнему оставалась в руках Городской Думы, а казачество подчинялось атаману. Но в казачьей среде уже наметился раскол на две неравные части: большую – из стариков и меньшую – из фронтовиков, распропагандированных на большевистский лад. Они ратовали за равный раздел земли между казаками и призывали больше не воевать.

А гражданская война уже бушевала вокруг Верхнеуральска. Когда в начале 1918 года Оренбург заняли красные, атаман всего Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А. И. Дутов переехал в Верхнеуральск и приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров, реалистов, семинаристов и учащейся молодежи.

Отцу в это время было 20 лет. Его мобилизовали в добровольческую армию и направили служить во второй запасной казачий полк, возглавляемый атаманом В. Н. Захаровым. Не знаю, какие политические убеждения исповедовал тогда отец, но допускаю, что у него просто не было другого выбора.

*И. С. Ширяев, мой дед.
Фотография сделана
накануне ареста.
г. Верхнеуральск.
1938 год.*

Отец. Хождение по мукам

По рассказам папиных сестер отцу присвоили офицерский чин и назначили адъютантом атамана. При этом без военного образования, которое казаки получали с детства, отец не мог возглавить какое-либо казачье подразделение. В должности адъютанта он выполнял различные поручения и вел делопроизводство атамана Захарова.

Верхнеуральск переходил из рук в руки. Одна власть сменялась другой. Но весной 1918 года белоказачьи войска отступили, и в Верхнеуральске установилась советская власть.

В какой момент и по какой причине отец перешел на сторону красных, мне установить не удалось. Такие случаи в

*Мои родители Н. И. Ширяев и А. Д. Тихомирова.
г. Пскент Ташкентской области. 1927 год.*

неразберихе гражданской войны были массовыми. Белогвардейское казачество не стеснялось прибегать к карательным акциям. У местного населения, особенно симпатизировавшего красным, отнимали скот, провизию, нещадно расстреливали при малейшем сопротивлении.

Отец, невоенный человек, мягкий по характеру, не допускал самой возможности насилия над людьми. Ни в каких карательных операциях он участвовать не мог, и это потом было документально доказано при его реабилитации. И еще одно важное обстоятельство: подросший брат Виктор в возрасте 16 лет добровольно вступил в Красную Армию. Допускаю, что этот факт тоже повлиял на поступок отца. Брат не пошел против брата.

На сторону красных вместе с отцом перешли многие казаки. Они стали под красные знамена, а отца арестовали и продержали в одиночной камере целый год. Незначительный эпизод в его биографии, адъютантство при белом атамане, стал закланием, оставил на нем клеймо «злейшего врага» красного движения, а еще через десятилетия – «врага народа».

Мне неизвестно, мог ли брат Виктор чем-то помочь отцу. Я также не знаю, каким образом отец освободился из тюрьмы. Знаю только, что из заключения он вышел больным, с

ухудшившимся зрением. С семьей он прервал связь на много лет. Не хотел причинять ни себе, ни им лишние опасности. Родители считали, что он погиб.

В нашей семье сохранился снимок, на котором отец сфотографирован с двумя молодыми мужчинами. На фото дарственная запись, где упоминается город Хабаровск, и дата «1925 г.». Как оказался мой и не «белый» и не «красный» отец в Хабаровске? Может быть, после освобождения из тюрьмы ушел с частями отступающей белой армии А. В. Колчака на восток и там остался.

Жизнь отца с 23 до 27 лет мне абсолютно неизвестна. Гражданская война на востоке закончилась в 1923 году полным разгромом белой армии. В Китай эмигрировала большая часть оставшегося в живых казачества. Многие уходили на чужбину целыми семьями. Нищенское существование вынуждало многих искать пристанище в других государствах. Были случаи и возвращения в Россию, где «возвращенцы» прямиком попадали в НКВД.

Тема вынужденной эмиграции целого поколения русских людей всегда остро интересовала меня. Всю сознательную жизнь я размышляла над тем, что было бы лучше для отца – печальная судьба эмигранта или короткий срок, отпущенный ему на личную жизнь и семейное счастье на Родине.

Мне теперь не узнать, почему отец решил уехать из Хабаровска в далекую Среднюю Азию. Фамилию свою он никогда не менял, видимо, надеясь на лучшие времена. Но мама знала, что страх стал постоянным спутником его жизни.

В двадцатые-тридцатые годы в Средней Азии органы НКВД еще не «набили руку» на поисках врагов народа. Знание башкирского и татарского языков помогло отцу овладеть и узбекским, а затем и таджикским. Благодаря этому, он довольно быстро адаптировался в Таджикистане.

Он был грамотным экономистом и бухгалтером, работал в сельском хозяйстве и хлопководстве. Сохранилось несколько фотографий, на которых он снят в чалме среди местных узбеков и таджиков. Есть еще одна фотография: он в восточном халате и с чалмой на голове сидит за рабочим столом.

Отец искренне проникся Востоком и полюбил Среднюю Азию. Очень бы хотелось узнать, при каких обстоятельствах он подружился с образованным молодым человеком, узбеком по национальности Юлдашем Ахунбабаевым. Позже этот

Мои родители А. Д. Тихомирова и Н. И. Ширяев со мной – дочерью Маргаритой. Ташкент, 1934 год.

человек работал в правительстве Узбекистана, в 1938-1943 годах занимал пост председателя Президиума Верховного Совета УзССР. Видимо, они были довольно близки в какой-то период жизни отца. Потому-то, когда все-таки отца арестовали, мама обратилась лично к Ю. А. Ахунбабаеву за помощью. Помочь он смог маме только советом, но, воспользовавшись им, возможно, мама спасла жизнь себе и мне. Но об этом я напишу позже.

Наконец, в возрасте 30 лет жизнь отца приобрела смысл. Он встретил и полюбил тоже одинокую женщину – мою маму. У них родился сын Игорь, их первый ребенок. Они почувствовали себя, наконец, родителями и для них это было счастье.

Политическая обстановка в стране становилась все сложнее. Большевики постоянно нагнетали атмосферу страха, подозрительности, поиска врагов. Это стало ощущаться и в Средней Азии. Отец, помня о своем прошлом, не решался жить в городах. Местом жительства семьи выбрал отдаленный район Таджикистана. Но пришла беда. Когда сыну исполнилось восемь месяцев, он внезапно заболел и умер.

Эту утрату родители переживали тяжело и долго. И только через шесть лет им повезло снова стать родителями. У них родилась Я.

По словам мамы, отец просто сходил с ума от счастья. Моя первая фотография появилась спустя девять дней после рождения. Фотографировал он меня часто, вплоть до последнего дня на свободе.

Здесь мне надо остановиться, чтобы сказать несколько слов о двух младших братьях моего отца – Викторе и Сергее Ширяевых.

Как я уже писала, Виктор в 16 лет ушел в Красную Армию. Воевал под командованием своих земляков – братьев И. и Н. Кашириных. Мне известно, что он был молодым командиром, а после гражданской войны остался на партийной работе. Последняя его должность – председатель горисполкома города Челябинска. У него была семья, но я о них ничего не знаю. Умер он в 1938 году от туберкулеза.

Сергей, младший брат отца, от рождения был болезненным и в гражданскую войну был еще ребенком. Во время Великой Отечественной войны он был признан непригодным к военной службе и направлен на трудовой фронт, на завод по ремонту танков. На заводе случилась авария, и он погиб. Так сложилась судьба всех трех братьев Ширяевых – несправедливо и жестоко.

Но в 1938 году братья все-таки встретились в родительском доме. С этой роковой встречи началась целая череда несчастий. Арестовали деда, в НКВД поступил донос соседа-стукача о появлении в семье сына Николая, бывшего офицера белой армии, считавшегося погибшим.

По воспоминаниям мамы, отец всегда испытывал вину перед состарившимися родителями за многолетнее отсутствие и молчание. А еще он страстно хотел показать им очень похожую на него дочь. И вот, вполне по-человечески понятный поступок обернулся трагедией. Он пренебрег опасностью и, тем самым, привел к гибели отца, и, впоследствии, погиб сам. «Благосклонной» судьба оказалась только к Виктору, который не поплатился за недоносительство, а просто вскоре умер.

По тем временам – «повезло». А могло случиться иначе. Как случилось с боевыми товарищами Виктора – братьями И. и Н. Кашириными. Иван закончил гражданскую войну командиром особой казачьей кавалерийской бригады на Восточном фронте и был награжден орденом Красного Знамени. Николай – командиром кавалерийского корпуса на Южном фронте, став

*Н. И. Ширяев. Короткая передышка
на берегу ирригационного канала.
1939 год.*

кавалером двух орденов Красного Знамени. Оба крупные военачальники, делегаты съездов партии. Но с 1937 года имя героев Кашириных перестало упоминаться. Тень ложного обвинения легла и на них. Лавры боевых побед и народного признания не спасли от репрессий. Обоих обвинили в измене Родине, в участии в антисоветской террористической организации, обоих расстреляли.

В 60-е годы оба были реабилитированы.

Так что красные командиры, патриоты И. и Н. Каширины, и белый офицер Н. Ширяев сражались по раз-

ные стороны баррикад, но от своей страны получили одинаковые «награды».

Судьба одного из главных фигурантов отцовской трагедии атамана Верхнеуральского белоказачества Захарова известна. В составе остатков белого казачества под предводительством атамана генерала Дутова, отступившего в Семиречье, находился и Захаров. Они перешли китайскую границу и пробовали обосноваться в Китае. Вскоре Дутова застрелили подосланные чекисты, а Захаров в 1923 году вернулся в Россию, был осужден трибуналом. Его не расстреляли, помиловали по настоянию казачества. Отсидел в тюрьме большой срок и дожил до 92 лет в Украине, где умер своей смертью в 1987 году.

Получилось, белый атаман меньше провинился перед советской страной и казачеством, чем его адъютант – мой отец...

Мое взрослое детство

Себя я хорошо помню с шести-семи лет. Помню маму – полную, статную брюнетку, помню папу – высокого, худощавого, очень доброго. Жили мы в Ташкенте. У нас был просторный дом, двор, росло несколько фруктовых деревьев, во дворе, как у многих, располагалась летняя кухня. В это время мама не работала, была домохозяйкой. Папа хорошо обеспечивал семью.

По понятным причинам, он не вступил в партию. Работал на довольно высоком посту главного бухгалтера Наркомводхоза УзССР, но вскоре стало ясно, что беспартийному человеку занимать такую должность невозможно. А когда отец узнал об аресте своего отца, он немедленно уволился, так как не сомневался, что следующая очередь – за ним. Он знал и раньше, что это может случиться в любой момент, но как-то научился жить с этим. Отец боялся не столько за себя, сколько за нас с мамой. И поэтому 15 лет официально не регистрировал брак, ответственность на дом оформил на мамино имя и единственное, от чего он не мог отказаться, – это от меня. В метрической выписке у меня значатся и мать, и отец с его отчеством и фамилией. Я никогда в жизни не пожалела об этом и много лет думала, что свою фамилию не сменю ни на какую другую.

Папа по жизни был прекрасным фотографом. Прекратив экономическую работу, устроился в фотостудию при Наркомводхозе УзССР на должность фотокорреспондента газеты «Звезда Востока». Он часто ездил в командировки, бывал на строительстве крупных каналов. Работал на неплохой аппаратуре: кроме «лейки» у папы был редкий по тем временам zahraniчный аппарат «Цейс». К слову сказать, оба конфисковали во время ареста.

К нашему дому отец пристроил фотолабораторию. Его снимки часто печатались в газете. Неудивительно, что с самого детства я почувствовала интерес к фотографии. Отец это очень приветствовал, доверял мне «лейку». Есть фотография, где я держу ее в руках. Можно сказать, интерес к фотографии, как и способности к узбекскому языку, перешли мне от папы. Узбекский язык за прошедшие годы почти забыла, а вот фотографией увлекаюсь, благодаря папе, до сих пор.

Первый свой снимок я сделала и отпечатала в возрасте семи лет. На нем папа и мама, уставшие, сидят на скамеечке в нашем дворе, не догадываясь, что это их последняя,

*А это я, Риточка
Ширяева (М. Н. Спектор).
Фотография
Н. И. Ширяева. 1940 год.*

прощальная фотография. Через месяц абсолютно все изменится – начнется война, а еще через пятнадцать дней арестуют папу.

...Когда я готовила к печати эти воспоминания, среди других мне попала фотография, сделанная отцом в 1939 году. Я видела ее множество раз, но теперь она вызвала у меня совершенно новые ощущения. На фотографии, обнявшись, стоят три хорошенькие, улыбающиеся девочки. Наши семьи жили почти рядом. Мы дружили, часто бывали друг у друга в гостях, знали родителей. Но сейчас, глядя на эту фотографию, я кожей ощутила страх...

Отец одной из нас служил в НКВД, носил соответствующую военную форму, за ним часто приезжала легковая «эмка». У второй – он был с виду штатский человек. На работу не ходил. Отличался любознательностью. А я, как назло, была девочкой общительной. Он не уставал спрашивать про моего папу: куда поехал, когда приедет, кто приходил и т. д. Хорошо, что я, совсем еще ребенок, ничего не знала.

Только позже мы с мамой поняли, что он был добросовестный осведомитель.

Третий, как вы уже догадались, был мой отец, будущая жертва доноса.

Вскоре семья НКВД-шника куда-то съехала. Видимо, чудесным образом освободилась чья-то более удобная квартирка. Трудолюбивого осведомителя на фронт не взяли, у него и в тылу было много работы. Он дожил до старости. Его дочь выросла в крупного комсомольского работника, а затем не последнее кресло занимала в горкоме партии.

Вроде бы частный случай. Но на самом деле он вполне четко отражает атмосферу того времени, входит в общую картину предвоенных лет.

Когда началась Великая Отечественная война, папе было 43 года, маме 47, а мне семь лет. Не дожидаясь повестки, не

Это первый снимок, сделанный мной в семь лет. Папа и мама незадолго перед арестом отца. Ташкент, июнь 1941 года.

советуясь с мамой, папа принял решение добровольно уйти на фронт. Хроническую язву желудка скрыть не удалось, в военкомате ему отказали.

Опять и опять не могу найти ответ на вопрос, почему он принял такое скоропалительное решение. Ведь знал, что нездоров и к службе в армии вряд ли годен. Здесь я сравниваю два его решения, принятые в разные периоды его жизни – переход от белых к

красным и попытка добровольного бегства на фронт. Что это? Характер или его гнали неизвестные нам обстоятельства?

Сводки по радио были ошеломляющими. В доме чувствовалось напряжение, мама часто плакала. Случилась еще одна странность. У нас несколько лет рос комнатный цветок. Называли его «арма». Это широколистный крупный экземпляр, он никогда не цвел. За неделю до начала войны он прямо от корня выбросил стрелу с бутоном на вершине. Когда мама его увидела, она вскрикнула и сказала, что будет большая беда. Мамина интуиция всю жизнь меня поражала.

Уже мимо нашего дома двигались колонны бойцов, топот сапог не прекращался даже ночью. Солдаты направлялись на вокзал, в эшелоны и на Запад. О бутоне мы, конечно, все забыли.

Ночью пятого июля 1941 года в дверь постучали. Вошли двое мужчин. Один в форме НКВД, второй в штатском. Я была там с самого начала и до конца. Внимательно осмотрели дом, обстановку, ковры, привезенные из тех мест, где отец работал, тщательно проверили белье в шифоньере. Обнаружив в уголке золотой слиток, о котором я уже писала, «сперли» его. Пересмотрели

большое количество фотографий, но отобрали 2-3 снимка. Фотоаппараты внесли в опись конфискованного имущества.

Родители окаменели. Мама трясущимися руками собрала папе кое-что из вещей. Отец поцеловал нас и, ни слова не говоря, все трое вышли. Провожать его нам не разрешили. Мы бросились к окну, проходя, папа горько глянул на нас и опустил голову. Машина отъехала. Мы стояли у окна и плакали. А бутон-то наш уже превратился в большой белый цветок. Не дожидаясь утра, мама выбросила этот несчастный горевестник.

Папу я больше не видела никогда.

Так пятого июля 1941 года закончилось мое короткое детство, и я вступила в почти что взрослую жизнь.

Сведений об отце никто не давал. Но маме как-то удалось узнать, что содержали его в тюрьме НКВД. Ему предъявили обвинение в антисоветской агитации и участии в банде Анненкова. Я нашла сведения об этом атамане. Анненков характеризовался, как самый жестокий из атаманов казачьих войск. Своих казаков расстреливал, «отличился» карательными действиями против мирного населения. Но среди атаманов Второго Верхнеуральского отдела Оренбургского казачества он не числился, воевал в восточном Казахстане и Западной Сибири. В мае 1920 года в составе войск атамана Дутова через Тургайские степи бежал в Китай. В 1926 году вернулся в СССР и по приговору военного трибунала был расстрелян.

Так что мой отец не мог иметь к нему никакого отношения. Но чекистам это было не важно. Протоколы допросов составлялись заранее, от подследственных требовалась только подпись. Доказательства никто не слушал. Применялись пытки, доводившие людей до безумия. «Заплечных дел мастера» добросовестно делали свою работу и «чистосердечные признания» шли одно за другим. И мой несчастный папа не стал исключением.

13 октября 1941 года Верховный суд Узбекской ССР вынес смертный приговор – высшая мера наказания. Заседание длилось 20 минут. После его окончания совершенно неузнаваемого отца «препроводили» на улицу в «воронок». Это позволило моим родителям на мгновение увидеться еще раз, теперь уже совсем в последний раз. Боясь моего непредсказуемого поведения, к зданию суда мама меня не взяла. И потому я навсегда сохранила в памяти прежний образ отца.

Когда мне прислали решение Прокуратуры Узбекской ССР о реабилитации отца, я обнаружила в конверте последнюю папину фотографию с номером на груди. На меня смотрит измученный, невероятно постаревший мужчина, жить которому выпало только 44 года.

После суда с помощью нанятого мамой адвоката была подана апелляция почему-то в Москву на имя Михаила Ивановича Калинина. Ответ пришел быстро. Всесоюзный староста с козлиной бородой подтвердил решение суда. Маме показали этот документ, вместо подписи там стояло его факсимиле.

19 декабря 1941 года, когда немцы нещадно бомбили наши города, в глубоком тылу тоже раздавались выстрелы: это в подвалах НКВД торопливо избавлялись от «врагов народа». Многие годы я бьюсь над вопросом: почему его расстреляли именно 19 декабря? Весь христианский мир чтит в этот день Святителем Николая избранника Божьего. Это день рождения и день Ангела моего отца. Ведь надо так издевательски осуществить дьявольский промысел, чтобы человеку, 67 дней и ночей ожидавшему свою смерть, «преподнести» ее в качестве подарка ко дню рождения. Дьявольское совпадение. Оно поразило меня 17 июля 1989 года, когда я впервые прочла документы о реабилитации. Моя мама до этого времени не дожила.

Массовая реабилитация началась в 1989 году. Я послала обращение в Москву в ЦК КПСС на Старую площадь. Спасибо М. С. Горбачеву, «процесс пошел» быстро. Подробное письмо прислала Прокуратура Узбекской ССР. В письме сообщалось: «...изучение дела показало, что Ширяев Н. И. осужден был незаконно. В деле отсутствуют какие-либо доказательства того, что он участвовал в банде Анненкова. Высказывания его, допущенные в разговорах со своими знакомыми, отражали действительное политическое и экономическое положение, существовавшее в стране, и не могут расцениваться, как контрреволюционные... производством за отсутствием события и состава преступления дело прекращено».

А кто ответил за то, что пытали, за то, что расстреляли? Если это незаконно и по ошибке – кто извинился или выразил человеческое соболезнование по поводу постигшего нашу семью горя? Дело об отце мне в Комитете Госбезопасности УзССР не показали, а показывать, видимо, было нечего. Донос, «сердечное» признание, приговор суда и акт об исполнении приговора.

В 2001 году меня признали «подвергшейся политическим репрессиям» и тоже реабилитировали как «лицо, оставшееся в несовершеннолетнем возрасте без попечения».

Да, без попечения моего честного и порядочного отца нам с мамой пришлось хлебнуть много чего...

Выжить любой ценой

А сценарий, написанный во время суда над отцом, продолжал действовать. Несмотря на войну, государственный социальный заказ по отношению к таким, как мы, семьям «врагов народа» выполнялся исправно.

Вскоре после суда к нам явился участковый милиционер и принес повестку следующего содержания (по памяти): «К такому-то числу и часу семья врага народа Ширяева должна явиться на платформу станции Ташкент-товарная для выселения из города Ташкента. При себе иметь документы и багаж не более 20 кг. Пункт назначения будет указан дополнительно». Так как мама мне ничего не рассказала о папе, я надеялась, что нас повезут к нему. Уже давно просачивались сведения, что ближайшим местом ссылки был Северный Казахстан – малообжитые районы без школ и больниц.

Перед войной мы жили в относительном достатке. Тем не менее, у меня обнаружили уплотнение в одном легком – инфильтрат. Я была очень худа и слаба. Что нас там могло ждать?

Отдаю должное маминному уму и энергии, видимо, здесь и сработал греческий бойцовский ген от ее отца – грека. В считанные дни и часы она добилась приема у узбекского друга папы – Председателя Президиума Верховного Совета УзССР Ю. А. Ахунбабаева. Он ни отцу, ни нам помочь не смог, но совет все-таки дал. Мама должна обратиться в прокуратуру с заявлением о том, что с Ширяевым Николаем Иосифовичем у нее законного брака не было, они не имеют общую собственность, ребенок рожден вне брака, просто по согласию Ширяева Н. И. дать ребенку свое отчество и фамилию. Другими словами, ей надо полностью отказаться от мужа.

В 1937 году вышел чудовищный приказ наркома Ежова № 00486, которым указывалось приступить к репрессированию жен осужденных «врагов народа», даже бывших жен, а также женщин, проживавших с «врагом народа» без регистрации

брака. Согласно этому приказу дети из таких семей должны быть тоже наказаны: в возрасте до 15 лет их надлежало отправить в детские дома специального назначения.

Союз моих родителей был союзом двух взрослых людей, которые в своей жизни успели очень многое увидеть и испытать. Они знали о прошлом друг друга, знали и, тем не менее, создали семью.

Маму не остановило прошлое папы и его сложные взаимоотношения с властью. Понимая опасность, она вышла за него замуж и родила двух детей. Папа знал, что мама из семьи священнослужителя. А это для карательных органов тоже было удобным предложением для ареста. Знал он и о том, что в первом браке мужем мамы был офицер белой армии. Все это в иных условиях не помешало бы моим родителям жить долго и счастливо. Но тогда...

Понимая, что в любой момент их судьбы могут круто измениться, отец настоял на том, чтобы не оформлять брак юридически. Он хотел хоть как-то защитить жену и дочь от возможного страшного поворота событий.

Все это хорошо понимала мама. Спасти себя и мою жизнь теперь стало ее материнским долгом. Выбор делать было не из чего. И мама последовала совету папиного друга.

Это было невероятно трудное для нее решение, но, возможно, только оно и спасло нас. Маму не арестовали, и мы с ней, как могли, продолжали бороться за свою жизнь.

В детстве я просто не понимала смысл трагической развязки семейной жизни родителей, но будучи взрослой, поняла, как мудро поступила мама. Ведь отказ был – просто слова, написанные на бумаге. А в душе она ни на минуту не отказалась от своего мужа.

В том, что она его любила (и ждала, не смотря ни на что!) я убедилась, когда по прошествии двух лет после папиной смерти, в период нашей крайней нужды, мама получила предложение выйти замуж за очень достойного человека, папиного друга. В первые дни войны у него погибла вся семья, он был совершенно одинок. Если бы мама приняла его предложение, наша жизнь, безусловно, изменилась бы к лучшему. Но она ему отказала.

...А из милиции исправно шли повестки. Жили мы в ужасе, вздрагивали на каждый стук, но ни на какую товарную платформу не шли. Мама ждала ареста, потому что с такими, как она, НКВД не церемонился. Им нужен был наш дом и немедленно.

От переживаний и жуткой усталости у мамы открылось маточное кровотечение, и ее срочно забрали в больницу. За мной присматривала, как могла, сестра матери, Надежда.

Первого сентября 1941 года первый раз в первый класс я пошла одна. Добрая приятельница нашей семьи, Прасковья Захаровна Чекирда, была учительницей младших классов. Она знала об аресте папы, взяла меня в свой класс и посадила на первую парту перед собой.

Если честно, учеба в школе мне не понравилась. Тяжело сидеть на уроке целых 45 минут. А еще нужно врать, что папа недавно ушел на фронт. Читать и писать я умела, и этого, как мне казалось, было достаточно.

Мне было только семь лет. До войны по улицам я ходила «за ручку» с мамой или папой. Но теперь жить приходилось самостоятельно. Поздней осенью я одна ездила к маме в больницу, сначала на трамвае, а потом около трех километров шла пешком. Залезала на край цоколя, ухватившись за подоконник. Мама подходила к закрытому окну, а я показывала ей листок из тетради в клеточку, на котором было написано одно слово: «ПРИХАДИЛ». Это означало, что участковый милиционер Умар опять приходил с повесткой.

Около месяца маму лечили. Так как результаты были плохие, решили оперировать. И вот наступил зимний день, когда я смогла приписать не то «НЕ», не то «НИ», что означало: милиционер не приходил. Видимо, в НКВД решили подождать, когда больная мать умрет.

На следующий день, когда я пришла к маме с тем же листком, она уже собрала вещи и выписалась из больницы. И, как раньше, взявшись за руки, мы пошли спасать наш дом.

Война набирала обороты. В Среднюю Азию, в частности, в Ташкент, шли эшелоны с эвакуированными. В демонтированном виде привозили целые заводы, оборудование размещалось почти на открытых площадках и скоро начинало работать. Теплый климат позволял это. А вот расселение тысяч эвакуированных людей стало острой проблемой. Под временное жилье отдали все большие помещения – клубы, кинотеатры, школы. Ближайшим к маминой больнице был клуб фабрики «Швейник». Вот туда мы и направились. В большом зрительном зале на полу, на соломе лежали и сидели люди, в основном женщины и дети.

Две крайние к дверям семьи мы пригласили жить к нам в дом. Их счастью не было предела! Они оказались ленинградцами, вещей никаких не привезли, все потеряли в блокадном городе.

Н. И. Ширяев на строительстве Большого Ферганского канала. 1941 год.

Семья Марголиных – большой муж, жена и двое

детей-подростков. И семья Бродских – муж погиб в пути, жена, взрослая дочь и домработница, на которой все семейство держалось. Мама оформила им прописку, они заняли по комнате. А мы перебрались в летнюю кухню. Ничего из вещей не взяли. Кухня так мала, что их некуда ни ставить, ни раскладывать. Если что-то было нужно, – ходили в дом.

Вот теперь НКВД, прежде чем конфисковать наш дом, должен был выселить этих несчастных. Оставалось посочувствовать уважаемым товарищам мародерам. От нас отстали, видно, свободных товарных вагонов на станции не оказалось.

Денег с эвакуированных мы, естественно, не брали. А жить не на что, маме пришлось искать работу. При устройстве на любое предприятие надо было заполнить анкету. Вопросов в ней множество: член – не член, сидел – не сидел, где родственники, кто они. Если родственник умер, покажи свидетельство о смерти, если на фронте, – представь аттестат или похоронку. Разве только не было вопроса: «Почему не доносил?» И правильный ответ, видимо, должен был быть: «Я глухой, немой и ослепший, слава тебе, Господи».

С трудом маме удалось устроиться на какой-то завод инструментальщицей. Работа физически трудная, нервная. Стрессы, плохое питание, летняя жара скоро привели ее к страшной болезни, которая называлась пелагра. Ею болели, как правило, заключенные в лагерях. Люди умирали от нее сотнями. Мама опять в тяжелом состоянии попала в больницу.

Страшно вспоминать... В свои девять лет я приезжала к маме, но сначала направлялась к моргу. В три часа оттуда вывозили трупы – на телеге, штабелями. И только убедившись, что среди них мамы нет, я бежала в ее отделение. Я это делала, чтобы если мама уже умерла, хотя бы посмотреть на нее в последний раз. Другой случай мог и не представиться – умерших хоронили где-то в общей могиле.

Я несла недетские физические и нервные нагрузки. Старалась держаться. Но от всего пережитого, от страха тех дней не могла избавиться еще долгие-долгие годы.

А моей маме суждено было жить. Весом в 45 килограммов, почерневшая, слабая, она не вышла, а выползла из больницы.

Как я жила без нее? Семья Марголиных кормила меня. Как сейчас говорят, я была ребенком «без комплексов». Однажды они пригласили меня поесть, и я решила, что это навсегда. В положенное время садилась за стол вместе со всеми.

Оставлять маму после выписки из больницы в таком состоянии было очень опасно. Помогли опять же Марголины. Они посоветовали обратиться к старому ленинградскому профессору, также эвакуированному, который жил недалеко от нас. Глядя на мамин плачевный вид, он сказал (я помню эту фразу): «Ничего не обещаю». И, глядя на меня, добавил: «Ну, давайте попробуем». Выписал рецепт на какую-то желтую жидкость в большой бутылке и сказал, что три дня – специальная диета, а потом, несмотря ни на что, только белый хлеб, мясо, жиры, сметана. Так он предполагал спасти кишечник моей матери от прободения.

Бутылку с желтой жидкостью из аптеки я принесла. С трехдневной диетой справились. А что дальше?

Кроме меня, предпринять что-либо было некому. Родственники очень нуждались. Хлеб выдавали по карточкам. У нас с мамой было две карточки. По одной я брала очень черный сырой хлеб для себя, а по второй я могла взять только одну маленькую круглую булочку весом граммов 150 для мамы.

Эту булочку в нашем районе можно было купить только в одном небольшом магазине – далеко от нашего дома на берегу реки Салар, на улице Пушкинской. Булочек привозили мало, а больных, наоборот, было много. Надо было с вечера занимать очередь, всю ночь стоять или сидеть на корточках и утром получить эту то ли роскошь, то ли необходимость.

Но самой ужасной для меня была не длинная и голодная ночь, а дорога домой. Мучительно трудно донести и не съесть эту невероятно вкусно пахнущую булочку.

Я часто думала, когда совсем в другое время росла моя дочь, что же могла испытывать бедная мама, когда я приносила ей эту булку. По-моему, – жить, жить любой ценой, чтобы не оставить дочь совсем одну.

Своим чудесным выздоровлением она, безусловно, обязана старому ленинградскому профессору. Теперь встал вопрос, где же взять средства на остальное питание? Работать она не могла. Еле-еле передвигалась. Решение было найдено. Вблизи от нашего дома располагался вещевого и продуктовый рынок. В город приехали тысячи людей почти с пустыми руками. Жить надо – и люди шли на рынок, покупали практически все.

Торговала я бойко. Продала все, что могла донести на рынок в свои девять лет. Последнее, что я продала, было большое шелковое сиреневое сюзане (ковер машинной вышивки), привезенный когда-то родителями из Таджикистана. Он был тяжелый. Я еле-еле его тащила. По дороге женщина спросила: «А сколько он стоит?» – «А сколько дадите?..» По теперешним временам остается большой загадкой, что никто меня тогда не обманул, не отобрал ни вещи, ни деньги.

Я так увлеклась торговлей, что продала все, за исключением самого необходимого – остались две кастрюли, три тарелки, три ложки и т. д. Но денег все равно не хватало, чтобы купить маме мясо, жиры, сметану.

Выход нашелся и тут. Рядом жили соседи – многодетная семья Рогачевых. Отец у них воевал, кормить десятерых детей приходилось матери. У них была небольшая тележка и работающий ишак, в смысле осел. На этом транспорте мы с тетей Катей Рогачевой к концу ночной смены – к 24 часам – подруливали к проходной Ташкентского мясокомбината. Выходящие со смены рабочие все, как один, «что-то» выносили. Тоже для того, чтобы жить. Конечно, с проходной у них был сговор, ощупывали их для вида. И из-под подкладок пальто, из лифчиков и еще не знаю откуда они доставали кусочки печени, легкого, требуху и прочий «сбой». И быстро, и, главное, недорого продавали таким, как мы.

Не всегда наши походы кончались благополучно. Часто бывали облавы, но наш ишак, в смысле осел, очень тупой на вид,

заметив милиционеров, мгновенно превращался в скакуна и ослиной рысью привозил нас домой.

Утром все удачно добытое нами отмывалось и превращалось в мясные блюда. Вскоре все заметили, что мама окрепла, а вместе с ней и я. И, наконец, осенью совершенно неожиданно решился вопрос с маминым трудоустройством.

Моя учительница Чекирда Прасковья Захаровна по партийной линии была неожиданно назначена директором детского дома, главным образом, для эвакуированных сирот. Прямо из эшелонов больных, иногда раненых детей школьного возраста собирали в этот детдом на улице Лабзак. Многие с началом войны потеряли родителей, многие были в тяжелой депрессии, ночью кричали, звали матерей. В детдом нужно было набрать персонал из порядочных людей. Маму приняли, но она попросила, чтобы на общих основаниях взяли и меня. Это возможно, но только в том случае, если никто, кроме директрисы Прасковьи Захаровны не будет знать, что кастелянша тетя Шура – моя мама. Фамилии у нас с ней разные. Эта чертова конспирация давалась нам с трудом.

В детдоме мне нравилось. Много польских, еврейских, узбекских детей, некоторые говорили с акцентом. Возможно, они были из таких же семей «врагов народа», как и я, но вопрос этот никогда не затрагивался. Различий по национальности никто не делал, правда, некоторые поступки вызывали бурное обсуждение, но без драк. Меня очень тяготила необходимость вранья уже про двух родителей.

В детдом я пришла с небольшим, но жизненным опытом. Все, что происходило в последние два-три года, безусловно, наложило отпечаток на мой характер. Я ощущала себя самостоятельным человеком, свободным в решениях и действиях. Не знала, что такое растерянность, смущение. Но безумно боялась милиционеров и военных в синих фуражках НКВД.

В детском доме я усвоила новые для меня понятия: сострадание, сопереживание, справедливость, обязанность защищать слабых. А еще – жизнь на виду у большого коллектива в трудное военное время. Все это дорогого стоит. Думаю, многое из перечисленного мне в жизни пригодилось, благодаря детскому дому на Лабзаке.

Все плохое приходит внезапно. Внезапно я серьезно заболела, и во время высокой температуры мы с мамочкой случайно

«проговорились». И нас, к большому сожалению, «уволители» из детдома, который на время заменил родной.

Сталинское клеймо

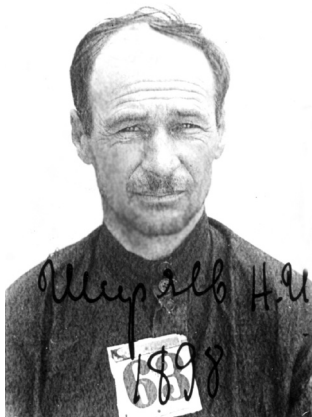
Как только прорвали блокаду, наши ленинградцы уехали. Расставались как родные люди, первые годы переписывались. Они благодарили за все, тепло вспоминали нас. А для нас с мамой жизнь опять осложнилась. Работу опять же из-за анкеты она нашла только за городом. Это было подсобное хозяйство парашютного, а позже авиационного завода. От последней остановки трамвая приходилось еще пять километров идти пешком по узбекскому району. Работа была шестидневная. Домой она приходила в субботу вечером, а уходила в шесть утра в понедельник. Жила я практически одна. Чисто условно за мной присматривала соседка баба Феня.

В теплое время после уроков я ездила к маме на выходной, а в каникулы и жила там. Мамина бригада наполовину состояла из женщин и мужчин узбекской национальности. Общались на каком-то смешанном языке, а дети только на узбекском, так как русских детей, кроме меня, там не было, а поговорить хотелось. Тогда я обнаружила, что могу бегло и с нужным акцентом говорить и петь по-узбекски.

Моя большая ошибка в жизни, что не посвятила себя изучению восточных языков. А ведь подсказка от папы была, но я не поняла ее. И не нашлось человека, который бы мог что-то посоветовать. Мама не считала это важным, она вообще опасалась, что мне не дадут учиться дальше.

В теплое время, а оно в Ташкенте почти всегда, чтобы добраться к маме, я проходила огромные расстояния. В чайханах, куда я заходила отдохнуть, угощали узбекскими лепешками, поили чаем. Еще бы – ведь я знала язык. По дороге, в жару купалась в каналах и арыках, по их берегам густо росла конопля, которую сейчас называют «анаша». О наркоманах мы тогда ничего не слышали, да и были ли они? В те времена пять-шесть километров я проходила легко, и эта особенность осталась у меня на всю жизнь.

Война подходила к концу. Мама продолжала работать в подсобном хозяйстве, которое теперь стало и двухдневным домом отдыха для высшего комсостава авиационного завода. Мама и

*Н. И. Ширяев, ему 44 года.
Тюрьма НКВД. Ташкент.
1941 год.*

еще две женщины работали официантками. Тогда я впервые увидела, что мама еще очень привлекательная женщина с изящными манерами, красивым молодым голосом и легкой походкой. Ей был всего-то пятьдесят один год, но какой ужасный груз пережитого был за ее плечами...

А дома опять приходилось жить одной. После детдома и маминого хозяйства, когда целые сутки я находилась среди людей, было очень тяжело. Училась средне, отличников недолюбливала. Мама, естественно, не имела возможности меня контролировать, в школе она побывала всего два раза: в первый – чтобы взять меня на похороны бабушки, а во второй – на выпускном вечере после окончания 10-го класса.

Конец войны стал для нас праздником со слезами. Ведь некоторые отцы, все-таки, вернулись. Я очень страдала, что нет папы. И не просто нет, потому что убили на фронте, а убили здесь, в тылу и «свои». Окружающие задавали вопросы, и на них приходилось отвечать. Опять отдаю должное маме. Однажды она принесла мне лист бумаги, на котором ее рукой была написана фраза, которую я затем повторяла во всех анкетах. В последний раз ее написала в 1980 году, когда мне исполнилось уже 47 лет: «Об отце, Ширяеве Николае Иосифовиче, сведений не имею, мать в браке с ним не состояла».

Чистой правдой было только то, что «мать в браке не состояла». А в остальном я никогда, ни на одну минуту не верила приговору суда по делу отца и, в конце концов, оказалась права. Как только я поняла, что с клеймом дочери «врага народа» придется жить и учиться многие годы, мое взрослое детство окончательно закончилось.

Это клеймо тысячам молодых людей не позволяло мечтать о серьезном образовании. При приеме документов в любое высшее учебное заведение требовали заполнить анкету о себе, родителях, братьях, сестрах и т. д. Спецчасть функционировала везде и, как правило, не бездействовала. Правдивые

сведения, несомненно, отрицательно сказывались на решении мандатных комиссий, производивших отбор студентов, особенно там, где был конкурс.

Вопрос о поступлении в институт осложнился и тем, что мое весьма слабое материальное положение требовало выбора такого вуза, где выплачивали стипендии побольше, чем в других. Выбрала горный факультет Среднеазиатского политехнического института в Ташкенте.

Я тогда не могла и предположить, что студенты, обучающиеся именно на этом факультете, после окончания каждого курса должны проходить практику на предприятиях горно-добывающей промышленности, на рудниках и шахтах, либо в геологических партиях, занимающихся поиском или разведкой полезных ископаемых. Все эти объекты были засекречены. Студентам для получения допуска к работе надо было пройти тщательную проверку через спецчасть и Комитет госбезопасности УзССР (бывший НКВД).

Опасность быть изгнанной из института я чувствовала на протяжении всех пяти лет учебы. Не знаю, как удалось избежать этого. Остается предположить, что после торжественных похорон Сталина, позорной смерти Берии КГБ стало не таким «всевидящим оком». Или просто нас, неполноправных пасынков страны, уже стало слишком много.

Эпилог

В 1956 году я успешно закончила институт, позже и аспирантуру. Так исполнилась заветная мечта моей мамы, отдавшей все свои силы и здоровье, чтобы, несмотря изломанное детство и полунищую юность, я осталась на свободе и получила хорошее образование.

Мама прожила долгую жизнь, успела вырастить внучку, мою дочь, и увидеть мою счастливую семейную жизнь с достойным человеком Александром Рувиновичем Спектором.

Когда я прихожу к могиле мамы, с горечью сознаю, что никогда не смогу найти другую дорогую мне могилу. Никто не знает, где она, безымянная могила, в которой вместе с другими жертвами сталинского режима покоится прах моего безвинно загубленного отца – Ширяева Николая Иосифовича.

Вечная им память.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ ПОМОГЛИ ВЫЖИТЬ В НЕЛЕГКИЕ ВРЕМЕНА

Воспоминания Веры (Берты) Ивановны Нечаевой

Я родилась 7 сентября 1926 года в немецкой семье, в Оренбурге. Семья была дружной, родители относились друг к другу с любовью и уважением, а детей растили в заботе и ласке. Мама, Елизавета Казимировна, хозяйничала в доме, присматривала за детьми. А папа, Иван Михайлович Коль, занимал какую-то, не помню какую, руководящую должность. Кроме меня в семье было еще трое детей: Иван, Отто и старшая сестра Лиля. С раннего возраста родители приучали нас к трудолюбию, аккуратности, терпению.

Нежданно-негаданно пришла в дом беда. Лилю кто-то ударил по колену, и пошло воспаление. Отец повез ее к лучшему хирургу в Ташкент. Назначили лечение, и пришлось переехать в Ташкент всей семье. Отец купил дом, в нем и жили.

Но, как говорится в старой русской пословице, беда одна не ходит. В 1933 году (мне было 6 лет) отец в командировке заразился сыпным тифом, умер в поезде, не свидевшись с семьей.

А год шел суровый, голодный. Мама осталась одна с четырьмя детьми и без работы. Пришлось продать дом. На вырученные деньги купили другой, маленький, старый. Мама устроилась на работу. Старший брат тоже пошел работать. А меня мама, не видя другого выхода, отправила к своей сестре в Оренбургскую область.

Жила я у тети в качестве няньки. Сама еще ребенок, а вот приходилось смотреть за такими же детьми. Деваться некуда, терпела. Была еще одна трудность: члены тетиной семьи говорили на родном немецком, а я не знала языка.

В 7 лет пошла в трехлетнюю школу. Очень хотелось учиться. Я, видно, отличалась от сверстников не только способностями к учебе, но и повышенной активностью. В школе всегда была в центре внимания. Вспоминаю, как я лихо плясала под собственное исполнение песен на узбекском языке, который выучила в Ташкенте. Прямо-таки приводила в восторг одноклассников.

Но возвращалась домой, и тут уже было не до плясок. Снова впрягалась в тяжелую недетскую работу. Но, скажите, по силам ли семилетней девчужке сделать все по дому так, чтобы

Вера Ивановна Нечаева ведет прием больных. 1969 г.

без сучка без задоринки. Не каждый взрослый может справиться с домашним хозяйством. За оплошности получала от тетки подзатыльники. Вместо того, чтобы резвиться на улице, сидела дома и присматривала за детьми. И жила бы я так неизвестно до какого времени, но однажды произошел со мной случай, который помог вернуться домой. Как говорится, не было бы счастья, так несчастье помогло.

По наставлению тети пошла я стирать белье на речку. И, на беду, одеяльце не удержала, выронила в реку. Течение подхватило его и стало уносить все дальше и дальше от берега. А я испугалась, что тетя накажет, и, не долго думая, прыгнула в воду. Неизвестно, что бы случилось, если бы не какой-то мужчина. Заметил ребенка и вытащил на берег.

Об этом случае написали маме. Одна ее знакомая забрала меня у тетки и привезла домой. Это было в 1939 году. Я пошла в русскую школу, в 3 класс. Пришлось русский язык изучать заново. Было трудно, но я привыкла к нелегкой жизни у тети. Так что свои проблемы решала самостоятельно. Постепенно вошла в колею, училась в собственное удовольствие. И еще помогала матери по хозяйству, присматривала за больной сестричкой Лилей.

1941 год – начало войны с Германией. К счастью, беды, лишения, голод, которые унесли миллионы жизней людей в эти страшные годы, почти не коснулись нас. Ташкент – южный

город, много фруктов, овощей – с голода не умрешь. Но несчастье пришло оттуда, откуда не ждали. В один миг русские немцы стали врагами народа. Меня выгнали из школы. Я не закончила даже шестого класса.

В мае 42-го братьев забрали в трудармию. Старшего – в Челябинскую область, а другого – в Удмуртию, в Глазов. Мама не выдержала переживаний, умерла. А меня, сироту, вместе с другими немцами погрузили в вагон и повезли в Самаркандскую область, в Хатарчинский район.

Всех детей и взрослых раскидали по разным семьям. Меня поселили в семью одного узбека. Он с добротой и лаской относился ко мне на протяжении всех лет, которые прожила у него. Сам был из репрессированных, его выслали в эти горы в 30-е годы. В соответствии с обычаями у хозяина было несколько жен. Через некоторое время он отвез меня к своей старшей жене. У нее я прожила 5 лет. А потом хозяин отвез меня в район и поселил у второй жены. Я работала в колхозе, и мне даже выделили землю, 15 соток. Освоила профессию бухгалтера, работала в сельсовете. В этом районе занимались шелководством, разводили шелкопряды. Девушки ходили в ярких шелковых платьях. А у меня было одно сатиновое платье. Но на такие мелочи старалась не обращать внимания. Работала наравне со всеми, а потом даже выбилась в передовики.

В 1946 году стали возвращаться домой фронтовики. Вернулся и муж моей знакомой, фельдшера. До войны он работал в школе и, вернувшись, снова стал учителем. Как-то раз подозвал к себе и сказал: «Вера, хочу поговорить с тобой. Каковы твои планы на будущее, чем собираешься заниматься?» Вопрос поставил меня в тупик. Одно я точно знала: в сельском хозяйстве, как все вокруг, работать не хочу. Тогда учитель предложил пойти в школу и закончить седьмой класс. Я, конечно, согласилась. Он меня даже устроил в школе библиотекарем, чтобы было на что жить. Седьмой класс я закончила успешно, хотелось учиться дальше.

К тому времени братьев отпустили из трудармии. Решила ехать в Глазов. Заняла у брата комнату в бараке, и жили вдвоем.

Устроилась работать учетчицей, вечером училась. В жизни были и маленькие радости. Вечером, возвращаясь с учебы, с другими девчатами заходили в клуб и танцевали. У меня получалось, особенно медленный вальс. Танцевала, «кружила»

УВД РСФСР
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Исполнительного комитета
Пермского областного Совета
народных депутатов

Информационный центр

614050, г. Пермь, ГСП 827

Кочневский проезд, 74

от *24* июня 1982 г.
№ 10/3-Н-131

Гражданка Нечаева Берте Ивановне
614050, г. Пермь, ул. Тбилисская, д. 21,
кв. 52.

Архивная справка

Дата в том, что гражданка Коль Берта Ивановна, 1926

года рождения, находилась на учете спецобслуживания в _____

г. Молотове /Перми/ области с _____ месяца 19 50 г.
23 сентября 54 года. До 1948 года проживала в Самаркандской об-
ласти, с 1948 года находилась на учете спецоб-
служивания в Челябинской и в г. Глазове УАССР.

Основание: Архивное личное дело с/п.

Начальник отдела УВД А. П. Герасимов.

головой своим партнерам. Но никогда не позволяла себе близкое знакомство. Считала, что вряд ли кто-то осмелится встретиться со мной, когда узнает, что я из семьи репрессированных.

Как-то раз в один из вечеров, натанцевавшись вдоволь, я отправилась домой. По дороге меня догнал юноша и предложил встретиться, но я ничего ему не ответила. Знала, что возможно завтра он здороваться не будет со мной. Так и случилось. Разузнал все обо мне, и прошел у него весь запал.

Меня, если честно, это несильно расстраивало. Главным делом была учеба. Я встала на учет, чтобы получить паспорт. Его у меня забрали в шестнадцать лет, когда репрессировали. В 24 года закончила среднюю школу, решила поступать в медицинский институт. Но немцам не так-то легко было поступить в институт. Немало пришлось пережить. И все-таки настойчивость победила, я стала студенткой Молотовского медицинского института.

Помню первое ощущение от студенческой жизни. Поднимаюсь по лестницам института и кажется, что вот-вот взлечу от счастья. Я не только отлично училась, но и участвовала в общественной жизни. Оказалось, у меня есть способности к пению. На первом курсе пошла в хор. Определили – первый голос сопрано.

До поры до времени мне помогал младший брат, но как-то пришло от него письмо, в котором он извинялся, больше не сможет высылать деньги, у него своя семья, дети. А у меня сессия. Я так расстроилась, что впервые сдала экзамен на тройку. Нужно было как-то жить. Устроилась медсестрой, ночью работала, днем училась. Бывало, по три-четыре дня нечего было есть.

Но выдержала, в 1956 году окончила институт и осталась в детской городской больнице № 10, где подрабатывала еще будучи студенткой. И всю остальную жизнь служила любимой профессии врача. Сложилась и личная жизнь – вышла замуж, воспитала двух сыновей.

Сейчас мне 83 года. Я не жалею ни о чем, что было в моей жизни. На протяжении многих лет, с детства, мне встречались только хорошие люди, они помогли выжить в нелегкие времена...

ПЕСНИ МИХАИЛА ТАНИЧА

Несколько слов о поэте

Народный артист России, лауреат Национальной российской музыкальной премии «Овация».

Родился 15 сентября 1923 года в городе Таганроге. Аттестат зрелости Михаил получил в день начала Великой Отечественной войны – 22 июня 1941 года. В 1942 году его призвали в действующую армию. Воевал он до 1945 года на 1-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. В составе 33-й истребительно-противотанковой бригады прошел путь от Белоруссии до Эльбы в качестве командира противотанкового орудия. Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, 15 медалями.

После войны за студентом архитектурного факультета однажды ночью приехали и увезли в тайгу на лесоповал сроком на 6 лет. Статья 58 пункт 10 для нынешних молодых может показаться шуткой, но пришлось просидеть до самой смерти Сталина и возвратиться со справкой, запрещавшей жить в 39 городах страны.

Вот всего несколько известных названий его песен: «Любовь – кольцо», «Что тебе сказать про Сахалин?», «Черный кот», «Зеркало», «Как хорошо быть генералом», «Идет солдат по городу», «Черное и белое», «Возьми меня с собой», «Не забывай», «На дальней станции сойду», «Проводы любви», «Птичий рынок», «Комарово», «Узелки», «Погода в доме».

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

слова: Михаила Танича

музыка: Александра Федоркова

Мы не отплакали свое
По мертвым и опальным,
Еще кружится воронье /2 раза/
В краю лесоповальном.

ПРИПЕВ:

Черный ворон
Полетал по городам –
Кому пуля,
Кому – вечный Магадан!
Черный ворон,
Понятые у дверей,
Черный ворон –
Птица наших лагерей!

И вождь народов со стекла
В кабине самосвала
В меня нацелил взор орла, /2 раза/
Как выстрел из подвала.

ПРИПЕВ:

И мы никак не разберем
Всю нашу безнадегу,
Пока я вру, ты врешь, мы врем /2 раза/
Себе и всем, и богу.

ПРИПЕВ: /2 раза/

Черный ворон,
Понятые у дверей,
Черный ворон –
Птица наших лагерей!

Мы не отплакали свое
По мертвым и опальным,
Еще кружится воронье /2 раза/
В краю лесоповальном.

СТО ПЕРВЫЙ КИЛОМЕТР

слова: Михаила Танича
музыка: Александра Федоркова

А вышел я со справочкой,
Такой продолговатой,
Без даже фотографии,
Без никаких следов,
А для ментов остался я
Навечно виноватый,
И тридцать девять для меня
Закрото городов!

Сто первый километр,
Кино, библиотека...
Здесь правды нашей нет.
Здесь оперы правы.
Сто первый километр –
Пристанище для зека,
Сто первый километр
От матушки Москвы.

Ну, ладно оклемаемся,
Кого-то отвалтузим,
Какую табуреточку
В сельпе приобретем,
Кого нито на хлебушек
Погрузим и разгрузим,
Отметимся у опера
И будет все путем.

Потом анкетку выдадут.
А в том отделе кадров
Распишут, досмотрят все
До тютельки,
До щелочки в судьбе.
Откудова в завивочках
Берутся эти падлы?
В каком таком питомнике
Их вывел КГБ?

И новый срок по дурику
Над нами нависает
От этих с шестимесячной,
От них спасенья нет.
Но есть другие женщины.
Они нас и спасают,
И делают улыбчивым
101 километр.

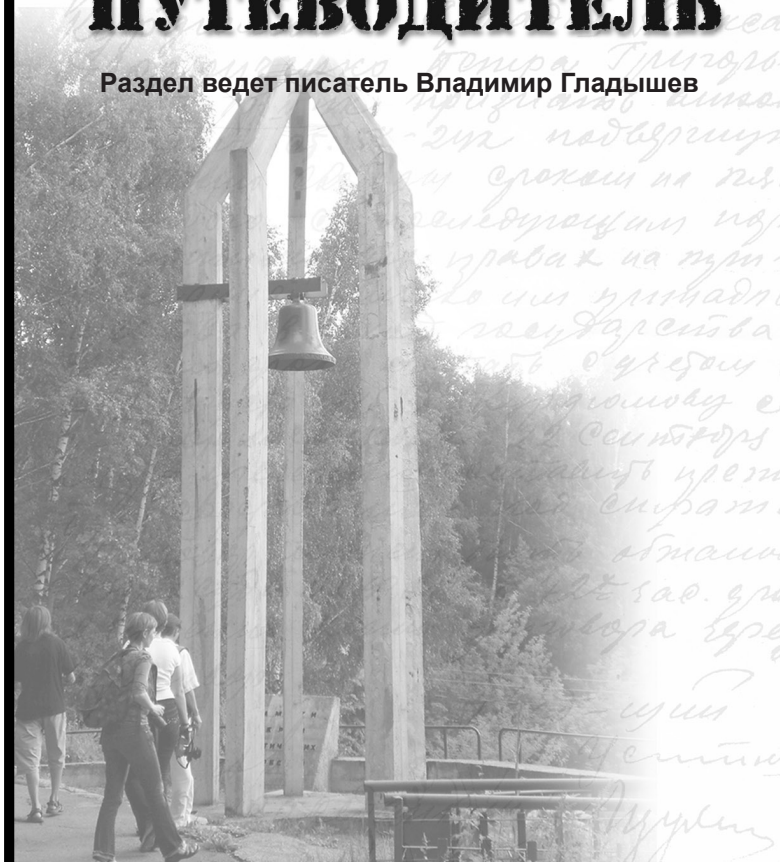
Следователь Ланцов,
Любитель ночных допросов,
Мне говорил: «Подписывай,
Туды твою мать, Матросов».
И я, приведенный двумя конвоирами
Из внутренней тюрьмы:
«Советская власть разберется!»
«Советская власть это мы!»
Теперь-то и зайцу ясно,
Что я затевал бузу.
О чем как в листе допроса,
Расписываюсь внизу.

О, если б все замученные встали
И рассказали правду обо всем!

Поэт Виктор Боков,
бывший политзаключенный

ВЕХИ ПАМЯТИ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Раздел ведет писатель Владимир Гладышев

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ПЕРМИ

Место расположения: г. Пермь, Свердловский район, Егошихинское кладбище.

Установлен 30 октября 1996 г. по инициативе Пермского областного отделения международного общества «Мемориал» на пожертвования жителей Перми, а также при финансовой и организационной поддержке областной и городской администраций.

Надписи на стелах: «Памяти жертв политических репрессий», «О, люди! Люди с номерами, вы были люди, не рабы. Вы были выше и упрямей своей трагической судьбы. Анатолий Жигулин».

Автор памятника: архитектор М. Футлик.

«Компетентные органы» на протяжении многих лет отрицают наличие в Перми захоронений расстрелянных жертв политических репрессий. Или, если точнее, не отрицают, но и не подтверждают. Например, сведения о братских захоронениях в логу, который пролегает между Егошихинским кладбищем и следственным изолятором – бывшей тюрьмой НКВД № 1. О них нам рассказали местные жители в конце 80-х годов прошлого века, когда «Мемориал» еще делал свои первые шаги. Свидетели вспоминали, что в кровавом 37-м в этот лог по ночам вывозили из тюрьмы трупы расстрелянных и сбрасывали в заранее вырытые ямы. Свидетели были тогда мальчишками. Любопытство пересиливало страх, еще с вечера они прятались в кустах и ждали, когда в ночной тишине раздастся скрип тяжело груженых телег.

Я слышал также от нынешних садоводов, дачки которых протянулись вдоль лога, что, вскапывая грядки, не раз и не два они натыкались на человеческие останки. Конечно, можно было бы провести самодеятельные раскопки, как делали тогда во многих других регионах страны. Но мы решили не делать этого, не тревожить прах погибших. Обратились с запросами к «компетентным органам» с просьбой дать точные сведения о фактах расстрелов в тюрьме НКВД № 1 и местах захоронений погибших. Ответ был простой: сведений нет, документы не сохранились.

Возможно, пожилые люди за давностью времени могли спутать годы, в которые происходили те события. Как известно, Пермская область вплоть до момента своего создания (3 октября 1938 г.) входила в состав Свердловской области. До этого времени пермяков, арестованных по политической 58-й статье, вывозили в Свердловск. Там их ждала скорая расправа – приговор «тройки», как правило, расстрельный. Там же, на 12-м километре Московского тракта, приговор приводили в исполнение.

Но после 3 октября 1938 года право на расправу получила вновь созданная область. Вот тогда и поехали в сторону Егошихинского лога ночные телеги из тюрьмы НКВД № 1.

В остальном мы склонны верить свидетельствам пожилых жителей Перми. Придет час, и правда все равно станет известной всем, найдутся и документы, свидетельствующие о расстрелах ни в чем не повинных людей. Именно так произошло с так называемым «островом мертвых» (читайте очерк краеведа Владимира Гладышева в этой главе). Нам рассказали о таинственном острове жители Мотовилихи. И точно также мы обращались сначала в КГБ, а потом в ФСБ с запросами, на которые получали стандартные ответы: сведений нет, документы не сохранились.

Но благодаря исследовательскому таланту и настойчивости Владимира Гладышева эта история получила документальное подтверждение. Да, был такой остров, да, именно сюда в обстановке секретности привозили приговоренных...

Общество «Мемориал» не стало ждать ни официальных подтверждений, ни времени, когда тайное станет явным, открытым, и в 1996 году построило Памятник жертвам репрессий. Мы поставили Памятник на краю того самого Егошихинского лога, напротив бывшей тюрьмы НКВД. Это Памятник тысячам пермяков, ставших жертвами сталинского режима. Вот уже многие годы сюда приходят люди, чтобы помянуть близких, подумать о прошлом и настоящем.

* * *

В этом томе Книги памяти член Союза писателей России, председатель клуба «Пермский краевед» Владимир Гладышев открывает новый раздел «Вехи памяти. Путеводитель». Вместе с ним мы пройдем по знакомым местам Перми, о которых,

оказывается, знали очень мало или вообще ничего не знали. Его путеводитель познакомит нас с замечательными людьми ушедшей эпохи. Они могли бы совершить в своей жизни много прекрасных и благородных дел, если бы у них не отобрали не только честное имя, но и саму жизнь...

Надеемся, инициативу Владимира Гладышева поддержат создатели Книг памяти, выходящих в других районах и городах Пермского края. Пусть каждый город и каждый район возродит реальную историю своей малой родины. Наверное, в ней найдется место успехам и победам, но не менее объемно и честно будет рассказано о мрачном средневековье 30-х годов, о периоде раскулачивания и массовом голоде, о «большом терроре» и жертвах ГУЛАГа.

Как совершенно правильно говорит один из авторов этой книги воспоминаний: «Правда лечит, а ложь калечит»

Александр Калих

ВЕХИ ПАМЯТИ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

МИХАИЛ РОМАНОВ, последний русский император

КОРОЛЕВСКИЕ НОМЕРА (ул. Сибирская, 5). На доме установлена мемориальная доска (скульптор А. Уральский) с надписью: «В этом здании в 1918 г. жил великий князь Михаил Александрович Романов (1878-1918)».

В марте 1918 года первое советское правительство переехало из Петрограда в Москву, там народным комиссарам было спокойнее. И одновременно из бывшей столицы империи был выслан гражданин Михаил Романов. Высылку поручили председателю петроградской ЧК Урицкому (заседание Совнаркома от 9 марта).

19 марта того же года Михаил Александрович прибыл в Пермь. Ссылный «до особого распоряжения»...

Первый объект, связанный с этим именем, – номера на ул. Вознесенской (Луначарского) или гостиница Дворянского (Благородного) собрания, где остановился М. Романов (здание номеров снесено в 1970-е годы). С «дворянской» гостиницы и начинает формироваться то, что называется общественным мнением. Первое впечатление пермяка о Михаиле Романове: его увидел В. Ф. Сивков, член президиума Пермского губисполкома, живший в то время в номере напротив.

«...При виде его невольно возникло представление о гвардейце. Заинтересовавшись этим человеком, явно не нашей среды (!), я пошел за ним, – пишет Сивков, – и так мы дошли до губчека...»

Неудивительно, что пермские товарищи определили местом жительства для гостя... тюрьму. И секретаря его Джонсона –

*Великий князь Михаил
Александрович Романов.*

туда же, вместе с Михаилом, в одиночную камеру, выделенную в тюремной больнице. Большевики объяснили: так спокойнее самому же Романову, а то рабочие, мол, недовольны. Только после телеграммы Михаила Романова в адрес т. Урицкого и т. Бонч-Бруевича, управделами СНК, из Москвы пришло уточнение: «В силу постановления Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной советской власти...»

В Королевских номерах гражданин Романов занимал номер на втором этаже (по некоторым данным – № 21), с балконом, с видом на улицу Сибирскую; еще несколько номеров заняли его приближенные на втором и третьем этаже. О том, как прошел для него пермский месяц жизни, можно представить по его дневнику и по допросам его бывших соседей по номерам.

Михаил Александрович:

- «...Весна страшно запоздала ...*
- ...Вода в Каме сильно поднялась ...*
- ...Пермь объявлена на военном положении...*
- ...По постановлению Совнаркома часовая стрелка переведена на два часа вперед...*
- ...Что-то крупное назревает...»*

(Из предсмертных записей).

Пермский дневник великого князя только с 25 апреля/8 мая по 29 мая/11 июня, записи первого месяца ссылки с 19 марта 1918 г. отсутствуют. Дневник позволяет установить фамилии адреса, фамилии тех пермяков, кто поддерживал ссыльного князя: купеческие семейства АЛИНЫХ, ТУПИЦЫНЫХ, КОБЯК.

В дневнике М. Романова упоминаются также и другие пермские семьи и жители города, с которыми он познакомился в последние недели своей 40-летней жизни. Это БАРМИН («б. Агафуровых», делает примечание великий князь, имея в виду бывших владельцев магазина и их последователя), ДОБРОДИНЫ (родственники Тупицыных), КОРОЛЕВЫ, НИКОЛАЕВЫ, ШИПИЦЫН (доктор, «пользовавшийся» Романова до последнего дня).

Удалось установить также маршруты прогулок великого князя. М. А. Романов бывал на Каме и за Камой, в Мотовилихе, в соборах и монастырях, а также дважды на старом (Егошинском) кладбище:

«Пермь, 4/17 мая. Пятница. ...Днем Наташа (жена Михаила Александровича – авт.) и я гуляли, были в Гостином дворе,

затем пошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его, по Сибирской возвратились домой...

18/31 мая. Пятница. Утром кончил читать "Записки из мертвого дома". Днем Знамеровский (жандармский полковник, тоже сосланный в Пермь и вскоре расстрелянный как заложник – авт.) и я прогулку сделали через старое кладбище, за ним спустились и поднялись через лесистый овраг, покрытый пихтами, внизу которого вьется речка, и вышли через деревню Горки обратно в город мимо Петропавловского собора...»

В 1919 г. на том же кладбище были захоронены многие жертвы красного террора, расстрелянные заложники, среди них – графиня Анастасия Васильевна ГЕНДРИКОВА 30 лет, фрейлина последней российской императрицы Александры Федоровны, и 70-летняя гоффлектриса (придворный педагог) Екатерина Адольфовна ШНЕЙДЕР. Они поехали с царской семьей в качестве добровольных пленниц, большевики сделали бедных женщин недобровольными заложницами-смертницами. В июне 2000 г. на предполагаемом месте захоронения Гендриковой и Шнейдер установлен памятник, при участии Пермского Дворянского собрания...

...Останков великого князя и его верного секретаря Н. Н. Джонсона пока найти не удалось. Но движение за канонизацию Михаила Александровича (причисление к лику православных святых) развивается и в Перми. Михаил Александрович Романов был причислен к лику святых Русской зарубежной православной церковью в 1981 году. Кончина его, война и правителя, была истинно праведной и мученической.

Последнюю надежду Российской империи, как называют еще этого человека, не принявшего падающую самодержавную власть и всецело полагавшегося на волю народа (на Учредительное собрание), расстреляли в ночь на 13 июня 1918 года мотовилихинские боевики, произошло это на окраине Перми. Михаила убили первым из Романовых, и это уже говорит о многом. Даже будучи простым гражданином республики, даже находясь на положении ссыльного в Перми, Михаил Александрович представлял реальную угрозу для одних и серьезную политическую фигуру для других.

И еще одно уточнение можно сделать после знакомства с новыми документальными источниками. В предисловии к книге

Каждый год 5 декабря у Королевских номеров собираются люди.

«Скорбный путь Михаила Романова...» составители В. М. Хрусталева, Л. А. Лыкова пишут: «Расправа над Михаилом Романовым была лишь генеральной репетицией драмы, главные акты которой были разыграны вскоре в Екатеринбурге, Алапаевске, Ташкенте и Петрограде».

Репетицией это убийство, как мы убедились, никак нельзя назвать. Тем более, что фигура Михаила Александровича (а не бывшего царя) на тот момент была в центре внимания, именно на него делалась главная ставка антибольшевистскими силами, а также влиятельными кругами Германии, Англии. (См., в частности, книгу Rosemary & Donald Crawford «Michael and Natasha: the Life and Love of Michael II, the Last of the Romanov Tsars/Михаил и Наташа: Жизнь и любовь Михаила II, последнего российского царя». Розмари и Дональда Кроуфорд «Михаил и Наташа: жизнь и любовь Михаила II, последнего российского царя», Нью-Йорк, 1997).

«Акт народной мести» стал на самом деле варварским убийством, поскольку открытого суда над Михаилом не было и не могло быть, потому что его не за что было судить. По мнению серьезных исследователей, единственной виной Михаила II можно назвать то, что он на одни сутки оказался

последним императором России, положившим конец всем легитимным попыткам восстановления монархии, вступления кого-либо на трон...

Память об августейшем ссыльном пермяки хранят. Историки, краеведы изучают историю жизни, любви и гибели Михаила Александровича. На предполагаемом месте убийства М. Романова и Н. Джонсона установлена ЧАСОВНЯ благоверного князя Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича (микрорайон Чапаевский, ул. Целинная).

***ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА РОМАНОВА,
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ (1864-1918);
Архиерейским собором Русской православной
церкви причислена к лику святых (1992)***

Первой представительницей царской фамилии, посетившей Урал в XX веке, оказалась великая княгиня Елизавета Федоровна. Она приходилась старшей сестрой последней российской царице. В 20-летнем возрасте Елизавета стала супругой великого князя Сергея Александровича; она покоряла всех красотой и умом и была истинным украшением двора. В юности, еще до брака, до принятия ею православия, она звалась Эллой, принцессой Гессен-Дармштадской, и в нее был влюблен будущий германский кайзер Вильгельм. После убийства мужа, который пал жертвой тер-

*Великая княгиня Елизавета
Федоровна Романова.*

рориста Каляева в 1905 году, Елизавета Федоровна удалась от мира. Она основала женскую Марфо-Мариинскую обитель в Москве, и делом ее жизни стала благотворительность, помощь страждущим. С того же 1905 года она возглавляла Императорское Православное Палестинское общество.

В Перми и Пермской губернии Елизавета Федоровна была с 11 по 20 июля 1914 года.

Во время своего духовного паломничества она просила, чтобы ей не мешали угодничаньем. Никакой роскоши и излишеств! Атмосфера праздника заключалась в духовном единении. Великая княгиня, до Перми побывавшая уже во многих святых обителях России, выстаивала многочасовые службы. Посмотрите на расписание ее пребывания на берегах Камы с первого же дня: всенощная в Спасо-Преображенском соборе, до 11 часов вечера. Следующее утро для гостьи начинается в 6 утра опять с молитвы в Успенском женском монастыре.

Но перед этой службой Елизавета Федоровна посетила еще часовню Николая Чудотворца, возведенную в русском стиле на средства И. Г. Каменского в честь 300-летия Дома Романовых (на углу улиц Покровской и Биармской, ныне Ленина и Плеханова, снесена в 1926 году).

И так – на протяжении всего путешествия, до Белогорского монастыря включительно. Это был великий труд, незаметный для обывателя.

Один из пермских проповедников назвал ее «олицетворением правдолюбивой и богоносной русской души». В те часы Царственная Паломница сумела объединить самых разных людей. «Так просиял светлый луч в Пермской земле пред грядущими испытаниям».

В приливе чувств, под воздействием светлой радости, высокого духовного настроения тогда многие поверили, говоря словами о. Серафима, что «эти молитвы, совместно с молитвами всего народа русского, помогли в разрешении великого вопроса и умилостивили Бога умирить внутреннюю смуту и возбудить другие народы встать в едино воинство с нами...»

Все обращали внимание на то, с какой сердечностью общалась она с каждым человеком. По отзывам современников, у этой женщины было все для счастливой жизни в миру: «редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце...» Ей много пришлось испытать в жизни, и она сумела изменить свою судьбу, отказавшись от светских успехов и утех.

«Светлое чувство единения» с верующим народом, окрепшее во время пребывания на Белой горе, поддерживало Елизавету Федоровну в дни грозной опасности для России – войны

с Германией. Ей вновь пригодился опыт, приобретенный десять лет назад, в годы русско-японской войны. Деятельность великой княгини и сестер ее обители необыкновенно многообразна и эффективна. Она организовала комитет помощи воинам, пострадавшим от войны, и их семьям, создавала ясли для детей фронтовиков, санатории, лазареты, санитарные поезда, мастерские, склады, с которых доставляли на фронт подарки. Великая княгиня и сама работала в лазаретах, помогала раненым. Она стала учредителем нескольких благотворительных организаций. Многое сделал для нужд войны возглавлявшийся ею Дамский комитет Российского Красного Креста.

Деятельность эта находила благодарный отклик во всех уголках необъятной империи, в том числе и в Перми.

Память об августейшей паломнице осталась в сердцах народа. Источник, из которого гостья изволила пить, стали называть «Елисаветинским». Благодарную память об этой необыкновенной женщине передавали из уст в уста и представители русской интеллигенции. (Живописец М. Н. Нестеров и др.).

Второй раз Елизавета Федоровна приехала на пермскую землю уже в качестве пленницы большевиков. И мученический конец приняла в алапаевской шахте. Сохранились сведения, что в то лето 1918-го Елизавета Федоровна пользовалась еще относительной свободой, и она имела возможность поначалу остановиться там, где пожелала. А пожелала она, конечно, в Успенском женском монастыре, где ее так сердечно принимали ровно четыре года назад. Нынешняя настоятельница монастыря игуменья Мария (Воробьева) говорит, что, по воспоминаниям верующих старожилов, жила Елизавета Федоровна в той же монастырской гостинице, как бы под домашним арестом. (Недавно здание было возвращено монастырю, здесь теперь располагается классическая православная гимназия). И уж затем была увезена, вместе с верной своей помощницей Варварой Яковлевой, в алапаевском направлении. (Подробнее о втором и последнем пребывании в Перми можно прочесть в книге П. Н. Агафонова «Белогорский Свято-Николаевский монастырь»).

Большую роль сыграл в жизни великой княгини о. Серафим. Игумен Серафим встречался с Елизаветой Федоровной и раньше, когда приезжал в Москву. Ему суждено было сопровождать высокую гостью не только в поездке по Прикамью, но и до святой земли. В 1921 году он доставил ее останки в Палестину.

Там, в русской Гефсимании, в храме Марии Магдалины, и хранятся мощи этой святой женщины.

В конце 1990-х белогорский игумен Даниил (Ишматов) снял о ней фильм под названием «Восхождение в безмолвие».

В августе 1998 года в Белогорском монастыре прошли третьи Свято-Варлаамовские чтения, их тема: «Великая княгиня Елизавета Федоровна. Служение женщины в Православной церкви». Достоянная память... Богомольцы не забывают дорожку к Елизаветинскому источнику под Белой горой.

К сожалению, на сегодня нигде не установлено ни одного мемориального знака в честь этой великой женщины.

АНДРОНИК, АРХИЕПИСКОП ПЕРМСКИЙ И СОЛИКАМСКИЙ

*Архиепископ Пермский
и Соликамский Андроник.*

Места, связанные с жизнью пастыря: Архиерейский дом (Соборная пл.), крест и часовня на предполагаемом месте убийства (ул. Героев Хасана).

Судьба архиепископа Пермского и Соликамского Андроника (в миру Владимира Никольского, 1870-1918) трагична и высока. В Пермскую губернию он приехал, когда уже шла мировая война. За короткий срок сумел завоевать высокий авторитет во всех кругах местного общества, побывать в самых отдаленных уголках обширной епархии.

«Среди грозных событий времени судил мне Господь ныне вступить на высокую кафедру святителя Пермского Стефана...» Так начал свое слово епископ Андроник при вступлении на пермскую кафедру 18 августа 1914 года. Проповедь эта, проникнутая духом пророчества и страстной, горячей жалостью к «возлюбленным чадам», полностью опубликована под названием «Воскресающая Русская народная душа» («О церкви,

о России», издание содружества «Православный паломник», составитель В. Королев, Фрязино, 1997 г.).

В объемистый сборник включены замечательные тексты человека, который волею судьбы не раз оказывался «среди грозных событий». Значительная часть проповедей, публичных и публицистических выступлений дошла до читателя впервые, спустя долгие десятилетия. Здесь есть увлекательные путевые заметки, размышления во время миссионерского пути в Японию.

Интересна запись беседы Андроника с Николаем Романовым в царской ставке 12 августа 1916 года, когда епископ ездил с делегацией вручать священный стяг Пермскому полку. Создается впечатление, что епископ Андроник ни перед кем не способен был пресмыкаться и трепетать, перед самим самодержцем он бесстрашно ставил острые вопросы и даже наставлял его, призывая бороться со «смутой умов», с пьянством...

Это был неистовый борец за веру, за нравственность. Андроник никогда не разделял церковное и государственное. Он писал: «ВОСКРЕСНЕТ ДУША НАРОДНАЯ – ВОСКРЕСНЕТ И ТЕЛО ЕЕ – НАША ЗДОРОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ».

Этот пермский епископ, один из немногих, не отступился от российского императора Николая Романова в решающий момент, когда того предавали все кому не лень.

Пасхальной вечерней службе Андроника – последней в своей жизни – внимал великий князь Михаил Александрович, который 12 июня 1918 года пребывал в пермской ссылке как «гражданин Романов». «Служит он очень хорошо», – запишет Михаил Александрович в дневнике свое впечатление от посещения Петропавловского собора после вечерни.

В жизни самого архиепископа Андроника великая Пасха 1918-го также оказалась последней. Через неделю он был убит. Сцена гибели многократно описана, со всеми жуткими подробностями – закопан живьем...

В воспоминаниях пермского чекиста С. А. Болотова есть описание операции по «чистке черных воронов», то есть, монахов и священников. В начале 1918 года Степан Болотов по распоряжению Пермской губернской ЧК выехал в уезды на выполнение особого задания. Как он сам пишет: «для ликвидации влияния епископа Андроника». Им нужно было, в первую очередь, изымать обращение епископа, документ антисоветского

*Крест в память Андроника
установлен в Перми в июне 2001 года
на предполагаемом месте его гибели.*

содержания. Обращение через местных священников передавалось в народные массы.

«...Вместе со мной выехал председатель уездного исполкома доктор Горшечников и представитель уездного Военного комиссариата Михалев. Мы объехали Таборы, Нытву, Шерью, Воробьи, Мокино, Григорьевское, Покровское и Никольское, провели волостные собрания, организовали коммунистические ячейки, арестовали в Воробьях попа, ревностно проводившего в жизнь предписание епископа Андроника О ЗАЩИТЕ ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ

И ПРОЧИХ БЛАГ (эти слова в машинописном оригинале кем-то выделены – авт.) и отправили в Оханск для следствия».

Процитируем фрагмент воззвания Андроника:

«Всем причтам и православным прихожанам, а равно обителям Пермской епархии.

Возможно ожидать нападения разбойников или разных захватчиков церковного или монастырского имущества, а равно и самих церквей и обителей. Надо теперь же подготовить население к такой опасности и клятвенно призывать всех, как православных, к защите церквей и монастырей от насильников и захватчиков, чтобы за попустительство вместе с ними не подвергнуться вечному осуждению от Бога. Предупредить население, что в случае нападения захватчиков будет дан набатный звон колоколов, на который православные и должны поспешить. Самим же захватчикам прочитать

до времени сохраняемое, а потом на стенах храма вывесить в удостоверенных копиях прилагаемое мое именем Божиим клятвенное запрещение и осуждение. Да удержатся готовые совершить святотатство и за это быть погубленными вместе с Ананием и Сапфирой (Деян. 5. I-II)...

30 января 1918 Епископ Андроник».

Как видим, антисоветского содержания в документе нет никакого. Но есть угроза неподчинения верующих людей, готовых встать на защиту своих святынь, веры своих отцов и дедов. И большевики, почуяв эту угрозу, карали непокорных огнем и мечом.

Судьба священников, упомянутых в чекистских справках и донесениях, известна: они все приняли мученический конец.

* * *

История нашего общества без такой яркой, крупной личности, как Андроник, была бы, конечно, неполной и обделенной. Что интересно: оказавшись впервые в Перми в 1907 году, за десятилетие до своей гибели, Андроник говорил перед паствой «искалеченного революцией» города:

«...Верится, что сумеет русский народ изплевать из себя два столетия тому назад навязанный и чуждый ему яд и снова явится в привлекательной и еще более очищенной славе, как очищается серебро и золото в горниле испытания. Верится, что то сокровище, которое имеет Русская земля в многочисленном сонме святых своих, просиявших святостью жизни и нетлением чудоточных мощей, а равно и многочисленные монастыри русские, прославившиеся и прославляющиеся многочисленными подвижниками, в своей жизни являющими силу и красоту неземную благочестия, верится, что это сокровище поможет родному мне народу плодотворно пережить постигшее его тяжкое брожение...»

С этой верой ему и суждено было принять свой мученический венец.

От нас зависит, оправдаются ли слова новомученика Андроника.

...В сентябре 2007 года после крестного хода, завершившегося в Чердыни, ко мне обратилась пожилая паломница, жительница Перми. Ее волновал поиск места убийства и захоронения архиепископа Андроника.

– Ведь крест, который установили на ул. Героев Хасана, стоит совсем не там, – сказала вдруг женщина.

Крест в память Андроника появился в Перми в июне 2001 года, и, действительно, памятник был установлен на предполагаемом месте. Сохранилось лишь косвенное упоминание места казни. Один из палачей написал, что они доехали до 5-й версты по Сибирскому тракту, после чего свернули налево и проехали саженой сто в придорожный лес, где и разыгралась драма.

Никаких точных координат, все приблизительно. Откуда же такая уверенность в словах моей собеседницы? Женщина сказала, что по ее сведениям место могилы надо искать на территории завода «Велта», а конкретно – на месте бывшего заводского склада. Существует, якобы, и план с указанием места, нарисованный от руки верующими людьми.

Дело, однако, осложняется тем, что завода уже не существует, да еще на бывшем складе был пожар. Впрочем, дело даже не в появлении очередной версии. Этот разговор еще раз показал, сколь живо интересуется людей все, что связано с жизнью и смертью Андроника. Без такой значительной личности история XX века будет неполной. Любая подробность его жизни, неизвестная ранее, способна стать составляющей частью даже не жизни, а – жития...

**ОТТИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЦИММЕРМАН
(1963-1920),
основательница и руководительница
Пермской частной гимназии; послужила
в качестве прообраза (вместе со своими
сестрами) героинь пьесы А. П. Чехова
«Три сестры»**

В 1917 году Пермская городская дума приняла решение о сохранении за гимназией сестер Циммерман прежнего названия «...в память заслуг перед городом». Сам факт этот говорит о многом и, прежде всего, об уважении, которое питало городское общество к упомянутым сестрам. Частное учебное заведение, одно из лучших в крае, так и осталось в памяти пермяков «гимназией Циммерман».

Их было три сестры, как и в знаменитой чеховской пьесе: Оттилия, Маргарита и Эвелина. Существует стойкая легенда,

косвенно подтвержденная несколькими фразами из письма самого Антона Павловича, что некоторые черточки своих героинь, рвущихся из провинции в Москву, автор подсмотрел во время своего пребывания в Перми.

«Это была высокая, безусловно, красивая женщина со строгими чертами лица. Воля, твердость убеждений помогали ей с должной верой в свою правоту добиваться результатов малыми затратами средств, выполняя нелегкую роль содержательницы гимназии...» Так говорится в очерке краеведа Ю. А. Силина об Оттилии Владимировне Циммерман.

*Оттилия Владимировна
Циммерман.*

В том, что именно она из трех сестер заняла эту должность, было очень много резонансов. Она имела постоянные контакты с московскими знакомыми, переписывалась с профессорами, выписывала книги, журналы. На некоторых из трудов сохранились дарственные надписи: «Многоуважаемой Оттилии Владимировне...»

Отличаясь аккуратностью и неким аристократизмом, она умела легко входить в любое общество, невольно увлекая собеседника своей обаятельностью, четкой аргументацией, яркой образностью речи. Она отлично знала несколько языков, один из них сама и преподавала в гимназии (французский).

И еще у Оттилии Владимировны все выделяли склонность к музыке. Прекрасно разбираясь во всех тонкостях пермского оперного бума, она была истой сторонницей мудрых начинаний городской театральной дирекции, направленных на собиранье лучших актерских сил и создание достойного репертуара.

В книге «Годы террора» (Пермь, 1998 г.) говорится о трагическом конце одной из славных представительниц пермской интеллигенции. Бывшая начальница мужской гимназии 57-летняя О. В. ЦИММЕРМАН была арестована ЧК «за агитацию против советской власти» и умерла в исправдоме № 1 (будущая тюрьма НКВД № 1, ныне следственный изолятор),

*Егошихинское кладбище.
Памятник трем сестрам Циммерман
(по легенде – чеховские три сестры).*

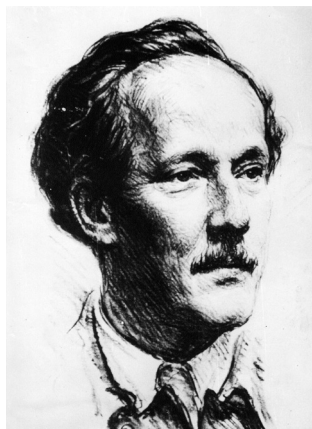
проведя в заключении более 14 месяцев. По недавно обнаруженным документам ГАПО выясняется, что в тюрьму О. В. Циммерман поступила 20 сентября 1920 года и «числилась содержанием за Пермской губчека».

В рапорте начальника Пермского исправительного рабочего дома № 1, направленном в карательный отдел при юридическом отделе Пермского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 11 де-

кабря 1920 года говорится, что в этот день, 11 декабря в 4-й советской больнице умерла заключенная Оттилия Циммерман 57 лет. Скончалась легендарная женщина от «инфлюэнции, осложненной воспалением верхушки правого легкого и слабостью сердца»...

Здание бывшей гимназии Циммерман сохранилось, в нем сейчас расположен медицинский колледж (на углу улиц Горького и Луначарского). Было бы естественно воздать долг памяти замечательным женщинам, открыв здесь мемориальную доску сестрам-просветительницам.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ОСОРГИН, писатель (1878-1942)

*Михаил Андреевич
Осоргин (Ильин). Художник
А. Билис, 1939 год, Париж.*

Михаил Андреевич Осоргин (Ильин) родился в дворянской семье в г. Перми, где прошли его детские и юношеские годы. С 1888 по 1897 г. Ильин учился в Пермской мужской гимназии, с 1897 по 1902 г. он – студент юридического факультета Московского университета. Увлечение политикой приводит его на короткое время в партию социалистов-революционеров. Он попадает в тюрьму, над ним нависает угроза смертной казни. После Московского вооруженного восстания 1906 года ему удается эмигрировать в Италию. В благословенном крае он прожил около 10 лет. Работал гидом, был собственным корреспондентом российских либерально-демократических изданий «Русские ведомости» и «Вестник Европы». С 1906 г. публикуется под псевдонимом «Осоргин» (фамилия его бабушки).

В 1916 г. Михаил Осоргин возвращается в Россию. По заданию крупной газеты «Русские ведомости» едет по всей России, публикует путевые очерки, репортажи. Заезжает и в родную Пермь, где участвует в открытии Петроградского отделения Пермского университета. В послереволюционные годы участвует в создании российских Союза писателей и Союза журналистов, вошел в руководство обеих творческих организаций. Осоргин стал также одним из организаторов Книжной лавки писателей. По просьбе известного режиссера Евгения Вахтангова делает литературный перевод с итальянского пьесы К. Гоцци «Принцесса Турандот», и до сих пор эта пьеса идет в осоргинском переводе.

В 1921 г. Осоргин активно работает в комитете по оказанию помощи голодающим Поволжья (ПОМГОЛе), а когда эту организацию большевики разогнали, он подвергся аресту. В 1922 г. в составе пассажиров знаменитого «философского» парохода

Пермь. Здание бывшей мужской гимназии, где учился писатель.

*Мемориальная доска
М. А. Осоргину.*

Перми на здании бывшей мужской гимназии, где учился писатель, установлена мемориальная доска.

Муниципальная библиотека, расположенная в ДК им. Солдатова (бывшая ведомственная для моторостроителей), носит теперь имя М. Осоргина.

был выслан из России – за инакомыслие. Добровольно Россию Осоргин никогда бы не покинул – только под страхом расстрела. В своей вынужденной эмиграции Осоргин почти все время жил в Париже. В изгнании им написано большинство произведений: романы «Времена» и «Сивцев Вражек» (1928), отмеченный международной литературной премией, повесть «Вольный каменщик» (1935) и блестящая мемуарная проза. Его книги в переводах печатаются во многих европейских странах.

М. А. Осоргин умер 27 ноября 1942 г. Похоронен во французском городе Шабри. В

КОНСТАНТИН ДОРИМЕДОНТОВИЧ ПОКРОВСКИЙ (1868-1944), первый ректор Пермского университета

Родился в Нижнем Новгороде в семье священника. В 1891 году окончил Московский университет, отделение математических наук физико-математического ф-та. С 1907 года – экстраординарный профессор Юрьевского университета; с 1904 года произведен в статские советники. На долю К. Д. Покровского, первого ректора старейшего на Урале вуза, выпали организационные хлопоты: сначала – по эвакуации (предполагавшейся) Юрьевского университета, а затем, когда этот вопрос был снят

с повестки дня, – по организации Пермского отделения Петроградского университета.

До приезда в Пермь в 1916 году Константин Доримедонтович был уже известным ученым, профессором Юрьевского университета, директором Астрономической обсерватории (с 1908 г.), автором учебников по космографии и практической астрономии, популярных книг «Путеводитель по звездному небу», «Звездный атлас». Докторскую диссертацию защитил в Московском университете в 1915 году по теме «Строение хвоста кометы».

История сохранила взволнованное обращение к первым студентам Пермского университета профессора доктора астрономии К. Д. Покровского, исполнявшего в 1916 году обязанности ректора:

«...Здесь, перед лицом всего собрания, я обещаю оказывать свое содействие всем, кто ко мне обратится. Каждый может рассчитывать на мое внимание, если дело будет серьезно и законно. Проведем наш праздник с радостью, с упованием на яркое, светлое и прочное будущее...»

Эвакуировавшись в 1919 году с колчаковскими войсками, в Пермь Покровский уже не вернулся, но «с небосклона» не исчез. Более того: с 1920 года он избран сначала старшим астрономом, а затем директором Главной российской астрономической обсерватории в Пулковое, и в эти годы неоднократно приезжал в командировки в Пермь. В 1927 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Последние годы К. Д. Покровский заведовал кафедрой астрономии Одесского университета, был директором Одесской обсерватории.

О том, как окончилась жизнь Константина Доримедонтовича, долгие годы умалчивали. Объяснение простое: Покровский умер в советской тюрьме... В его действиях карательные органы усмотрели «антисоветскую пораженческую агитацию, осуществляемую с помощью реакционно настроенной интеллигенции, клеветнические измышления против советской власти

*Константин
Доримедонтович
Покровский.*

и коммунистической партии» (цитируется по «Одесскому мартирологу»).

В ходе изматывающих допросов из большого профессора следствию удалось «выжать» немного. Статьи печатал, но сугубо научного содержания («Кометы»)… Политических вопросов не затрагивал. Хвалил румынские власти за хорошо налаженную охрану обсерватории…

Профессор говорил, что отсутствие сношений с другими странами отрицательно сказывалось на работе Пулковской обсерватории. В 1936 году НКВД арестовали многих сотрудников неизвестно за что. Руководителями назначались далекие от науки люди…

Парадоксально, но факт: в тот самый момент, когда усердный следователь выбивал из 76-летнего астронома признательные показания, из Академии наук СССР Покровскому пришел запрос с просьбой «подтвердить сведения, помещаемые о Вас в справочнике на 1944 год…»

Покровский не дотянул до суда: после мучительных допросов он умер 5 ноября 1944 года в тюремной больнице. В акте смерти читаем: «Старческая дряхлость, декомпенсация сердца…» Если бы дожил, то, скорее всего, получил бы «свои» десять лет, как и другие его коллеги по Одесскому университету, и ни один из них в лагере долго не выдержал.

Из реабилитационного заключения (1993 г.): «Работа Покровского во время войны… даже в изложении следствия не содержат совокупности преступления».

Так оборвалась жизнь известного звездочета и просветителя, в честь которого Пермская городская Дума в 1916 году установила именную стипендию.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ТРАПЕЗНИКОВ (1874-1937), краевед, общественный деятель, автор «Летописи города Перми»

Окончил Пермскую мужскую гимназию (1893), юридический факультет Казанского университета (1897). Работал в Перми помощником присяжного поверенного. Начал печататься еще студентом, сотрудничал с газетой «Пермский край». Участвовал в социал-демократическом движении, подвергался арестам и ссылкам. Но творческую, краеведческую работу

не прекращал и тогда. Попав в тюремную больницу, написал очерк на тему истории Приуралья, в котором «дал оригинальную интерпретацию процесса заселения и освоения русскими Западного Урала». (См. справочник «Краеведы и краеведческие организации Перми», 2002). С 1918 по 1924 г. работал в Москве юристом-консультантом и начальником секции музеев Управления обслуживания Наркомпроса. В 1921 году был арестован органами ОГПУ и сослан в Архангельскую область (куда ссылался и при царе). Но уже с 1922 он на свободе, и по 1924 работал в Пермском отделении Свердснабсбыта. Короткий период трудился в Пермском музее (1930) заведующим историко-бытовым отделом, был членом общества краеведения Прикамья.

*Владимир Николаевич
Трапезников.*

На момент своего ареста В. Н. Трапезников работал юристом-консультантом треста Камлесосплава. 7 декабря 1937 года арестован и в том же месяце расстрелян в Свердловске.

Приговорен к ВМН краевед был как «участник контрреволюционной повстанческой организации Перми, которая ставила своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания». Его обвиняли также в том, что «вместе с В. Владимирским пытались сорвать вооруженное восстание в Перми в 1905 году...»

Самая основательная работа Трапезникова – «Летопись города Перми» (с XV века по 1920-е годы) – была опубликована лишь в 1998 году. Книга воспоминаний «Из прошлого» до сих пор не напечатана (хранится в ГАПО).

**ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА (НИКОДИМОВНА)
ГЕЙДЕНРЕЙХ,
балерина, основатель Пермского
хореографического училища**

*Портрет балерины
Е.Н. Гейденрейх.
Художник З. Серебрякова,
1923 год.*

На здании Пермского хореографического училища (ул. Коммунистическая, 18а)* висит мемориальная доска с портретом знаменитой балерины. Текст гласит: «Екатерина Никодимовна Гейденрейх (1897-1982) – основатель и первый художественный руководитель Пермского хореографического училища».

История о том, как жили в годы эвакуации на Урале артисты знаменитых ленинградских театров, известна во многих подробностях, документах и судьбах. В те же годы в Прикамье работала известная советская балерина и педагог Екатерина Николаевна (по паспорту у нее отчество Никодимовна, но оно ей не нравилось) Гейденрейх. Этой женщине суждено было сыграть заметную, поистине историческую роль в создании пермской школы балета. Но мало кто знает, что на уральской земле она, в отличие от своих коллег-эвакуированных, оказалась совсем по другому поводу, хотя и также не по своей воле...

Во время блокады Екатерина Николаевна осталась в родном городе, делила все тяготы вместе жителями осажденного Ленинграда. Но в апреле 1942 года на нее поступило заявление от «бдительного товарища» (стукачей было немало и в театральной среде). Специальным политическим отделом УНКВД Ленинградского военного округа было заведено дело по обвинению Гейденрейх Е. Н. в антисоветских взглядах, которые она

* Примечание: 16 июня 2009 г. улице Коммунистической возвращено историческое название улица Петропавловская.

высказывала в общежитии хореографического училища, в контрреволюционных высказываниях и т. п.

Затем в деле № 2690-42 появился интересный документ – «Характеристика». В документе непосредственный руководитель Екатерины Николаевны в целом положительно оценивал ее профессиональные качества: «в качестве преподавательницы классического танца, являясь работником по совместительству в Малом Оперном театре (МАЛЕГОТ), считалась одной из лучших». Но дальше шли такие слова:

«...В общественной работе не участвовала и с этой стороны никак себя не проявила. В частных разговорах... с большим апломбом высказывала своё мнение по любым вопросам, даже таким, в которых была совершенно несведуща. В политических вопросах разбиралась слабо. И. о. директора училища Л. Тагер. 3.04.1942 г.» Все это, конечно, также было подшито к делу и использовано против обвиняемой. 25 апреля 1942 года военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа на закрытом судебном заседании в расположении той же внутренней тюрьмы, рассмотрел дело Гейденрейх.

Военному трибуналу потребовалось всего 2 часа 30 минут, чтобы «разобраться» в деле обвиняемой и вынести ей суровый приговор, в котором отмечалось, что «Гейденрейх Е. Н. в феврале и марте 1942 года по месту жительства, среди своих знакомых, проводила клевету на советскую действительность, советское правительство и советскую печать». На основании изложенного военный трибунал признал «Гейденрейх Е. Н. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 58, п. 10, ч. 2, но, не усматривая необходимости применения высшей меры наказания, по конкретным обстоятельствам дела, и руководствуясь ст. ст. 319-320 УПК РСФСР, приговорил: Гейденрейх Екатерину Никодимовну подвергнуть уголовному наказанию – лишению свободы сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ с

Е. Н. Гейденрейх после возвращения в Ленинград.

отбыванием в ИТЛ, с конфискацией личного имущества и с поражением в правах, предусмотренных ст. 31 пунктами «а» и «б» УК РСФСР сроком на ПЯТЬ ЛЕТ. Мера наказания Гейденрейх исчислять со 2 апреля 1942 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Как пишет пермский исследователь Юрий Стецура в книге «Жизнь и судьба балерины Екатерины Гейденрейх» (П., 1997), суд не учёл то, что обвиняемая себя виновной не признала, что в деле не было никаких доказательств её участия в «контрреволюционной деятельности», а были лишь слова уставшей, одинокой женщины, сказанные с горечью в кругу коллег. Екатерина Николаевна честно трудилась в блокадном Ленинграде, в трудных условиях продолжала передавать свой профессиональный опыт ученикам.

Суд не захотел услышать чистосердечное признание подсудимой, которая заявила, что была под впечатлением от страшной зимы в блокадном Ленинграде. Находясь в депрессии, прочитав интервью с руководителем города, который обещал улучшить положение, призывал блокадников потерпеть, давал привычные заверения, что всё скоро изменится... Екатерина Николаевна ему не поверила. Она считала, что в Ленинграде «не такое уж блестящее положение, что трудностей будет ещё много». Она повторила это и в суде. Обращаясь к трибуналу, Гейденрейх рассказала, как в очередях жители города отзывались о вручении Сталинских премий артистам. И не отказывалась от своего мнения, что лучше бы эти деньги пошли на оборону страны.

Никакие доводы не были приняты во внимание... Приговором была предусмотрена конфискация личного имущества арестованной. В квартире Гейденрейх на улице Жуковского было много антикварных вещей. В акт, составленный 29 июля 1942 года, было включено более 80-ти крупных предметов и 550 мелких вещей. Рояль и мебель из красного дерева, старинные каминные часы и зеркало в красивой раме, фарфоровые вазы с позолоченной отделкой, старинный сервиз на пятьдесят персон, серебряные столовые приборы... Весь антиквариат был оценен в восемь тысяч восемьдесят три рубля. Эта сумма была перечислена в общесоюзный бюджет. Была конфискована и замечательная коллекция из восемнадцати картин, подаренных балерине художниками З. Е. Серебряковой, Е. Е. Лансере,

Н. П. Богдановым-Бельским. Картины ушли в комиссионный магазин, где были проданы практически за бесценок. Пропал на долгое время и самый известный портрет «Гейденрейх в голубом» Зинаиды Серебряковой. (Позднее эта работа была передана частным коллекционером в Курскую картинную галерею).

26 июня 1942 года Екатерина Николаевна прибыла в Усольский исправительно-трудовой лагерь города Соликамска Молотовской области. Здесь она пробыла пять месяцев. 20 декабря 1942 года на основании определения судебной коллегии областного суда Гейденрейх была освобождена. Её «вытащили» из лагеря, ссылаясь на решение пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1942 года «О порядке рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осуждённых, заболевших душевной болезнью или тяжёлым неизлечимым недугом». Кто-то помог подвести Екатерину Николаевну к статье «душевнобольная» или «больная неизлечимым недугом» и вызволил таким образом её из Усоллага. Реабилитация состоялась значительно позже.

Около семи месяцев Екатерина Николаевна жила в Соликамске, после чего ссыльную удалось перевести в Молотов, где находилось в эвакуации Ленинградское хореографическое училище. Рассказывают, что к просьбам эвакуированных деятелей культуры, прежде всего А. Я. Вагановой, милостиво прислушалось тогдашнее партийное руководство и лично секретарь обкома тов. Гусаров. Как бы то ни было, спустя много месяцев нужды и лишений ссыльная вновь оказалась в родной среде. 5 июля 1943 года по Ленинградскому училищу был издан приказ: «...Считать Е. Н. Гейденрейх вернувшейся

В 1997 году в здании Пермского театра оперы и балета была открыта мемориальная доска в честь Е. Н. Гейденрейх.

на работу с 23 июня 1943 г. С сего числа поставить на довольствие». (Архив Санкт-Петербургской академии русского балета им. А. Я. Вагановой. Публикация Ю. А. Стецурь).

С 23 июня 1944 года при Молотовском театре оперы и балета была создана хореографическая студия (с 1 сентября 1945 реорганизована в училище). Художественным руководителем студии была утверждена Е. Н. Гейденрейх.

В декабре 1956 года Е. Н. Гейденрейх добилась своей полной реабилитации и почти сразу уехала в родной Ленинград, который не видела 13 долгих лет. Школа хореографии, основанная с ее помощью и под ее руководством на пермской земле, станет знаменитой на весь мир. В 1997 году в честь 100-летия Е. Н. Гейденрейх в Пермском театре оперы и балета состоялся роскошный концерт с участием выпускниц ПХУ, нынешних звезд мирового балета, а также бывших учениц Екатерины Николаевны, которые сами стали затем педагогами и продолжателями дела, которому она посвятила всю свою жизнь. Тогда же по инициативе общества «Арабеск» была открыта и мемориальная доска, на которой запечатлен в камне изящный образ «Девушки в голубом».

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ КАМЕНСКИЙ, ученый, меценат, общественный деятель

Памятные места, связанные с И. Г. Каменским: гимназия № 4, музей династии Каменских (ул. Плеханова, 41); Егошинское кладбище – Пермский Парк Памяти.

Было время, когда его называли «последним Каменским». Иван Григорьевич – представитель известной династии пароходчиков, его просвещенного поколения. Успешно окончив курс Московской практической академии коммерческих наук, он продолжил образование в Боннском университете, получил степени магистра химии и доктора философии. Это был самый просвещенный представитель знаменитого рода Каменских.

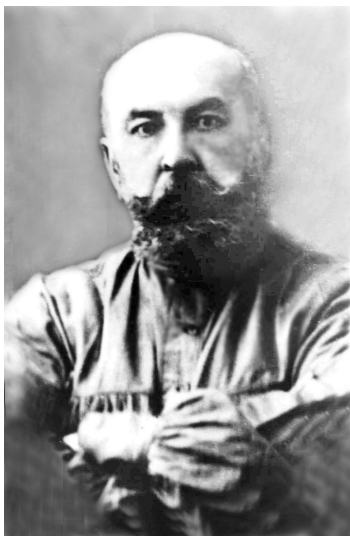
При И. Г. Каменском иной характер приобрела традиционная для семьи пароходчиков благотворительность. Если основатели рода братья Каменские жертвовали огромные суммы, прежде всего, на храмы и монастыри, то их дети уже стремились поддерживать науку и образование. Как благотворителя И. Г. Каменского хорошо знали в Пермском Алексеевском

реальном училище, в Суксуне, где он жил большую часть времени, а с 1916 года и в Пермском университете, где были учреждены именные стипендии для бедных студентов. Он состоял пожизненным членом губернского попечительства детских приютов, попечителем Суксунского училища, русско-башкирской сельскохозяйственной школы при Красноуфимском промышленном училище и др.

В течение нескольких трехлетий Иван Григорьевич выдвигался гласным (примерно то же, что современный депутат – ред.) Пермского губернского земства, последовательно отстаивая интересы не своего дела, а, в первую очередь, крестьянства. Почти двенадцать лет он был членом Государственного Совета от Пермского губернского земства (с 1906 года). В те годы в издании «Современная Россия» о нем писали так: «...Не примыкает ни к одной из существующих партий, но является деятелем прогрессивного направления в самом широком смысле». «...Сильнее сознания правдиво и полезно прожитой жизни едва ли может что-нибудь быть», – писал И. Г. Каменский в поздравлении своему любимому учителю и поэту М. А. Афанасьеву.

Вот этим «сознанием правдиво и полезно прожитой жизни» отмечена, как нам кажется, и жизнь самого Ивана Григорьевича Каменского. Надворный советник Каменский был «крупным капиталистом», как охарактеризовал его В. Н. Трапезников в своей «Летописи». Стало быть, новая власть должна была его уничтожить как класс. Она и уничтожила: умер Иван Григорьевич в Перми на 62 году жизни, 14 марта 1919 года. (См. некролог в газете «Свободная Пермь», 19 марта 1919 г.).

Причиной смерти Каменского стали нравственные и физические страдания, которые он претерпел при большевиках: жил в нищете, лишенный не только своих владений, но и книг,

*Иван Григорьевич
Каменский.*

лаборатории. Для жилья бывшему владельцу парходства была выделена каморка под лестницей в одном из публичных домов. При белых похоронили И. Г. Каменского достойно, в фамильной усыпальнице Казанской церкви. В анкетном листе при приемке имущества ликвидированной Казанской церкви-усыпальницы в январе 1920 г. отмечено:

«В самом храме около северной стены погребен в отдельном склепе создатель храма И. Г. Каменский».

Известный пермский краевед Е. А. Спешилова также пишет: «...Похоронили его в фамильном склепе, рядом с матерью». (Кн. «Старая Пермь», стр. 331). Можно предположить, место погребения было выбрано по его собственному желанию (завещания оставить не успел), поскольку Иван Григорьевич вместе с супругой Лидией Николаевной отдали много сил и средств строительству этой изящной домово́й церкви, возведенной в древненовгородском стиле предположительно по проекту В. Васнецова.

Но спустя десять лет прах его был потревожен. Новая власть продолжала планомерное наступление на религию, главная монастырская церковь, Успения Божией Матери была взорвана в конце 1920-х, а вместе с нею уничтожен и пещерный храм с родовой усыпальницей, в которой покоились два старших Каменских, Федор и Григорий Козьмичи, и один из потомков, Иван Федорович. Усыпальницу Каменских новые хозяева пощадили, но осквернили тем, что приспособили под другие нужды (детколония для «морально-дефективных» – термин тех лет, кузница, склад...)

По свидетельству старожилов, в 1928 году в усыпальнице был обнаружен и вскрыт гроб с останками старика «в черном костюме старинного пошива, раньше в таких костюмах (френчах) ходили богатая знать и купцы». (Беседа с жителем Перми В. Н. Кузнецовым записана сотрудниками областного музея в 1970-х. Позднее Виктор Николаевич подтвердил сказанное в интервью журналисту В. Гладышеву, посетившему его по домашнему адресу ул. Землячки, 8, кв. 2).

Возникал вопрос, не могли ли прах предать земле поближе, на монастырском кладбище или на старообрядческом, расположенном на берегу Данилихи. По свидетельствам краеведа А. И. Дмитриева, журналиста Г. И. Сулейманова, детство которых прошло как раз в этих местах, на берегу Данилихи, в конце 1920-х этого быть не могло, потому что оба кладбища уже были

закрыты. К такому же выводу пришли сотрудник Пермского областного музея известный археолог В. П. Денисов, краевед В. Ю. Шахов, автор книги «Усыпальница Каменских». В беседе с журналистом В. Н. Кузнецов также сообщил, что гроб из усыпальницы был «вывезен на телеге в направлении Егошихинского кладбища». (Личный архив В. Ф. Гладышева).

Это совпадает с официальными данными о ситуации в городе тех лет. С конца 1920-х лет в городе функционировало только Егошихинское кладбище, издавна называвшееся «общим» и «городским». Поэтому можно с уверенностью сказать, что останки И. Г. Каменского были увезены именно туда и преданы земле предположительно в квартале № 11 на новой части кладбища, там, где в 1918 году были закопаны останки расстрелянных священников и монахов. Спустя несколько лет, во время массовых репрессий 1933-1937 гг, в том же отдаленном квартале хоронили вторым слоем десятки погибших в сталинских застенках.

В 2005 году в Пермском Парке памяти (Егошихинское кладбище) был торжественно открыт новый мемориальный знак – мраморный памятник предпринимателю и меценату члену Государственного Совета России Ивану Григорьевичу Каменскому. Спонсорами в этом благородном деле выступили специалисты ООО «Электрические системы». А средства на памятную доску собирали пермские краеведы, педагоги и учащиеся пермской гимназии № 4 имени Каменских.

Тюрьма НКВД № 2 (г. Пермь, ул. Сибирская, 65, ныне хозяйственные помещения Театра кукол)

Рассказывает Виктор Николаевич ВЯТКИН,
бывший заключенный:

– В 1944-1945 годах я сидел в этой тюрьме, ее называли тогда пересылкой. В камере нас было очень много, около 50 человек, как сельдей в бочке. Кормили нас в основном рыбой, рыбной баландой один раз в сутки и 400 граммов хлеба. Жажда мучила страшно. Курить очень хотелось, но это строго запрещалось. Так мы что делали? Опытные товарищи смастерили накат из телогрейки, то есть трут сделали из жгута и дощечки,

Виктор Вяткин в прогулочном дворике бывшей тюрьмы: «Решетка сохранилась еще с тех времен».

вот вата и начинала от трения тлеть. Ну, а кому давали табак в передачах с воли (мне некому было передавать), те приновились его нюхать.

На прогулку выводили один раз в день, 15 минут. Дворик прогулочный в основном сохранился таким же, даже вот решетка в стене осталась. Вначале нас всех вместе держали: и таких, и сяких, и уголовных, и политических. Ну, мы с ребятами, моими «подельниками», так сказать, теми, кто тоже военным трибуналом осужден был, держались кучкой. Провел я здесь полторы недели. Дальше меня по этапу – в ИТК-5, которая

располагалась... на территории моего родного Мотовилихинского завода.

А теперь расскажу о том, как я попал в эту тюрьму. Случай удивительный.

На завод я попал подростком, после окончания «ремеслухи», ремесленного училища № 3. Отец мой тоже работал на заводе, куда же еще идти. Меня распределили в третий цех, где довелось обрабатывать люльки для знаменитых пушек «МЛ-20». В ту пору в Мотовилиху эвакуировали из Подлипков московский 8-й оружейный завод. И меня, как освоившего работу, направили на сборочный конвейер в 89-й цех, где работали многие выпускники нашего училища. Собирали «сорокапятки», а потом и горные пушки калибра 76 миллиметров. Нашу фронтовую комсомольско-молодежную бригаду, как лучшую в соревновании, даже сфотографировали вместе с бойцами Северо-Западного фронта, приехавшими на завод получать пушки.

В начале 1944-го московский завод вернулся к прежнему месту дислокации. Нас, бывших его работников, устным распоряжением перевели непосредственно на завод. Я,

например, стал работать кузнецом в цехе № 21. Не буду вдаваться в технические подробности, но мы «варили стопора». Работа тяжелая. Мой наставник, подчеркивая важность нашей работы, напоминал: «Видел фильм «Петр первый»? Вот и государь тяжелой работы не гнушался, лапы корей ковал».

А в феврале меня и еще человек двадцать молодых мотовилихинцев арестовали прямо на рабочих местах, как... саботажников производства.

Из беседы В. В. Вяткина с журналистом газеты «Звезда» Михаилом Смородиновым:

В. В. Вяткин: «Мне до сих пор непонятно, почему такое могло произойти... Я от работы не отлынивал, а меня арестовали прямо в кузне. И – в КПЗ на улице Восстания. И там встречаю наших бывших выпускников, человек двадцать. И всех нас скопом без какого-либо обвинения военный трибунал Молотовского гарнизона осудил на 5 лет. Отбывать срок мне довелось на родном заводе: в Язовой располагалась ИТК-5, остатки барakov долго стояли еще на заводской территории. Мы, 17-летние подростки, вкалывали тут, разгружая баржи с чугунными чушками, грузили на лесобазе дрова для нужд производства. Работа была такая тяжелая, что некоторые зеки бросались на колючку и гибли. Сюда по доброй воле работать кто-либо вряд ли пошел...» («Звезда», апрель 2005 г.).

– Мне предлагали уехать с москвичами, как ценному специалисту, – говорит сегодня Виктор Николаевич. – Мог стать столичным жителем. Но мы же местные, куда от родных семей? Никто из наших ребят не поехал. И вот вместо Москвы стали арестантами. Я могу только предполагать, почему нас репрессировали. Для такой работы, какую мы выполняли, понадобился рабский подневольный труд, иначе никто не брался. Пытаясь добиться правды, я обращался в различные архивы, в прокуратуру Приволжского военного округа. Все бесполезно.

Полтора года я отбыл в неволе. Судимость с меня уже в июле 45-го сняли.

Ветеран пермского футбола Лев Николаевич Рогожников: «КАК Я ПОДКАРМЛИВАЛ СТАРОСТИНА»

– В долгой моей жизни – мне 80 лет уже – много было всего, но я никогда не смогу забыть братьев Старостиных. Так случилось, что я был знаком с двумя братьями Старостиными, Николаем и Анатолием Петровичами, выдающимися мастерами отечественного футбола. Но если с первым, с Николаем, мое знакомство ограничилось только встречами на футбольных полях, то с его братом все вышло гораздо сложнее...

О Николае можно говорить долго, это великий футболист. Я много могу рассказывать о матче московского «Спартак» (команда Старостиных) с нашей «Звездой», мы сыграли 1:1. О, это была легенда!..

Но с Анатолием Петровичем все получилось трагично. В наших краях он оказался не по своей воле. Его осудили, как «антисоветчика», и в два приема выслали из столицы. Об этом деле много писали в горбачевские и постперестроечные времена. Гораздо меньше известно о том, как Анатолий Петрович отсиживал свой срок в наших краях.

А сидел он в Усоллаге, в пос. Боровском. Потом его перевели в Пермь, потому что здесь нашлись люди, понимающие в спорте, в футболе. Перевели как зека, освободить его не могли никак и никто!

Я тогда играл в молодежной команде мастеров «Динамо» (это футбольный

Братья Старостины. 1937 год.

коллектив от лица милиции). И вот нас тренировал знаменитый Старостин, Анатолий Петрович! Кумир и легенда! Ну, как мы могли относиться к такому тренеру? Конечно, с обожанием! С 1948 года я играл за «Динамо», а спустя год уже первым номером (забивал почти в каждой игре) меня переоформили в команду ЗиСа (завод имени Сталина) – оттуда уже в армию не брали.

Анатолий Петрович не мог сначала даже выезжать на стадион без конвоира. Он вообще с пересылки (тюрьма на ул. К. Маркса, позднее Сибирской) никуда не мог выехать.

А тут возникла проблема питания, время-то послевоенное, полуголодное. Как подкормить спортсменов? При тюрьме был магазинчик, заведовал им майор Булочкин. И он, и начальник части Бубенчиков оказались страстными футбольными болельщиками. Они и помогли выкарабкаться, да еще начальник управления КГБ по нашей области (он жив и сегодня).

А мне что? Мне 19 лет, я все могу! Начальник КПЗ старший лейтенант Рудометов помогал мне вынести селедку для зэка (их жен селедкой в то время кормили чаще всего). Брал сумку с рыбой на рынке по одной цене (по 10 р.), а у меня забирали по 15 р. И этот маневр помог футболистам выжить.

Когда Анатолий Петрович, бывший наш наставник, уезжал в Москву, он простился с пермяками очень даже по-человечески:

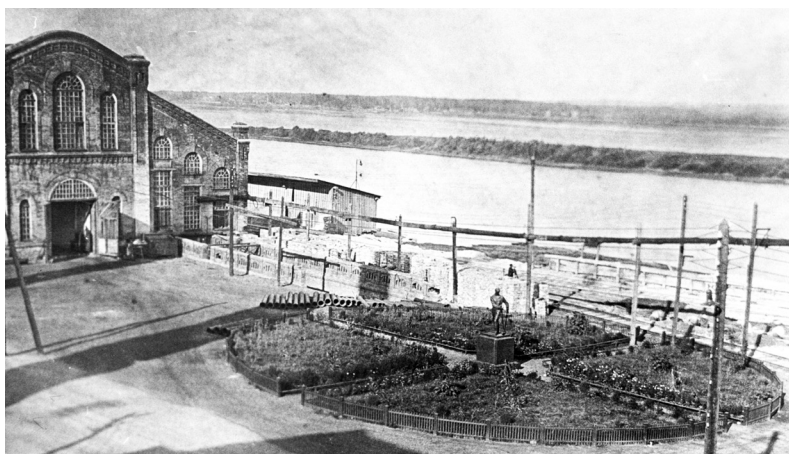
– Ребята, – сказал он, – я вам всем желаю успеха на поле, и очень хочу, чтобы Лева играл, он должен хорошо играть. Пусть играет! В ТРУДНУЮ МИНУТУ ЖИЗНИ ОН ПОДКОРМИЛ МЕНЯ – ПУСТЬ ИГРАЕТ!

Я после, уже когда перестал играть в футбол, ездил в Москву и не раз. Заходил и к нему, к Анатолию Петровичу. Ушел из жизни он первым из братьев.

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

...Теплая компания из четырех человек расположилась на отдых у костра. Композиция пейзажа построена так, что люди как будто находятся на носу корабля, омываемого Камой. «Остров-корабль» четко ориентирован живописцем на кафедральный собор, виднеющийся почти на горизонте. В левом углу изображены еще два храма, Петропавловский и далее – Богородицкий. Городская панорама – как на параде, автору хотелось показать самые красивые постройки и самую длинную улицу с каменными домами. Ну а по «главной улице» Перми, реке Каме, плывут корабли и лодки, опять же всех возможных типов, какие существовали на то время. Тут и лодки весельные, и парусные, а мимо острова шлепает колесами пароходик с красной трубой и российским триколором на корме.

Надвигается вечер... Люди у костерка заняты своим делом. Мальчик подкидывает дрова, поддерживает огонь, мужчина в картузе прикуривает от головешки, две женщины беседуют друг с другом, а полулежащий юноша в белой рубашке задумчиво смотрит вдаль, заслушавшись песнями, которые доносятся с лодки, проплывающей мимо, с двумя парочками. На платке, разложенном вместо скатерти, поблескивает в приближающихся вечерних сумерках графинчик, тут же стопочки. Никто

Один из цехов Мотовилихинского завода. На дальнем плане – узкая полоса «Острова мертвых». Фото 50-х годов прошлого века.

никуда не торопится, в воздухе царит элегическое, патриархальное настроение.

Художнику, чувствуется, не хватает мастерства при прорисовке фигур, передаче света. Но передать настроение, создать эффект контраста автору удалось. Темнеющий «корабль» острова, уже почти погруженный в сумрак, словно врезается в сияющую зеркальную гладь реки, в которой отражается высокое небо и весь небосвод в чудесном предзакатном свете...

«Вид Перми» – так называется это произведение неизвестного художника начала XIX-го века (из фондов Пермского краевого музея) – написан с острова, который находился прямо напротив Мотовилихинского завода. И не знают счастливые участники этой пермской идиллии, что мирная жизнь совсем не уготована их потомкам, а город ждут тяжкие испытания... Да и сам остров будет «приговорен».

Сейчас пермского острова Буяна нет, он исчез в пучине вод, после того, как в 1954 году была введена в действие Камская ГЭС. Ушел в небытие остров и унес с собой тайны, которые окружали его во все времена. Особенно много легенд, а то и страшных историй, рассказывали об этом острове в XX веке.

* * *

С 1918 года над Островом зазвучала другая музыка, далеко не пасторальная. Образованным обитателям благословенной Перми вспоминался сюжет популярной в начале XX века картины Беклина «Остров мертвых». На ту же тему написал поэму Сергей Рахманинов, чутко уловивший приближение грозы и передавший через музыку предчувствие кары над человечеством.

Дурная слава покатила в местном народе об острове посреди Камы. Темные дела вершились на этой полоске земли. Говорили, к примеру, что в июне 1918 года большевики вывезли сюда последнего императора, Михаила Александровича Романова, который жил в Перми на положении ссыльного, и расстреляли его вместе со слугой. (Эта версия не подтвердилась).

В советское время находились люди, ветераны партии и революции, которые гордились своим участием в кровавых операциях. Поднимем из архива воспоминания М. Ф. Горшкова-Касьянова (1894-1980), который в 1918 году был сначала председателем Усольского ревкома, затем членом Пермского горисполкома и заведующим горфинотделом. В них описывается

характерная ситуация, когда тов. Горшкову (вот уж истинно: его хоть кем назови...) довелось исполнить роль палача:

«...Вспоминается несколько фактов, как мы вчетвером: Колпащиков Иван, Зенков Иван, Сицилицын Александр и я увезли на маленьком пароходике 12 человек арестованных, бывших полицейских (на самом деле среди их жертв были люди разных профессий, в том числе рабочих – В. Г.), вверх по Каме и на двух островах расстреляли там... Еще (в другой раз) белых офицеров расстреливал за рекой Гайвой, в землянке...

Почти перед самым отступлением наших войск мы с Колпащиковым расстреляли бывшего начальника завода (Мотовилихинского – В. Г.), его сына офицера (нашли у них пулемет) и еще инженера Иванова, зав. снарядным цехом № 3 – как служившего в охране. Все это мы делали по решению ЧК и Мотовилихинского ревкома».

Мемуарист имеет в виду декабрь 1918 года, когда случилась знаменитая «пермская катастрофа», стремительный захват города колчаковцами; упоминаемый в тексте И. Колпащиков – участник похищения и убийства великого князя Михаила Романова. К бессудной казни Михаила Александровича Романова Горшков «пририсовал» несколько выдуманных деталей, явно с одной целью: чтобы придать вид законности расправе над двумя гражданами свободной России, которые хотели жить в полном соответствии с ее новыми законами и указами:

«... Я был вызван в горсовет. А. Белобородов (председатель Уралсовета – В.Г.) в присутствии Мясникова, Зорина и Лукьянова, вручая нам решение совета, сказал: «Михаила Романова нужно эвакуировать в «Мотовилихинскую тюрьму» – это островок против завода, где расстреливали контрреволюционеров. Мне с Шамариным было ясно, что мы выполняем волю народа. Через час приговор был приведен в исполнение. Этим самым предотвратили кровопролитие, которое готовила буржуазия Урала и верный Михаилу седьмой полк. Но буржуазия не сдалась...». (ГОПАПО, ф. 90, оп. 2, д. Г-19, л. 52-53).

Текст Горшкова примечателен и тем, что он явно преувеличивает свою роль в истории. Если ему верить, то на свет появляется уже третий по счету убийца «последнего Романова» (до этого появились «признания» мотовилихинских боевиков А. Маркова и Н. Жужгова). Фамилии большевиков, однако, Горшков приводит реальные, и об острове уже привычно упоминается как о

неофициальной «тюрьме». Ветеран партии также пытается убедить новые поколения, что большевики предотвратили кровопролитие, а на самом деле развязали его. Гражданская братоубийственная война заполыхала и охватила всю страну...

Все больше документов появляется о том, что в годы гражданской войны чекисты использовали остров возле керосиновых складов Нобеля как место казни. Вот выписка из протокола допроса свидетелей в Мотовилихе. Документ хранится в ГАРФ (Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Публикуется по книге «Красный террор на востоке России в 1918-1922 гг.». М., 2006).

«Дежурный товарищ (т. е. заместитель) прокурора Пермского Округного Суда С. А. Алешинский 10 февраля 1919 г., вследствие личного предписания господина прокурора, опрашивал нижепоименованных, явившихся в канцелярию прокурора, и они показали следующее:

«Я Герасим Логинович Бородулин, проживаю в городе Перми по Ильинской улице, дом № 4. Летом и осенью 1918 г. я служил машинистом на принадлежавшей Мотовилихинскому заводу и его управлению моторной лодке «Шрапнель». С половины сентября и по 6 октября я 4 раза получал от своего начальства, заведующего хозяйственной частью Мотовилихинского завода Глинкова, предписание предоставить «Шрапнель» в распоряжение Мотовилихинской Чрезвычайной Комиссии, которая брала мою лодку всего 4 раза. В какие числа это было, я теперь не помню, но в последний раз это точно было 6 октября. Обыкновенно лодка требовалась или поздно вечером или рано утром, как это было 6 октября. Вооруженный конвой, человек из 15 солдат, имевший при себе кроме ружей еще и лопаты, сажал в лодку также человек по 15 арестованных, коих мы и отвозили к острову, находящемуся напротив склада Нобель, повыше Мотовилихи. Там мы становились на якорь в некотором расстоянии от берега, после чего арестанты увозились на остров по 2 в гребной лодке. На берегу, спустя некоторое время, слышались 2 выстрела, после чего лодка возвращалась за новыми жертвами. Все расстрелянные оставались на том острове, и, вероятно, их зарывали расстреливавшие. Назад расстрелянных мы уже не увозили. Среди расстрелянных таким образом 46 человек за все мои 4 поездки были люди, судя по наружному виду, разных сословий. Были и интеллигентные, были и крестьяне, но духовенства и женщин не было. Из Перми мы никого

не возили. Посадки в лодку арестантов всякий раз делались в Мотовилихе.

Из расстреливавших арестантов я знаю только Ивана Васильевича Зенкова, бывшего председателя Мотовилихинской «чрезвычайки», потом ставшего начальником мотовилихинской милиции. Красноармейцев из этой команды я не знаю никого. Из расстрелянных я также никого по фамилии не знаю».

Второй свидетель – Павел Федорович Гомзиков, живший в Мотовилихе по 1-й Луговой улице в доме № 9, служил рулевым на той же моторной лодке «Шрапнель». Он полностью подтвердил показания Бородулина. По существу дела добавил описание одного из расстрелянных: высокого черного сутуловатого человека в очках, котелке и черном драповом пальто.

Когда Бородулину и Гомзикову показали фотографию заместителя председателя Пермского Окружного Суда Александра Александровича Гилькова, «...оба они признали по ней того сутуловатого высокого черного человека, который был расстрелян в 1-ю их поездку в сентябре месяце».

Имеется в виду поездка на «Шрапнели», курсом – на остров мертвых...

Особый случай (побег)

Спустя два месяца, при дознании 16 апреля 1919 г., тот же машинист моторной лодки Герасим Логинович Бородулин, 35 лет, прибавил новые сведения о поездках на «Шрапнели» к острову. В разговоры вступать как с арестованными, так и с конвоирами ему не приходилось, потому что около него оставался часовой с револьвером в руке и следил за каждым движением. Во время третьей поездки арестованных увезли уже на остров, все, как и прежде. «Шрапнель» стояла на якоре, а увозили приговоренных мелкими партиями на гребной лодке.

Вдруг у конвоиров возник переполох, началась беспорядочная стрельба. Уже темнело. Палачи прибежали на «Шрапнель», схватили сигнальный мачтовый фонарь и потом долго искали кого-то, обшарив весь остров. По возвращении конвоя обратно в Мотовилиху Бородулин из обрывков разговора понял, что убежали арестованные, не больше трех человек.

Кому-то, значит, повезло. Не смирившись с участью бессловесных жертв, обреченных на заклание, смельчакам удалось

сбежать от потерявших бдительность палачей, которые, уверовав в свое всевластие и вседозволенность, позволили себе слегка расслабиться. Они явно не ожидали такой дерзости от арестантов.

Была еще одна попытка побега. О ней мы узнаем из свидетельских показаний Павла Федоровича Гомзикова, 30-летнего рулевого той же моторной лодки. Протокол дознания составлен 16 апреля 1919 г. (Бородулин подтвердил его показания):

«...Когда мы подплыли к острову и стали на якорь, то, как всегда, конвоиры приступили к перевозке арестованных в гребной лодке на остров. В один из таких рейсов, когда лодка с арестованными и конвоирами уже подходила к берегу, один из заключенных выскочил в воду с намерением скрыться, но конвоиром был ранен, извлечен из воды и уведен в лощину острова под руки... Место стоянки на якорю лодки «Шрапнель» я хорошо заметил и могу указать». (Протокол допроса от 22 мая 1919 г.).

Убийство белогорского настоятеля

Благодаря неизвестным ранее архивным документам, или, другими словами, по вновь открывшимся обстоятельствам, мы можем теперь установить с большей степенью достоверности то, где и как закончилась земная жизнь архимандрита Варлаама (Коноплева), первого настоятеля Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря, причисленного к сонму православных святых.

7 июня 1919 года (незадолго до захвата Перми красными) административный судья по Пермскому уезду И. Кравченко, выступивший в качестве судебного следователя, допросил в качестве свидетеля 33-летнего белогорского иеромонаха Петра (в миру Григория Турпанова (?)) Отец Петр жил то на Белой горе, то в Перми, на Белогорском подворье по Петропавловской (Коммунистической) улице. В августе он находился как раз на подворье, когда к ним приехал с Белой горы делопроизводитель монастыря иеромонах Илья и рассказал, что 13 августа о. Варлаам был арестован большевиками в монастыре вместе с другим иеромонахом о. Вячеславом. Увезли их сначала в Юго-Осокинский завод, где допрашивали в исполнении, а затем перевезли в г. Осу.

Когда о. Илья приехал в Осу, чтобы отыскать следы о. Варлаама, ему долго отказывались сообщать, но 16 августа один из чекистов сказал ему, что о. Варлаама накануне отправили в г. Пермь на пароходе «Ныроб». Далее о. Петр рассказывает:

«В Перми мы с о. Ильей тотчас предприняли розыски о. Варлаама, причем я отправился по местам заключения, а о. Илья пошел в Чрезвычайную комиссию. Однако в местах заключения, которые я обошел почти все, о. Варлаама не оказалось, в ЧК же о. Илье сказали, что ничего не знают. В тот же день о. Илья пошел на Истоминскую пристань в Перми и стал спрашивать там служащих...»

Упомянутая пристань находилась на берегу Камы, принадлежала небольшому торгово-пассажирскому пароходству А. И. Истомина. Его пароходы совершали по два отправления ежедневно по маршрутам Пермь-Оханск и Пермь-Оса. Нужно отметить, что розыски монахи предприняли энергичные и быстрые. Ими овладело сильное беспокойство, но мрачные мысли они старались отгонять, пока не узнают всей правды. При этом они, конечно, понимали, что рискуют своей жизнью, но о спасении своей шкуры белогорским братьям совсем не думалось.

И вот в полном мраке глухого молчания и безвестности появился первый лучик. Один из служащих на пристани сообщил под секретом, что о. Варлаам вместе с двумя духовными лицами (один из которых был иеромонах Вячеслав, имя другого установить не удалось) был привезен на пароходе «Ныроб» в Пермь. А затем «в тот же день был пересажен красноармейцами на буксирный пароход «Союз», принадлежащий Балашевой, и увезен вверх по р. Кама по направлению к с. Левшину...»

Получив эти важные сведения, отец Илья бросился обратно в ЧК, чтобы взять там пропуск и разрешение на свидание с о. Варлаамом – «где бы он его не нашел» и поехал его разыскивать. Свидание их состоится. Но уже только на небесах. Отец Илья также был расстрелян большевиками в Осе.

Но это случится позже. А пока белогорский монах упорно идет по следу отца Варлаама. В Перми его не видели, по словам отца Петра, трое или четверо суток. За это время он побывал в Левшино, затем в Усолье, далее на Губахинских коях и других местах, но все безрезультатно – ни следа.

Вернувшись в Пермь, о. Илья вновь идет на Истоминскую пристань, то есть, в начальный пункт, откуда пытался прой-

ти по лабиринту, заведшему его в тупик. Попытка оказалась полезной: со второго захода тот же служащий, с которым монахи уже беседовали, видимо, решился и сообщил ему, тоже под страшным секретом, следующее:

«Часа через два после отхода парохода «Союз», на котором увезли о. Варлаама и двух его товарищей, красноармейцы, сопровождавшие пароход, вернулись назад и, похваляясь, рассказывали: «Хорошо мы разделались с длинногривыми (длинноволосыми), так им и надо!»

Вскоре появился еще один свидетель. Отец Петр вспоминает, что к ним на подворье пришла женщина, служившая полойкой, звали ее Варвара Зырянова. Она возвратилась после побывки на родине, в Усть-Гаревской волости Пермского уезда. Варвара спросила отца Петра:

«Что, отец Варлаам убит?»

И потом убежденно повторила, что батюшка убит, а знает она это от родственника, который состоит служащим на том самом пароходе «Союз» и был очевидцем убийства. Из рассказа Зыряновой выяснилось, что пароход с арестованными, отойдя от Перми, дошел до Мотовилихинского острова. Тут все и произошло. Читаем показания:

«...Красноармейцы-конвоиры расстреляли о. Варлаама, о. Вячеслава и третьего священника тут же, на пароходе, затем привезли к ним что-то чугунное и трупы спустили в реку Каму...»

Еще один белогорский монах, Авксентий, живший в те дни на подворье в Перми, рассказывал отцу Петру о своей поездке в Осу, в мае того же 1919 года. Ездил он туда, чтобы разыскать и откопать труп погибшего от рук большевиков иеромонаха Иосафа. В Осе один служащий парохода Истомина также рассказал ему о смерти о. Варлаама, последовавшей при обстоятельствах, уже нам знакомых. Но служащий тот дополнил свой рассказ такой подробностью:

«...Товарищей Варлаама убили сразу, а его самого еще добивали и били прикладами и кололи штыками...»*

* Примечание. В книге «Свет Белой горы» В. Гладышева, А. Кудриной (П., 2001) приводятся разные версии того, где могли захоронить останки о. Варлаама. Называются и берег Камы (якобы тело удалось выловить), и Егошихинское кладбище (предположительные сведения об этом получил и описал настоятель монастыря Варлаам-Второй (Передернин). В издании «Величие и трагедия Уральского Афона» В. Вяткина (П., 2000) критически рассматривается одна версия, появившаяся после видения духовной дочери белогорского новомученика. Точного места никто назвать не смог.

В драматической истории гибели отца Варлаама и его товарищей некому было их отпеть в момент гибели. Но теперь в православных святцах есть дата 25 августа – день поминаения святого преподобномученика Варлаама и белогорских монахов...

Крайняя степень нечеловеческих мучений

В те же полгода, когда Пермь находилась во власти колчаковцев и проводилось расследование массовых убийств, учиненных большевиками, начальником милиции Мотовилихинского завода Пермского уезда был составлен рапорт об обнаружении трупов людей, уничтоженных большевиками. (ГАРФ, ф. 9440. Оп. 1. Д. 3).

«Экстренно. 19 апреля 1919 г. № 1632. Судебному Следователю Пермского Округного Суда по важнейшим делам.

...Сообщаю, что сего числа, на острове, вблизи керосинового склада братьев Нобель, при раскопках, из 2-х ям было извлечено 18 неизвестных трупов людей, убитых большевиками. Трупы в настоящее время находятся в анатомическом покое при кладбище Мотовилихинского завода».

К этому прилагается заключение судебно-медицинской экспертизы относительно причины смерти 19 человек, найденных 19 апреля 1919 г. Труп 19-го человека был выловлен в том месте, где, как показали очевидцы, чекисты топили людей. (ГАРФ ф. 9440. Оп. 1. Д. 3). Пермский уездный врач Уткин констатировал:

«...Причиной смерти № 2-8, 11-13 и 19 стали удары тупым предметом, причем представляющим крайнюю степень нечеловеческих мучений. № 9 и 10 были неоднократно биты, а затем задушены. № 14 убит разрывной пулей. № 15, 16 и 18 убиты огнестрельным оружием...»

Чтоб сказку сделать былью...

В 1920-е годы на острове устроили тир, а в 1930-е годы, при Сталине, когда возникла необходимость «разгрузить» тюрьму, сюда вновь стали привозить приговоренных к смерти – по наказанному маршруту. Здесь, на бывшем стрельбище, их кончали...

В годы перестройки появились свидетели, которым захотелось поделиться такими знаниями, о которых долгие годы приходилось молчать, в противном случае можно было «загнать под фанфары». В конце 1980-х в пермское общество

«Мемориал», а затем в редакцию газеты пришли старые мотовилихинцы В. В. Мальцев, в годы молодости служивший в ОГПУ, пермский пенсионер Е. А. Харин. Последний рассказал о том, что они с приятелями видели на острове. Затем этот энергичный старичок принес в редакцию карту-схему острова, выполненную на обороте старой кухонной клеенки, на которую он старательно нанес все объекты: высокая опора электросети, дом бакенщика, ряды колючей проволоки (по состоянию на 1940-е годы и на начало 1950-х), ворота, караульное помещение, избушка для пыток (так подписано), траншеи. Расстояние до берега (левого) – около 300 метров...

Старику не давала покоя тайна, которой он владел. Он пришел еще раз, принес список людей, всего восьмерых, которые также, как и он, бывали в детстве или юности на острове и видели все эти объекты. Некоторых из них журналистам удалось отыскать и побеседовать, но подтвердить сказанное их знакомым они отказались...

Пораженный их отказом говорить на «запретную тему», старик написал: «...Эти люди должны помнить все безобразия, но, видимо, память оказалась слаба, но мне кажется, что это забыть никак нельзя. На моей схеме нет еще одной детали, которую я забыл нарисовать, это что-то вроде тира, прямо среди захоронений. Бывали случаи, пули прошивали обшивку трамвайчиков (плывших по реке). Мишени были разные: человек по пояс, голова в немецкой каске, круги, а ограждение – простые деревянные щиты, и пули, видимо, проходили сквозь доски...»

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», – так пела советская молодежь, ничего не ведая, слепо и искренне веря в идеалы справедливого общества, которое она обязательно построит. Их отцы сделали сказочный камский остров Буян страшной былью, местом казни, секретным лобным местом.

Может, и вся афера с гигантской гидроэлектростанцией была затеяна для того, чтобы скрыть следы преступлений, спрятать концы в воду? Слишком смелая мысль, скажете вы... но что-то в этом все же есть...

Автор выражает признательность за содействие при подготовке публикации сотрудникам Государственного архива РФ, ГОПА Пермского края, Пермского краевого общества «Мемориал», сестрам Ново-Тихвинского женского монастыря Екатеринбургской епархии.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	3
А. Рогинский. Память о сталинизме	6
А. Калих. Если помним, мы народ. Сценарий	15
ЛИКВИДИРОВАТЬ КАК КЛАСС	31
Вступление	32
В. Бадаева. Любила его всей душой... ..	35
Н. Княжище. А на душе остается тяжесть	42
Н. Мальцева. Меня звали вражинкой	48
М. Вахрамеева. Так и жили... ..	63
М. Ниленберг. Намучились	66
С. Чижова. Мне повезло	67
Н. Шамина. Не хотела предавать память об отце	69
А. Суслов. Спецконтингент в Пермской области 1929-1953 гг.)	75
1937	89
Вступление	90
ЧАСТЬ I.	
Операция «Повстанцы»	91
А. Кузнецов. Помню и преклоняюсь	93
Список жителей Прикамья, арестованных органами НКВД по делу о белогвардейской повстанческой организации... ..	107
В. Орлов. «Береги сына...»	112
А. Кимерлинг. Сфабрикованные НКВД сети контрреволю- ционных повстанческих организаций как способ реали- зации приказа № 00447	129
ЧАСТЬ II.	
Л. Самойлова. Власть скрывала правду о своих преступлениях	135
Г. Розенгольц. Оправдать свое существование на земле	142
А. Гаврилова. У нас еще будут хорошие дни	154
Л. Никифорова. Мы думали, что Сталин ничего не знает	163

НОВОМУЧЕНИКИ	173
Вступление.....	174
Н. Гашев. Крест отца Николая.....	175
В. Гладышев. Твердо стояли в правде. Из воспоминаний о священномученике Николае Алексеевиче Ермолове	197
В. Гладышев. Отец Стефан – неистребимый поп.....	207
ПОБЕДА. СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ	217
Вступление.....	218
В. Лаищев. Вышитый платок – письмо из ГУЛАГа	220
М. Спектор (Ширяева). Жизнь под прицелом	239
В. Нечаева. Добрые люди помогли выжить в нелегкие времена	268
Песни Михаила Танича	273
ВЕХИ ПАМЯТИ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ	277
А. Калих. Памятник жертвам политических репрессий в Перми.....	278
В. Гладышев. Вехи памяти. Путеводитель	281
Михаил Романов, последний русский император	281
Елизавета Федоровна Романова, великая княгиня	285
Андроник, архиепископ Пермский и Соликамский.....	288
Оттилия Владимировна Циммерман	292
Михаил Андреевич Осоргин, писатель	295
Константин Доримедонтович Покровский	296
Владимир Николаевич Трапезников	298
Екатерина Николаевна (Никодимовна) Гейденрейх	300
Иван Григорьевич Каменский	304
Тюрьма НКВД № 2	307
«Как я подкармливал Старостина»	310
Остров мертвых	312

ГОДЫ ТЕРРОРА
Книга памяти жертв политических репрессий
Часть шестая
Том 2

Редактор

А. М. Калих

Корректоры

Н. Н. Лазько, Т. Н. Назукина

Верстка

Е. И. Галиевой

Дизайнер

Е. В. Палкина

Подписано в печать 05.05.2010. Формат 84×108 ^{1/32}
Бумага ВХИ. Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 2910.

ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова»
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 27
Тел. 212-44-53, 294-1140